

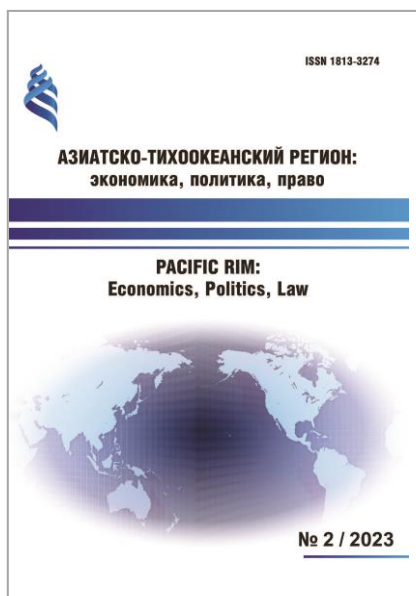
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

- Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- Подписной индекс 83612
- Журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 10

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, корп. А, к. А920–923

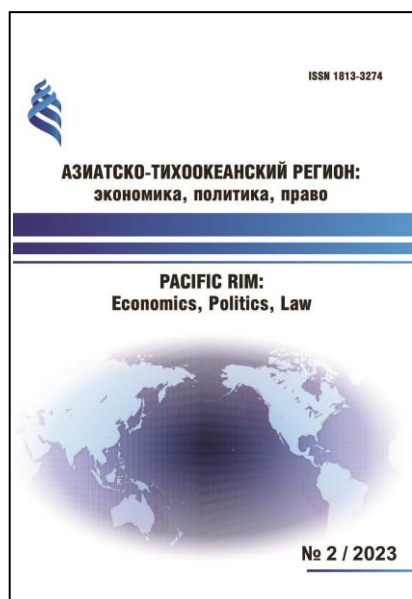
Подписано в печать 17.06.2023.
Тираж 500 экз. Заказ 192.
Дата выхода в свет 23.06.2023.
Цена свободная.

Редактор *В. А. Воронова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

The Journal was established in 1999
Published 4 times a year

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

- The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. ФС 77-65746 dated 20.05.2016
- Index 83612
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index (eLibrary), Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich

Printed by the printing house of the
Far Eastern Federal University
Publishing House
690091, Vladivostok, 10 Pushkinskaya str.

Signed for publication 14.07.2023.
The circulation is 500 copies. Order 192.
Release date 23.06.2023.
The price is free.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A, office A920–923

Editor *V. A. Voronova*

Translation into English by *N. V. Betancourt*

References editor *T. V. Polikarpova*

Computer layout *S. A. Prudkoglyad*

Председатель редакционного совета журнала

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ Александр Иванович заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ Вячеслав Вячеславович доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

КУЗНЕЦОВА Наталия Викторовна профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

МАМЫЧЕВ Алексей Юрьевич профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ Владимир Владимирович заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- ВОЛЫНЧУК**
Андрей
Борисович ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

СЕБАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
<i>Редакционная коллегия журнала</i>	
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Санкт-Петербург, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

- Alexey S. Koshel** Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russia
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Ik Hyeon Rhee** Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
- Sergey V. Sevastyanov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Olga A. Tretyak** Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала.....	11
ЭКОНОМИКА	15
Сатторзода С. Р. Исследование эффективности интеллектуального капитала как фактора роста российских компаний.....	15
Дроздова М. А. Опыт создания китайской цифровой платформы LOGINK как пример успешной практики формирования единого цифрового логистического пространства для трансграничного сотрудничества	27
Горчакова М.Е. Цифровая йена: перспективы внедрения	39
ПОЛИТИКА	50
Матюк Ю. С. Угрозы цифровой среды в контексте поддержания доверия к государственным институтам.....	50
Журавская Т. Н., Рыжова Н. П. Государство как повседневное взаимодействие: «нелегальность» миграций и миграционная политика России	56
Паронян К. М. Институт цензуры в либеральном государственно-правовом режиме России конца XX – начала XXI вв.	72
Цой Г. Влияние культуры «ккондэ» на конфликт поколений в корейской организации.	83
ПРАВО	95
Галстян А. М., Мордовцев А. Ю., Апольский Е. А. Особенности и перспективы формирования единой правоприменительной практики в Российской Федерации (на примере разъяснительных актов пленума и судебных коллегий Верховного Суда РФ).....	95
Даниловская А. В. Правовые основы уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции.....	105
Филоненко Т. В. К вопросу о понятии криминологического рецидива.....	119
Гюлбанкян А. А. Сложные вопросы квалификации эксцесса исполнителя преступления.....	130
Рабец А. П., Найденов К. Д. Гражданско-правовой режим невзаимозаменяемых токенов (NFT): современное состояние и перспективы развития законодательства	142
Коротких Н. Н., Юнусов М. Ф. Противодействие преступности несовершеннолетних: опыт России и Китая	155

Contents

To the Readers	11
ECONOMICS	15
Sattorzoda S. R. Research of the efficiency of intellectual capital as a growth factor of russian companies	15
Drozdova M. A. The experience of creating a chinese digital platform LOGINK as an example of successful practice in the formation of a single digital logistics space for cross-border cooperation.....	27
Gorchakova M.E. Digital yen: implementation prospects.....	39
POLITICS	50
Matyuk Y. S. Threats to the digital environment in the context of maintaining trust in state institutions.....	50
Zhuravskaia T. N., Ryzhova N. P. The state as everyday interactions: the "illegality" of migration and migration policy in Russia	56
Paronyan K. M. The institute of censorship in the liberal state-legal regime of Russia in the late XX – early XXI centuries	72
Choi K. The impact of kkondae culture on intergenerational conflict in korean workplaces ...	83
LAW	95
Galstyan A. M., Mordovtsev A. Y., Apolsky E. A. Features and prospects for the formation of a unified law enforcement practice in the Russian Federation (by the example of explanatory acts of the plenum and judicial boards of the Supreme Court of the Russian Federation).....	95
Danilovskaia A. V. Legal bases of criminal law policy in the sphere of protection of competition.....	105
Filonenko T. V. To the question of the concept of criminological recurrence	119
Gyulbankyan A. A. Difficult qualification issues of excess of the performer of the crime	130
Rabets A. P., Naydenov K. D. Civil legal regime of non-fungeable tokens (NFT): current state and prospects of development of legislation	142
Korotkikh N. N., Yunusov M. F. Countering juvenile delinquency: the experience of Russia and China.....	155

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 28 ноября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID (*без слова ORCID* в формате <https://orcid.org/...>) и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2023;
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратные скобки, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2023;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 15–26.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 15–26.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 005.336.4(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/15-26>

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОРА РОСТА РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Сухроби Рустам Сатторзода

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
suhrob_m_m@mail.ru

Аннотация. В настоящее время одним из самых ценных активов компании является ее интеллектуальный капитал, который может помочь предприятиям достигать высоких темпов роста и способствовать повышению их конкурентоспособности. В статье, используя метод квантильной регрессии, исследуется, насколько успешно интеллектуальный капитал содействует росту российских предприятий. Анализ проводился на собранных панельных данных 97 российских компаний за последние 5 лет в период с 2017 по 2021 гг. за исключением крупных компаний добывающего и банковского сектора. Результаты показали, что, хотя интеллектуальный капитал оказывает значительное влияние на рост быстрорастущих организаций, он практически не влияет на медленнорастущие компании. На основе полученных результатов были выдвинуты предложения о том, что российскому бизнесу следует активно создавать и использовать интеллектуальные ресурсы.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, корпоративный рост, эффективность, метод квантильной регрессии, VAIC.

Для цитирования: Сатторзода С. Р. Исследование эффективности интеллектуального капитала как фактора роста российских компаний // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 15–26.
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/15-26>.

Original article

RESEARCH OF THE EFFICIENCY OF INTELLECTUAL CAPITAL AS A GROWTH FACTOR OF RUSSIAN COMPANIES

Suhrobi Rustam Sattorzoda

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia, suhrob_m_m@mail.ru

Abstract. At present, one of the most valuable assets of the company is its intellectual capital, which can help drive high growth rates and contribute to increasing its competitiveness. In this article, we used the quantum regression method to look at how effectively intellectual capital helps Russian businesses grow. The analysis was based on panel data from 97 Russian companies between 2017 and 2021, except for large companies in the mining and banking sectors. The results showed that while intellectual capital has a significant impact on the growth of fast-growing organizations, it has virtually no impact on slow-growing companies. The analysis also showed that material capital is still the most important thing for Russian businesses to grow. Based on the results, proposals were made that the Russian business community should actively create and use intellectual resources.

Keywords: intellectual capital, corporate growth, efficiency, quantile regression method, VAIC.

For citation: Sattorzoda S. R. Research of the efficiency of intellectual capital as a growth factor of Russian companies // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 15–26. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/15-26>.

Введение. В связи с быстрым изменением экономической и политической ситуации, а также с возрастающей непредсказуемостью среды, в которой работают организации, сейчас они сталкиваются с серьезными препятствиями. Чтобы идти в ногу с постоянно меняющимся ландшафтом угроз и решать возникающие проблемы, предприятиям приходится все больше и больше полагаться на свои нематериальные активы. В настоящее время основным критически важным капиталом предприятий является интеллектуальный капитал, тогда как в прошлом это были физические активы, такие как деньги, недвижимость, товары и т. д.

Начиная с 1980-х годов руководители и ученые неизменно проявляют активный интерес к вопросам, касающимся интеллектуального капитала (ИК). С тех пор интеллектуальный капитал рассматривается как важнейший фактор, который не только влия-

яет на размер прибыли, генерируемой организацией, но и повышает уровень ее конкурентоспособности. Исследование вопросов, относящихся к интеллектуальному капиталу, является актуальным на протяжении последних нескольких десятилетий. Несмотря на это среди академического сообщества нет общего согласия относительно термина, и, как следствие, не существует согласованного определения интеллектуального капитала. Нефизические активы, нематериальные активы, активы знаний, интеллектуальные активы, неосязаемые активы, интеллектуальный капитал – все это термины, которые в зависимости от контекста используются различными авторами, но, по сути, все они являются взаимозаменяемыми и имеют одинаковое значение.

Наиболее влиятельными работами в этой области выступают труды Т. Стюарта. Поэтому одним из первых определений интеллектуального капитала, которое мы рассмотрим в своей работе, является дефиниция, предложенная Т. Стюартом. Он трактует интеллектуальный капитал как знания, информацию, интеллектуальную собственность, опыт, которые могут быть использованы для создания богатства [цитируется на основе 1].

Согласно Л. Эдвинсону, интеллектуальный капитал представляет собой совокупность информации, знаний, опыта работы, организационных технологий, контактов с клиентами и профессиональных способностей, необходимых для конкурентоспособности на рынке [2].

Интеллектуальный капитал также определяется как «часть человеческого капитала организации, которая представлена способностями отдельных людей» [3, с. 243]. Знания, организационные и другие способности позволяют сотрудникам организации разрабатывать новые идеи или развивать старые, дают возможность организации получать доступ к этим знаниям – за счет увеличения своей доли на рынке и максимизации своих сильных сторон, а также создания позиции, которая может воспользоваться этой возможностью. Кроме того, под интеллектуальным капиталом понимаются высококвалифицированные сотрудники, которые обладают умственными способностями и навыками для внедрения инноваций и выработки новых идей, способные помочь компании сохранить свои конкурентные позиции, повысить производительность, снизить затраты и наилучшим образом использовать сильные стороны, которые уже присутствуют в компании.

Таким образом, мы можем видеть, что описания интеллектуального капитала в вышеупомянутых определениях различаются: одно определение фокусируется на конкурентных преимуществах, другое – на знаниях и навыках, третье – на способности генерировать новые идеи.

Однако важно отметить, что эти определения имеют ряд общих характеристик. Одной из таких характеристик является тот факт, что ИК – это люди, представляющие собой группу сотрудников, обладающих знаниями, опытом, навыками и организационными возможностями, которые позволяют им разрабатывать новые идеи

или улучшать существующие с целью снижения затрат, повышения конкурентоспособности и поддержки роста компании.

Как нет единого мнения относительно терминологии и определения ИК, так и отсутствует консенсус относительно ее состава.

Авторы проанализированных исследований интеллектуальный капитал разделили на человеческий и структурный. Клиентский и организационный капитал включены в структурный капитал, тогда как инновационный и технологический капитал рассматриваются как подкатегории организационного капитала. Интеллектуальная собственность является компонентом инновационного капитала, а технологический капитал – это в основном рабочие процессы, коммерческая тайна и другие подобные вещи [4].

Есть авторы, утверждающие, что ИК состоит из интеллектуальных активов и человеческого капитала [5].

Томас Стюарт в своем фундаментальном исследовании разделяет ИК на следующие три компонента: человеческий капитал (ЧК), структурный капитал (СК) и отношенческий капитал (ОК) [6]. Подавляющее большинство ученых в своих исследованиях использует эту классификацию [7–11].

Несмотря на то, что разделение ИК на три различные вышеуказанные компоненты подверглось критике [12], мы полагаем, что именно данная классификация лучше всего подходит для нашего исследования.

Одной из наиболее актуальных проблем, которая беспокоит не только ученых, но и менеджеров и политиков, является влияние компонентов ИК на рост компании. Влияние ИК как в целом, так и ее отдельных компонентов на рост фирмы было предметом нескольких исследований.

Согласно Н. Бонитису (1998), человеческий капитал в секторе, не связанном с обслуживанием, оказывает более сильное влияние на рост компании, чем в секторе услуг. Кроме того, ученый обнаружил, что существует корреляция между структурным капиталом и ростом предприятия [7]. Другие исследователи указывают, что все компоненты интеллектуального капитала вносят существенный вклад в развитие компании, а одним из ключевых факторов, который будет определять развитие организации, является ее человеческий капитал [13].

Исследования отечественных ученых тоже подтверждают положительное влияние компонентов ИК на индикаторы результативности российских компаний [14, с. 125]. Они особо отмечают, что человеческий капитал играет умеренную роль в формировании результативности компаний в отличие от структурного капитала, поэтому именно наличие эффективных информационных систем для поддержки бизнес-операций имеет высокую значимость [14, с. 123].

Автор другого исследования также констатирует огромную ценность ИК и ее компонентов для компаний, которые увеличивают конкурентные преимущества и эффективность их работы [15, с. 100].

По мнению Ху и его коллег, человеческий капитал фирмы оказывает благоприятное влияние на устойчивый рост компании. Хотя финансовый капитал значительно ускоряет рост бизнеса, структурный капитал имеет отрицательную корреляцию с ростом компании. Авторы обнаружили, что компоненты ИК по-разному повлияли на высокотехнологичные и не высокотехнологичные предприятия [16]. Необходимы дополнительные эмпирические исследования, чтобы ответить на вопрос, играют ли компоненты ИК одну и ту же функцию в содействии развития фирм, ориентированных на рост в развивающихся странах.

Вышеупомянутые ученые провели эмпирическое исследование, чтобы изучить влияние интеллектуального капитала на способность компании к росту с различных точек зрения, и они в основном пришли к одному и тому же выводу: интеллектуальный капитал является важным фактором, способствующим росту компании, но эффект варьируется в зависимости от типа организации, страны и метрики. Наше исследование было вызвано нехваткой аналогичных изысканий, проведенных на отечественных предприятиях. Интерес представляет и выяснение вопроса о том, каково влияние интеллектуального капитала на корпоративный рост российских фирм.

Исходя из изложенного, целью нашего исследования является получение ответа на следующий вопрос: влияние ИК на корпоративный рост является одинаковым или отличается в зависимости от уровня роста компаний?

Для достижения поставленной цели были отобраны панельные данные российских компаний за последние пять лет. Был использован метод факторного анализа для извлечения факторов роста, модель интеллектуального коэффициента добавленной стоимости (VAIC) для измерения интеллектуального капитала. Метод квантильной регрессии был применен для того, чтобы оценить эффективность интеллектуального капитала, способствующего росту предприятий.

Гипотеза исследования. Согласно ресурсно-ориентированному подходу, нематериальные ресурсы являются источником силы, который способствует развитию предприятия. Поэтому доступ к этим ресурсам может обеспечить конкурентное преимущество. Конкуренция за превосходство также служит катализатором устойчивого развития. Интеллектуальный капитал является неоднородным активом. Это прежде всего обусловлено спецификой среды, в которой он генерируется. Различия в темпах корпоративного роста можно отнести к разнообразию ИК. Темпы корпоративного роста разные, и способность интеллектуального капитала влиять на корпоративный рост также разная [16]. Другими словами, потенциал интеллектуального капитала влияет на рост фирмы, зависит от темпа роста: чем быстрее фирма растет, тем больше вклад интеллектуального капитала в рост предприятия. Таким образом, исходя из характеристик неоднородности ИК и его влияния на рост предприятий, предлагаются следующие гипотезы:

Н1: интеллектуальный капитал способствует корпоративному росту российских компаний.

Н2: интеллектуальный капитал вносит больший вклад в рост быстрорастущих предприятий.

Методология. Объектом исследования, проводимого в рамках данной статьи, являются компании, акции которых торгуются на Московской бирже. Мы отобрали 97 предприятий с полными данными, зарегистрированных на бирже до 2021 года. Панельные данные компаний в качестве выборки для исследования были обработаны с использованием двух популярных программ для обработки данных - Excel и R.

В исследовании использован факторный анализ по четырем показателям, позволяющий представить рост компании в качестве объясняемой переменной. Этими показателями выступили: темпы роста совокупных активов, чистой прибыли, выручки от продаж и собственного капитала.

Модель интеллектуального коэффициента добавленной стоимости (VAIC), предложенная Анте Пулисем [17], используется для оценки интеллектуального капитала. Она состоит из трех частей: эффективности материального капитала (CEE), эффективности человеческого капитала (HCE) и эффективности структурного капитала (SCE). Формула для расчета: $VAIC = CEE + HCE + SCE$. В данном исследовании CEE, HCE и SCE рассматриваются как переменные, отражающие материальный, человеческий и структурный капитал (в миллионах рублей) соответственно, а коэффициент учета активов и обязательств (LEV) выступает в качестве контрольной переменной.

Эффективность интеллектуального капитала, способствующая росту компании, оценивается с помощью метода квантильной регрессии. Метод оценки квантильной регрессии является более универсальным подходом, позволяющим получить надежное оценочное значение. Ниже приводятся модели измерения, используемой в этой статье:

$$Growth = \beta_0 + \beta_1 CEE + \beta_2 HCE + \beta_3 SCE + \beta_4 LEV + \mu_0$$

Эмпирический анализ. Как было выше отмечено, для проведения факторного анализа выбрано четыре показателя, свидетельствующих о росте компаний, а именно: темпы роста совокупных активов, чистой прибыли, выручки от продаж, и собственного капитала.

Результаты сферического теста Бартлетта и КМО, представленные в таблице 1, демонстрируют их применимость для факторного анализа. На основе результатов, полученных после анализа факторов роста, её формула может быть выражена следующим образом:

$$Growth = 0,35TAG + 0,39NPG + 0,42 SRG + 0,27OEG$$

Таблица 1

Результаты проверок КМО и Bartlett

Results of KMO and Bartlett's test

Мера Кайзера – Мейера – Окина, достаточная для отбора проб	0,741	
Тест Бартлетта на сферичность	Приблизительный Хи-квадрат	1475.415
	Df	4
	Sig	0,000

Таблица 2

Объясняющая дисперсия

Explanatory dispersion

Факторы	Начальное значение факторов			Извлечение квадратов и загрузка		
	Общее	Отклонения (%)	Кумулятивный (%)	Обще	Отклонения (%)	Кумулятивный (%)
1	1,738	63,108	63,204	1,738	63,108	63,108
2	0,876	32,297	92,439			
3	0,628	3,461	94,792			
4	0,86	2,597	100,000			

Описательная статистика для каждой переменной показана в таблице 3.

Таблица 3

Результаты описательной статистики

Results of descriptive statistics

	GROWTH	CEE	HCE	SCE	LEV
Mean	0,296051	0,301423	2,644154	0,593481	0,391475
Median	-0,024703	0,254047	2,318927	0,539842	0,389745
Std. Dev	7,920510	0,175246	2,189205	0,304522	0,243547
Observations	682	682	682	682	682

Стандартное отклонение составило 792,05 %, а средний показатель роста – 29,61 %. Это означает, что между фирмами существуют значительные различия, а темпы их роста являются весьма неравномерным. Среднее значение показателя добавленной стоимости человеческого капитала составило 264,42 % при стандартном отклонении 218,92 %, что указывает на существенные различия в эффективности использования человеческого капитала предприятиями. При стандартном отклонении в 30,45 % и незначительных различиях между предприятиями коэффициент прироста структурного капитала составил в среднем 59,35 %, а медиана – 53,98 %. Среднее соотношение активов и обязательств составляет 39 %, что свидетельствует

о низком уровне долга по отдельным компаниям. Из всех компаний только 2,4 % – это компании с самым низким балансом, рост которых требует финансовой поддержки, а низкий процент обязательств может быть основной причиной их медленного роста.

Анализ результатов. В данном исследовании мы использовали метод квантильной регрессии для изучения эффективности интеллектуального капитала в стимулировании роста российских предприятий. Из приведенного выше краткого обзора вытекают основные выводы: во-первых, с точки зрения влияния материального капитала на рост предприятий, когда доля материального капитала составляет от 5 % до 50 %, наблюдается значительное положительное влияние материального капитала на рост предприятий. Однако, когда этот показатель находится в пределах от 55 % до 95 %, то эффект наблюдается также положительный, но не существенный. Это означает, что материальный капитал по-прежнему является основным движущим фактором роста бизнеса в нашей стране.

Во-вторых, когда квантиль находится в пределах от 10 % до 30 %, то влияние человеческого капитала на рост компании является не существенно отрицательным. Если же квантиль фиксируется в интервале между 60 % и 95 %, то влияние человеческого капитала на рост предприятий становится значительным. Это говорит о том, что человеческий капитал, выступая основным фактором, способствующим росту предприятий, не может играть свою роль в медленно растущих компаниях.

В-третьих, структурный капитал оказывает прямое влияние на рост компаний и это влияние становится более сильным, если его доля превышает 10 %. Сказанное означает, что инновационный капитал как компонент структурного капитала, который включает в себя товарные знаки, авторские и патентные права, технологические процессы, коммерческую тайну, институциональную практику и другие компоненты, является важным фактором, способствующим росту компаний.

Полученные нами результаты подтверждают выдвинутые гипотезы и согласуются с выводами других исследователей [16; 18–20].

Выводы и рекомендации. Автор исследования протестировал эффективность интеллектуального капитала как фактора роста российского бизнеса, используя метод квантильной регрессии. Результаты работы прольют свет на понимание роли интеллектуального капитала в росте российских предприятий. Полученные в ходе исследования результаты показывают, что интеллектуальный капитал вносит значительный вклад в рост предприятий. Создание, накопление и расширение интеллектуального капитала может эффективно способствовать быстрому росту предприятий. Однако следует отметить, что влияние интеллектуального капитала зависит от темпа роста компаний. Интеллектуальный капитал в быстрорастущих пред-

приятных, играет важную роль в качестве их движущей силы, в то время как в медленно растущих предприятиях, имеющих низкие темпы роста, интеллектуальный капитал еще не используется в полной мере. В этом контексте рекомендуется, чтобы предприятия, особенно медленно растущие, активно наращивали и использовали интеллектуальный капитал, создавали интеллектуальную ценность и тем самым способствовали своему здоровому и устойчивому росту.

Список источников

1. Intellectual capital: an exploratory study from Lebanon / H. Hejase, A. Hejase, H. Tabsh, H. Chalak // *Open Journal of Business and Management*. 2016. No. 4. P. 571–605. DOI: 10.4236/ojbm.2016.44061.
2. Edvinsson L. Developing intellectual capital at Skandia // *Long Range Planning*. 1997. Vol. 20. P. 366–373. DOI: 10.1016/s0024-6301(97)90248-x.
3. Насибова Э. Н. Эволюция подходов к понятию «Интеллектуальный капитал» // *Вестник ИрГТУ*. 2015. Т. 10, № 105. С. 239–244.
4. Edvinsson L., Malone M. *Intellectual capital*. New York: Harper Business, 1997. XII, 225 p.
5. Sullivan P. H. *Value driven intellectual capital: how to convert intangible corporate assets into market value*. New York: Wiley, 2000. 304 p.
6. Стюарт Т. А. *Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций*. М.: Поколение, 2007. 149 с.
7. Bontis N. *Intellectual capital: an exploratory study that develops measures and models* // *Management Decision*. 1998. Vol. 2, no. 36. P. 63–76.
8. Edvinsson L. *Some perspectives on intangibles and intellectual capital* // *Journal of Intellectual capital*. 2000. Vol. 1, no. 1. P. 12–16. DOI: 10.1108/14691930010371618.
1. Leitner K. H. *Intellectual capital reporting for universities: conceptual background and application within the reorganization of Austrian universities* // *Transparent Enterprise: The Values of Intangibles Conference*. Madrid, 2002. P. 1–20.
9. *Conference on the of Intellectual capital*. 2002. Vol. 1, no. 1. P. 12–16.
10. Holienka M., Pilkov A. *Impact of intellectual capital and its components on firm performance before and after crisis* // *Electronic Journal of Knowledge Management*. 2014. Vol. 12, no. 4. P. 261–272.
11. Molodchik M. A., Jardon C. M., Bykova A. A. *The performance effect of intellectual capital in the Russian context: Industry vs company level* // *Journal of Intellectual Capital*. 2019. Vol. 20, no. 3. P. 335–354.
12. *The interaction of intellectual capital assets and knowledge management practices in organizational value creation* / A. Kianto, P. Ritala, J. C. Spender, M. Vanhala // *Journal of Intellectual Capital*. 2014. Vol. 15, no. 3. P. 362–375.

13. Gomezelj Omerzel D., Smolčić Jurdana D. The influence of intellectual capital on innovativeness and growth in tourism SMEs: empirical evidence from Slovenia and Croatia // *Economic research – Ekonomska istraživanja*. 2016. Vol. 29, no. 1. P. 1075–1090.
14. Деглес, Х. С. М., Кельчевская Н. Р. Влияние интеллектуального капитала на результативность и инвестиционную привлекательность российских компаний // *Journal of Applied Economic Research*. 2021. Т. 20, № 1. С. 110–132.
15. Михеева Т. В. Практические основы влияния интеллектуального капитала на финансовые результаты деятельности компании // *Инновации и инвестиции*. 2021. № 6. С. 98–101.
16. Xu X. L., Chen H. H., Zhang R. R. The impact of intellectual capital efficiency on corporate sustainable growth-evidence from smart agriculture in China // *Agriculture*. 2020. Vol. 10, no. 6. P. 199.
17. Ante Public. VAIC™ an accounting tool for IC management // *International Journal of Technology Management*. 2000. Vol. 20, no. 5/6/7/8. P. 702–714.
18. Titova N., Sloka B. Impact of intellectual capital efficiency on growth rate and profitability of a company: Nasdaq Baltic Case // *European Integration Studies*. 2022. No. 16. P. 150–165.
19. Balaji V., Mamilla R. Intellectual capital efficiency and its impact on sustainable development of agri-business sector in India // *ECS Transactions*. 2022. Vol. 107, no. 1. P. 18–59.
20. Assessment of the impact of intellectual capital on the profitability of IT companies in Russia / A. Skhvediani, D. Maksimenko, A. Maykova, T. Kudryavtseva // *Assessment*. 2020. Vol. 13, no. 7. P. 1558–1567.

References

1. Hejase H., Hejase A., Tabsh H., Chalak H. Intellectual capital: an exploratory study from Lebanon. *Open Journal of Business and Management*, 2016, no. 4, pp. 571–605. DOI: 10.4236/ojbm.2016.44061.
2. Edvinsson L. Developing intellectual capital at Skandia. *Long Range Planning*, 1997, vol. 20, pp. 366–373. DOI:10.1016/s0024-6301(97)90248-x.
3. Nasibova E. N. Evolyutsiya podkhodov k ponyatiyu «Intellektual'nyi kapital» [Evolution of approaches to the concept of "intellectual capital"]. *Bulletin of ISTU*, 2015, vol. 10, no. 105, pp. 239–244. (In Russ.).
4. Edvinsson L., Malone M. Intellectual capital. New York: Harper Business, 1997. XII, 225 p.
5. Sullivan P. H. Value driven intellectual capital: how to convert intangible corporate assets into market value. New York: Wiley, 2000. 304 p.
6. Stewart T. A. Intellektual'nyi kapital. Novyi istochnik bogatstva organizatsii [Intellectual capital. A new source of organizational wealth]. Moscow: Pokolenie Publ., 2007. 149 p. (In Russ.).

7. Bontis N. Intellectual capital: an exploratory study that develops measures and models. *Management Decision*, 1998, vol. 2, no. 36, pp. 63–76.
8. Edvinsson L. Some perspectives on intangibles and intellectual capital. *Journal of Intellectual Capital*, 2000, vol. 1, no.1, pp. 12–16.
9. Leitner K. H. Intellectual capital reporting for universities: conceptual background and application within the reorganization of Austrian universities. In: *Transparent Enterprise. The Values of Intangibles Conference*. Madrid, 2002. P. 1–20.
10. Holienka M., Pilkov A. Impact of intellectual capital and its components on firm performance before and after crisis. *Electronic Journal of Knowledge Management*, 2014, vol. 12, no. 4, pp. 261–272.
11. Molodchik M. A., Jardon C. M., Bykova A. A. The performance effect of intellectual capital in the Russian context: Industry vs company level. *Journal of Intellectual Capital*, 2019, vol. 20, no. 3, pp. 335–354.
12. Kianto A., Ritala P., Spender J. C., Vanhala M. The interaction of intellectual capital assets and knowledge management practices in organizational value creation. *Journal of Intellectual Capital*, 2014, vol. 15, no. 3, pp. 362–375.
13. Gomezelj Omerzel D., Smolčić Jurdana D. The influence of intellectual capital on innovativeness and growth in tourism SMEs: empirical evidence from Slovenia and Croatia. *Economic research – Ekonomska istraživanja*, 2016, vol. 29, no. 1, pp. 1075–1090.
14. Degles H. S. M., Kelchevskaya N. R. Vliyanie intellektual'nogo kapitala na rezul'tativnost' i investitsionnyuyu privlekatel'nost' rossiiskikh kompanii [The influence of intellectual capital on the performance and investment attractiveness of Russian companies]. *Journal of Applied Economic Research*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 110–132. (In Russ.).
15. Mikheeva T. V. Prakticheskie osnovy vliyaniya intellektual'nogo kapitala na finansovye rezul'taty deyatel'nosti kompanii [Practical foundations of the influence of intellectual capital on the financial performance of the company]. *Innovatsii i investitsii*, 2021, no. 6, pp. 98–101. (In Russ.).
16. Xu X. L., Chen H. H., Zhang R. R. The impact of intellectual capital efficiency on corporate sustainable growth-evidence from smart agriculture in China. *Agriculture*, 2020, vol. 10, no. 6, pp. 199.
17. Ante Public. VAIC™ an accounting tool for IC management. *International Journal of Technology Management*, 2000, vol. 20, no. 5/6/7/8, pp. 702–714.
18. Titova N., Sloka B. Impact of intellectual capital efficiency on growth rate and profitability of a company: Nasdaq Baltic Case. *European Integration Studies*, 2022, no. 16, pp. 150–165.
19. Balaji V., Mamilla R. Intellectual capital efficiency and its impact on sustainable development of agri-business sector in India. *ECS Transactions*, 2022, vol. 107, no. 1, pp. 18–59.

20. Skhvediani A., Maksimenko D., Maykova A., Kudryavtseva T. Assessment of the impact of intellectual capital on the profitability of IT companies in Russia. *Assessment*, 2020, vol. 13, no.7, pp. 1558–1567.

Информация об авторе

С. Р. Сатторзода – аспирант, кафедра экономики исследований и разработок, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

S. R. Sattorzoda – postgraduate student, Department of Economics of Research and Development, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.04.2023; одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 08.05.2023.

The article was submitted 08.04.2023; approved after reviewing 08.05.2023; accepted for publication 08.05.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 27–38.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 27–38.

Научная статья

УДК 656.07:004.9(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/27-38>

ОПЫТ СОЗДАНИЯ КИТАЙСКОЙ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ LOGINK КАК ПРИМЕР УСПЕШНОЙ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЦИФРОВОГО ЛОГИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Мария Александровна Дроздова

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора
Александра I, Санкт-Петербург, Россия, drozdova@pgups.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9691-0575>

Аннотация. Статья посвящена обзору практики формирования в Китае единого цифрового пространства и реализации проекта логистической платформы LOGINK как примера успешной практики создания и использования цифровых сервисов для осуществления всех этапов взаимодействия в логистической сфере как внутри страны, так и с международными партнёрами. Цель работы – выявление особенностей развития правового регулирования логистической сферы КНР на современном этапе для возможного использования китайского опыта как в практической деятельности по реализации проекта создания и функционирования цифровой логистической платформы, так и в законодательной деятельности по развитию цифрового законодательства. Отмечается особый национальный китайский подход, который позволил обеспечить технологическую независимость в сфере транспорта и логистики и создать устойчивую экосистему, включающую проект цифровой логистики на межгосударственном уровне. Китай занимает лидирующую позицию в мире в области внедрения цифровых технологий, а его опыт в создании крупнейших цифровых платформ, таких как Alibaba, Tencent, Baidu, LOGINK, позволяет выявить и перенести успешные практики правового регулирования цифровых сервисов на российскую почву. Поскольку успех китайский цифровых корпораций наблюдался на фоне запрета деятельности таких западных компаний, как Google (в связи с наличием недопустимого с точки зрения китайского законодательства контента), то в условиях международных санкций, введённых

против России, данный опыт представляется актуальным, ибо одной из важнейших задач в настоящее время является необходимость импортозамещения иностранных технологий. При этом отмечаются схожие проблемы у России и Китая, связанные с отставанием нормативно-правовой базы, регулирующей цифровую сферу, от её темпов развития. В связи с чем и российские, и китайские законодатели не успевают своевременно реагировать на инновации, возникающие в сфере цифровой экономики, включая и цифровую логистику. В контексте сказанного представляется важным изучение китайского опыта использования и правового регулирования цифровых платформ для перенесения на российскую почву его лучших и наиболее успешных практик – как для реализации национальных задач, так и для выстраивания сотрудничества с Китаем.

Ключевые слова: международное право, международная логистика, международные санкции, транспорт, логистика, ЕАЭС, АТР, логистические платформы, LOGINK, цифровые платформы.

Для цитирования: Дроздова М. А. Опыт создания китайской цифровой платформы LOGINK как пример успешной практики формирования единого цифрового логистического пространства для трансграничного сотрудничества // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 27–38. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/27-38>.

Original article

THE EXPERIENCE OF CREATING A CHINESE DIGITAL PLATFORM LOGINK AS AN EXAMPLE OF SUCCESSFUL PRACTICE IN THE FORMATION OF A SINGLE DIGITAL LOGISTICS SPACE FOR CROSS-BORDER COOPERATION

Mariya Alexandrovna Drozdova

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russia,
drozdova@pgups.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9691-0575>

Abstract. The article is devoted to the review of the practice of forming a single digital space in China and the implementation of the LOGINK logistics platform project, as an example of the successful practice of creating and using digital services for all stages of interaction in the logistics sector both within the country and with international partners. The purpose of the work is to identify the features of the development of the legal regulation of the logistics sector of the PRC at the present stage for the possible use of Chinese experience both in practical activities for the implementation of the project for

the creation and operation of a digital logistics platform, and in legislative activities for the development of digital legislation. A special national Chinese approach is noted, which made it possible to ensure technological independence in the field of transport and logistics and create a sustainable ecosystem, including a digital logistics project at the interstate level. China occupies a leading position in the world in the implementation of digital technologies, and its experience in creating the largest digital platforms, such as Alibaba, Tencent, Baidu, LOGINK, allows us to identify and transfer successful practices of legal regulation of digital services to Russian soil. Since the success of Chinese digital corporations took place against the backdrop of a ban on the activities of Western companies such as Google due to the presence of content that is inadmissible from the point of view of Chinese law, this experience is relevant in the context of international sanctions imposed against Russia, since one of the most important tasks is currently the need for import substitution of foreign technologies. At the same time, there are similar problems in Russia and China related to the backlog of the regulatory framework governing the digital sphere from its pace of development. In this connection, neither Russian nor Chinese companies have time to timely respond to innovations emerging in the digital economy, including digital logistics. In this context, study of the Chinese experience in the use and legal regulation of digital platforms is important in order to transfer its best and most successful practices to Russian soil, both for the implementation of national tasks and for building cooperation with China.

Keywords: international law, international logistics, international sanctions, transport, logistics, EAEU, Asia-Pacific, logistics platforms, LOGINK, digital platforms.

For citation: Drozdova M. A. The experience of creating a Chinese digital platform LOGINK as an example of successful practice in the formation of a single digital logistics space for cross-border cooperation // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 27–38. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/27-38>.

Задача формирования цифрового пространства является актуальной для экономической политики каждой страны. Обеспечение эффективно функционирующих цифровых логистических сервисов, объединяющих различные виды транспорта, а также их взаимодействия на международном уровне является важным направлением укрепления транспортного суверенитета страны. Созданная в 2014 г. китайская логистическая платформа LOGINK является хорошим примером реализации этой задачи. Представляется интересным изучить полезный опыт Китая для дальнейшего применения его лучших практик в России с учетом национальных интересов и потребностей нашего государства.

Совокупный объем цифровой экономики Китая в 2021 г. составил 7,1 трлн \$. При этом с 2012 по 2021 гг. рост цифровой экономики в год в среднем составлял

15,9, а ее доля в ВВП страны увеличилась практически в 2 раза: с 20,9 до 39,8%. Уровень доступности интернета в стране составляет 74,4%, а количество интернет-пользователей превышает миллиард. Таким образом, Китай в настоящее время является одним из лидеров цифровой экономики в мире, чей опыт внедрения цифровых сервисов в транспортно-логистическую отрасль представляет большой интерес как для исследователей, так для профессионалов данной отрасли [1]. Тектонические изменения в структуре международного сотрудничества, произошедшие в 2022 г., разрыв маршрутов перевозки грузов из Европы в Азию, а также введенные против России международные санкции выявили необходимость формирования единого цифрового пространства в транспортно-логистической сфере как на территории Российской Федерации, так и в рамках ЕАЭС и со странами – стратегическими партнерами России, такими как Китай. Как и в Китае, в России диджитализация транспортно-логистической экосистемы остается ведущим трендом в ее развитии. Вопросы цифровизации и внедрения инноваций в российской логистической экосистеме рассматривались в работах О. Д. Покровской [2–6] и других авторов [7; 8–10; 11].

Говоря о принципах правового регулирования в КНР, отметим, что в китайском законодательстве отмечается развитость практики регулирования подзаконными нормативно-правовыми актами при малочисленности основных законов, что, по сути, создает возможность исполнительной власти заниматься фактически правотворческой деятельностью, подменяя своими постановлениями законодательство.

Исследователь П. В. Трощинский правильно отмечает: «В настоящее время КПК (Коммунистическая партия Китая) продолжает определять вектор правового развития страны, решения партии формируют планы правотворческой работы китайского законодателя на многие годы вперед» [12]. Многие крупные государственные проекты, такие как создание LOGINK, получая приоритетное значения, реализуются не на основании хорошо разработанной нормативно-правовой базы, а под контролем партийных органов. Российские правоведа справедливо отмечают, что «приоритет интересов государства над общественными и личными интересами не предполагает выработку действующих законодательных механизмов регулирования правовой среды» [13]. Вопросы защиты персональных данных в китайском законодательстве разработаны недостаточно, что, однако, не препятствовало, а даже упростило создание стандартов информационного взаимодействия и применения системы распознавания лиц.

Так, с одной стороны, внедренная в Китае система распознавания лиц позволяет применять технологию для, например, оплаты при посадке в поезд, в банкоматах. В крупных городах внедрена система «умной парковки», которая позволяет взимать сборы на основе распознавания автомобильных номеров. В КНР действуют проекты «Электронное правительство», функционируют интернет-суды. При этом

китайское правительство часто использует режим секретности для значительного количества принятых нормативно-правовых актов, что делает их содержание недоступным для общественности.

Большое значение в развитии сферы цифровых технологий имеют Государственные программы среднесрочного и долгосрочного развития.

Например, в настоящее время действует программа «Интернет+», регламентирующая внедрение технологий в различные отрасли промышленности, развитие искусственного интеллекта и т. п. Важным документом стал закон «Об электронной подписи» 2004 г., унифицировавший практику ее применения в различных цифровых сервисах. В 2019 г. был принят закон «О криптографии», регламентирующий стандарты и порядок использования средств криптозащиты в различных сферах, включая цифровые платформы. В 2019 г. Государственная канцелярия по Интернету и информации приняла Положение об управлении информационными услугами блокчейна, определяющее правила применения указанной технологии в различных сферах, включая логистическую.

Национальная Китайская информационная платформа транспортной логистики (LOGINK) является одним из ключевых государственных проектов «Долгосрочного плана развития логистической отрасли». Создание платформы LOGINK началось еще в 2007 г. с формирования региональной цифровой площадки, к которой позднее присоединились остальные 16 регионов страны. Созданная на основе LOGINK система обмена информацией между КНР, Южной Кореей и Японией NEAL-NET позволила расширить проект до транснациональных масштабов. Проект реализован Министерством транспорта и Национальной комиссией по развитию и реформам Китая с целью создания цифрового государственного информационного логистического сервиса, обеспечивающего его клиентам условия для многостороннего взаимодействия. В рамках LOGINK реализуются основные стратегии развития в области китайской национальной логистики.

В соответствии с положениями Среднесрочного и долгосрочного плана развития логистической отрасли Китая на 2014–2020 гг. создание и развитие национальной транспортно-логистической информационной платформы общественной информации (LOGINK) являлось ключевым проектом и главной задачей для транспортной сферы на указанный период [14]. Ответственность за его реализацию несло несколько китайских государственных органов: Министерство информационных технологий, Министерство науки и технологий, Министерство торговли, Министерство общественной безопасности, Главное таможенное управление, Главное управление по надзору за качеством, инспекцией и карантину, Управление гражданской авиации, Почтовое отделение, Китайская железнодорожная корпорация и другие подразделения. Партнеры платформы делятся на четыре категории:

- международные, такие как Japan COLINS, International Organization for Standardization, Asian Development Bank и другие;
- учреждения и ассоциации (высшие учебные заведения Китая, научно-исследовательские институты, Китайское логистическое общество и другие);
- ведущие предприятия, такие как Cosco group, China National railway group, Sinotrans и другие;
- сервисные компании (15 компаний, занимающихся сервисным обслуживанием информационных технологий) [15].

23 ноября 2017 г. на конференции Международной ассоциации портовых информационных систем IPCSA “Globally Connected Logistics” китайская делегация представила Национальную логистическую платформу LOGINK. На ее разработку китайское Министерство транспорта и логистики потратило 7 лет. Изначально платформа была предназначена для обеспечения китайских производственных предприятий цифровыми логистическими сервисами для транспортировки товаров. В рамках LOGINK на основе установленных единых стандартов информационного взаимодействия была создана национальная цифровая логистическая система, позволяющая произвести интеграцию цифровых данных всех железнодорожных станций, аэропортов и морских портов Китая, а также морских портов КНР, Японии и Республики Кореи.

В систему LOGINK были интегрированы 52 самостоятельные местные логистические системы, что позволило сократить срок внедрения логистического программного обеспечения в новых компаниях с восьми до одного месяца.

К единой системе обмена логистической информацией были подключены 50 крупнейших компаний Китая, 91 логистический парк, 450 тысяч китайских предприятий (28% – из сферы производства, 17% – из сферы торговли, 55% – из сферы транспорта и логистики), все железнодорожные станции Китая и 26 портов КНР, Японии и Кореи [14]. Таким образом, LOGINK, объединяя операторов различных видов транспорта, способствует развитию мультимодальных перевозок как внутри страны, так и в международном сообщении.

Разработкой инфраструктуры LOGINK занималась группа из 18 технических экспертов, которые были назначены Министерством транспорта. В их число вошли специалисты из соответствующих министерств, научно-исследовательских институтов, университетов, ассоциаций и предприятий.

Основная задача группы состояла в консультировании и подготовке предложений по развитию, стратегии, планированию, функциям, структуре, режиму управления, плану строительства, механизму работы и основным техническим вопросам национальной логистической платформы. Экспертные предложения направлялись в соответствующие подразделения для их реализации. Формат работы группы технических экспертов предполагал проведение пленарных заседаний, специальных семинаров и исследовательских мероприятий, направленных на реализацию концепции платформы.

Отдельно следует выделить рабочую группу по стандартизации национальной логистической платформы, состоящую из управленческого персонала и технических экспертов, рекомендованных отделом управления стандартизацией Министерства транспорта, провинциальными и муниципальными транспортными властями, научно-исследовательскими институтами, колледжами и университетами, логистическими компаниями, разработчиками программного обеспечения и соответствующими техническими специалистами по стандартизации. Вопрос стандартизации цифровых сервисов и электронного документооборота является необходимым условием для реализации проекта цифровой платформы и в настоящее время служит значительным препятствием для создания и развития подобных проектов в рамках ЕАЭС и даже на национальном уровне. Представляется, что именно разработка технической и правовой регламентарии стандарта обмена информацией и электронного документооборота является актуальным направлением развития правового регулирования цифровых платформ. Рабочая группа по стандартизации LOGINK отвечала за общее планирование, организацию и координацию стандартизации платформы, составляла аналитические обзоры и и утверждала годовые планы работы и проекты декларации стандартов, а также осуществляла продвижение и применение соответствующих стандартов. За оперативную деятельность по стандартизации отвечал секретариат группы, разрабатывая предложения для годового плана работы, формируя и пересматривая стандарты платформы и систему стандартов в целом. Секретариат располагается в Чжэцзянском национальном центре управления LOGINK. Для разработки новых стандартов он формирует рабочие группы и внутренние консультационные группы по анализу деятельности платформы.

Работу LOGINK организует Департамент транспорта провинции Чжэцзян. В его рамках был создан Центр управления общественной информационной платформой Чжэцзяна по транспорту и логистике, который отвечает за строительство, эксплуатацию, техническое обслуживание и ежедневное управление национальной логистической платформой. Центр начал свою работу в 2013 г.

Для поддержки работы платформы в 2013 г. был официально введен в эксплуатацию Чжэцзянский национальный центр управления общественно-информационной платформой транспорта и логистики.

Для обмена информацией и обеспечения деятельности платформы были созданы узлы обмена на железнодорожном, водном, автомобильном, воздушном транспорте и в почтовых отделениях. В реализации проекта участвовали Министерство транспорта Китая, Комиссия по развитию и реформам, Управление гражданской авиации, Почтовая служба и Главное управление железных дорог Китая. С целью поддержки функционирования LOGINK в Китае были построены базовая национальная сеть платформы и региональные логистические транспортные узлы.

Для осуществления международного сотрудничества в сфере транспорта и логистики была создана Сеть логистической информационной службы Северо-Восточной Азии (NEAL-NET), которая является некоммерческим механизмом международного сотрудничества, направленным на содействие обмену логистическими информационными ресурсами, повышению эффективности региональной логистики, расширению логистических сервисов и развитию экономики региона. NEAL-NET обеспечивает связь LOGINK с цифровыми сервисами морских портов Японии и Южной Кореи, обмен информацией в сфере осуществления логистических услуг в регионе Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и с Европейским Союзом.

Функционирование LOGINK осуществляется службой передачи данных (обеспечивает работу серверов), обменной службой (обеспечивает передачу информации) и службой стандартизации (обеспечивает разработку стандартов).

Пользователи платформы имеют доступ к информации о логистической инфраструктуре, кредитных данных, актуальном нормативно-правовом регулировании, могут, используя сервисы платформы, построить маршрут перевозки, отследить груз, выбрать контрагента и т. д.

Цифровые сервисы LOGINK обрабатывают около 30 млн сообщений в сутки по 26 различным сценариям взаимодействия. Объем товарооборота платформы составляет около 1,35 трлн товаров в год. Важным условием успешности проекта и его преимуществом является применение единого стандарта электронного документооборота. Сервисы платформы обеспечивают информационное взаимодействие между грузоотправителем и перевозчиком, позволяют отследить груз. Фактически LOGINK осуществляет цифровую связь предложения и спроса на логистические услуги, снижая затраты на обмен информацией и бумажный документооборот, повышая эффективность логистического сотрудничества.

В настоящее время сервисы платформы продолжают развиваться, внедряются новые технологии, круг возможностей пользователей расширяется.

В апреле 2022 г. Международная ассоциация систем портового сообщества (IPCSA) присоединилась к LOGINK для запуска сети доверенных сетей (NTN), которые предоставят Китаю доступ к данным и информации в 70 портах и 10 аэропортах, а также установят стандарты обмена данными для региона АСЕАН. Таким образом, китайская логистическая платформа постоянно увеличивает степень сопряженности с цифровыми сервисами других государств, расширяя свой охват.

Подводя итог изучению опыта создания международной логистической платформы LOGINK, необходимо отметить, что важными шагами для реализации проекта стали:

- разработка единых стандартов информационного взаимодействия для всех участников логистической отрасли, а также стандартизация процессов передачи данных на региональном уровне для обеспечения когезии между международными партнерами платформы;

- применение экспериментального порядка правового регулирования цифровой сферы, подразумевающего ограниченный срок действия законодательства и окончательное его принятие лишь после апробирования эффективности его регулирования;
- правовое регламентирование условий признания судами цифровых данных в качестве доказательств при условии их хранения посредством технологии блокчейн с электронными цифровыми подписями, проверкой хэш-функции и надежными отметками времени;
- государственный контроль значимых цифровых технологий, таких как система распознавания лиц;
- значительное государственное финансирование Государственным фондом поддержки инновационных разработок цифровых проектов с ежегодным бюджетом в 14,6 млрд \$, что позволяет привлекать высококвалифицированные зарубежные кадры,
- установление уголовной ответственности физических и юридических лиц за незаконное предоставление персональных данных, а также за утечку персональных данных.

Представляется, что именно решение актуального для России вопроса унификации стандартов обеспечения информационной безопасности, развитие правового регулирования трансграничного электронного документооборота, включая получение необходимых разрешений для осуществления межгосударственных перевозок как в рамках ЕАЭС, так и с другими странами-партнерами, такими как Китай, Вьетнам, Индия, Иран, должно существенно повысить уровень технологической кооперации в логистической сфере, а впоследствии – привести к сопряжению национальных цифровых логистических сервисов государств-участников.

Список источников

1. Юань Сяохуэй. Перспективы развития логистики в КНР // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-logistiki-v-kr>.
2. Покровская О. Д. Логистические накопительно-распределительные центры как основа терминальной сети региона. Новосибирск, 2012. 184 с.
3. Покровская О. Д. Состояние транспортно-логистической инфраструктуры для угольных перевозок в России // Инновационный транспорт. 2015. № 1 (15). С. 13–23.
4. Покровская О. Д. О терминологии объектов терминально-складской инфраструктуры // Мир транспорта. 2018. Т. 16, № 1 (74). С. 152–163.
5. Покровская О. Д. Логистическая классность железнодорожных станций // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2018. № 2 (38). С. 68–76.

6. Покровская О. Д. Логистические транспортные системы России в условиях новых санкций // Бюллетень результатов научных исследований. 2022. № 1. С. 80–94.
7. Баритко А. Л., Куренков П. В. Организация и технология внешнеторговых перевозок // Железнодорожный транспорт. 1998. № 8. С. 59–63.
8. Куренков П. В., Вакуленко С. П. Финансово-экономическое решение проблемы пригородных перевозок // Экономика железных дорог. 2012. № 12. С. 96.
9. Мохонько В. П., Исаков В. С., Куренков П. В. Ситуационное управление перевозочным процессом // Транспорт: наука, техника, управление: научный информационный сборник. 2004. № 11. С. 14–16.
10. Мохонько В. П., Исаков В. С., Куренков П. В. Проблемы создания ситуационно-аналитической системы управления перевозочным процессом на железнодорожном транспорте // Бюллетень транспортной информации. 2004. № 9. С. 22.
11. Формирование системы финансового менеджмента: теория, опыт, проблемы, перспективы / А. А. Сафронова, Е. Н. Рудакова, П. В. Куренков [и др.]. М., 2018. 228 с.
12. Трощинский П. В. Современное законодательство КНР: проблемы и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-zakonodatelstvo-knr-problemy-i-perspektivy-razvitiya>.
13. Трощинский П. В., Молотников А. Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологии в Китае // Правоведение. 2019. Т. 63, № 2. С. 309–326. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.207>
14. LOGINK. URL: <http://english.logink.cn>.
15. Крупнейшие международные цифровые логистические платформы: сравнительный анализ / С. Е. Барыкин, Ю. Б. Егерёва, Е. В. Корчагина, О. В. Калинина, Е. С. Федорова // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krupneyshie-mezhdunarodnyetsifrovye-logisticheskie-platformy-sravnitelnyy-analiz>.

References

1. Yuan Xiaohui. Perspektivy razvitiya logistiki v KNR [Prospects for the development of logistics in China]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*, 2017, no. 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-logistiki-v-knr>. (In Russ.).
2. Pokrovskaya O. D. Logisticheskie nakopitel'no-raspredelitel'nye tsentry kak osnova terminal'noi seti regiona [Logistic storage and distribution centers as the basis of the region's terminal network]. Novosibirsk, 2012. 184 p. (In Russ.).
3. Pokrovskaya O. D. Sostoyanie transportno-logisticheskoi infrastruktury dlya ugol'nykh perevozk v Rossii [The state of transport and logistics infrastructure for coal

transportation in Russia]. *Innovatsionnyi transport*, 2015, no. 1 (15). pp. 13–23. (In Russ.).

4. Pokrovskaya O. D. O terminologii ob'ektov terminal'no-skladskoi infrastruktury [On the terminology of objects of terminal and warehouse infrastructure]. *Mir transporta*, 2018, vol. 16, no. 1 (74), pp. 152–163. (In Russ.).

5. Pokrovskaya O. D. Logisticheskaya klassnost' zheleznodorozhnykh stantsii [Logistic class of railway stations]. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya*, 2018, no. 2 (38), pp. 68–76. (In Russ.).

6. Pokrovskaya O. D. Logisticheskie transportnye sistemy Rossii v usloviyakh novykh sanktsii [Logistic transport systems in Russia under the new sanctions]. *Byulleten' rezul'tatov nauchnykh issledovaniy*, 2022, no. 1, pp. 80–94. (In Russ.).

7. Baritko A. L., Kurenkov P. V. Organizatsiya i tekhnologiya vneshnetorgovykh perevozok [Organization and technology of foreign trade transportation]. *Zheleznodorozhnyi transport*, 1998, no. 8, pp. 59–63 (In Russ.).

8. Kurenkov P. V., Vakulenko S. P. Finansovo-ekonomicheskoe reshenie problemy prigorodnykh perevozok [Financial and economic solution to the problem of suburban transportation]. *Ekonomika zheleznykh dorog*, 2012, no. 12, pp. 96. (In Russ.).

9. Mokhonko V. P., Isakov V. S., Kurenkov P. V. Situatsionnoe upravlenie perevozochnym protsessom [Situational management of the transportation process]. *Transport: nauka, tekhnika, upravlenie: nauchnyi informatsionnyi sbornik*, 2004, no. 11, pp. 14–16. (In Russ.).

10. Mokhonko V. P., Isakov V. S., Kurenkov P. V. Problemy sozdaniya situatsionno-analiticheskoi sistemy upravleniya perevozochnym protsessom na zheleznodorozhnom transporte [Problems of creating a situational-analytical system for managing the transportation process in railway transport]. *Byulleten' transportnoi informatsii*, 2004, no. 9, pp. 22. (In Russ.).

11. Safronova A. A., Rudakova E. N., Kurenkov P. V. (et al.). Formirovanie sistemy finansovogo menedzhmenta: teoriya, opyt, problemy, perspektivy [Formation of the financial management system: theory, experience, problems, prospects]. Moscow, 2018. 228 p. (In Russ.).

12. Troshchinsky P. V. Sovremennoe zakonodatel'stvo KNR: problemy i perspektivy razvitiya [Modern legislation of the PRC: problems and development prospects]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2016, no. 3 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-zakonodatelstvo-ksnr-problemy-i-perspektivy-razvitiya>. (In Russ.).

13. Troshchinsky P. V., Molotnikov A. E. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya tsifrovoi ekonomiki i tsifrovyykh tekhnologii v Kitae [Features of the legal regulation of the digital economy and digital technologies in China]. *Pravovedenie*, 2019, vol. 63, no. 2, pp. 309–326. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.207>. (In Russ.).

14. LOGINK. URL: <http://english.logink.cn>.

15. Barykin S. E., Egereva Yu. B., Korchagina E. V., Kalinina O. V., Fedorova E. S. Krupneishie mezhdunarodnye tsifrovye logisticheskie platformy: sravnitel'nyi analiz [The largest international digital logistics platforms: a comparative analysis]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, 2022, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krupneyshie-mezhdunarodnye-tsifrovye-logisticheskie-platformy-sravnitelnyu-analiz>. (In Russ.).

Информация об авторе

М. А. Дроздова – кандидат юридических наук, доцент кафедры «История, философия, политология, социология» факультета «Экономика и менеджмент» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

M. A. Drozdova – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History, Philosophy, Political Studies, Sociology, Faculty of Economics and Management, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Transport, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.03.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2023; принята к публикации 05.04.2023.

The article was submitted 05.03.2023; approved after reviewing 05.04.2023; accepted for publication 05.04.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 39–49.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 39–49.

Научная статья

УДК 336.74-021.131(520)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/39-49>

ЦИФРОВАЯ ЙЕНА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ

Мария Евгеньевна Горчакова

Байкальский государственный университет, Институт управления и финансов,
кафедра финансов и финансовых институтов, г. Иркутск, Россия,
GorchakovaME@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3679-8002>

Аннотация. За последнее десятилетие в финансовой сфере произошло резкое усиление роли цифровой валюты, которая стала выполнять не только функцию меры стоимости товаров и услуг, но и функции инвестирования, хранения и накопления. Цифровая валюта является важной частью цифровизации экономики. Цифровые валюты открывают новые возможности, в частности, позволяют ускорить перевод денег и активов.

Наиболее надежными являются цифровые валюты центральных банков, потому что они поддерживаются государством и встроены в денежно-кредитную политику.

В настоящее время более 100 стран изучают возможность введения цифровых валют для своих центральных банков (Central Bank Digital Currency, CBDC). Пандемия коронавируса лишь ускорила разработки в этом направлении.

Статья посвящена перспективам внедрения цифровой валюты Банка Японии – цифровой йены. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях финансовой глобализации необходимо учитывать зарубежный опыт внедрения цифровых валют центральными банками.

Дано определение цифровой валюты центрального банка. В статье отражены текущие тенденции в сфере розничных платежей и безналичного оборота в Японии. Исследование показало, что темпы перехода от наличных платежей к безналичным расчетам в Японии являются умеренными. Причины умеренного перехода на безналичный расчет кроются как в спросе, так и в предложении наличных платежей.

Сделан вывод о том, что одним из преимуществ реализации проекта цифровой валюты центрального банка является устранение концентрации безналичных платежных инструментов и унификация всех платежных инструментов.

Особое внимание уделяется возможностям введения цифровой йены Банком Японии, который в апреле 2021 г. начал первую фазу тестирования собственной цифровой валюты. В рамках этой фазы Банк Японии протестирует основные функции CBDC в качестве платежного инструмента.

Всего запланировано три стадии тестирования национальной цифровой валюты. Вторая фаза направлена на более подробное изучение CBDC, а во время третьей фазы к цифровой валюте получают доступ частные предприятия и обычные пользователи.

Делается вывод, что целью выпуска цифровой йены будет улучшение системы транзакций и сосуществование с наличными деньгами и другими формами электронных платежей. При этом использование криптовалюты позволило бы дать мощный импульс развитию всех сфер национальной экономики.

Ключевые слова: банковское дело, Япония, центральный банк, цифровая валюта, цифровая валюта центрального банка, Central Bank Digital Currency, CBDC, цифровая йена, платежная система, средство платежа.

Для цитирования: Горчакова М. Е. Цифровая йена: перспективы внедрения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 39–49. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/39-49>.

Original article

DIGITAL YEN: IMPLEMENTATION PROSPECTS

Mariya Evgenyevna Gorchakova,

Baikal State University, Institute of Management and Finance, Department of Finance and Financial Institutions, Irkutsk, Russia, GorchakovaME@bgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3679-8002>

Abstract. The last decade has seen a dramatic increase in the role of digital currencies in finance, not only as a measure of value for goods and services, but also as investment, storage and accumulation. Digital currencies are an important part of the digitalization of the economy. Digital currencies offer new opportunities, such as speeding up the transfer of money and assets.

Central banks' digital currencies are the most reliable because they are backed by the government and embedded in monetary policy.

More than 100 countries are currently exploring the possibility of introducing digital currencies for their central banks (Central Bank Digital Currency, CBDC). The coronavirus pandemic has only accelerated developments in this direction.

This article focuses on the prospects of introducing the Bank of Japan's digital currency, the digital yen. The relevance of the study stems from the fact that in the context of financial globalization, it is necessary to consider foreign experience in the implementation of digital currencies by central banks.

A definition of a central bank's digital currency is given. The article reflects the current trends in retail payments and cashless turnover in Japan. The study showed that the pace of transition from cash to cashless payments in Japan is moderate. The reasons for the moderate transition to cashless payments lie in both demand and supply of cash payments.

It is concluded that one of the advantages of the central bank's digital currency project is the elimination of the concentration of non-cash payment instruments and the unification of all payment instruments.

Particular attention is paid to the possibility of introduction of the digital yen by the Bank of Japan, which in April 2021 began the first phase of testing its own digital currency. As part of this phase, the Bank of Japan will test the basic functions of CBDC as a payment instrument.

A total of three phases of testing the national digital currency are planned. The second phase aims to study CBDC in more detail, and during the third phase, private enterprises and ordinary users will have access to the digital currency.

It is concluded that the purpose of the digital yen will be to improve the transaction system and coexistence with cash and other forms of electronic payments. At the same time, the use of cryptocurrency would give a powerful impetus to the development of all spheres of the national economy.

Keywords: banking, Japan, central bank, digital currency, Central Bank Digital Currency, CBDC, digital yen, payment system, means of payment.

For citation: Gorchakova M.E. Digital Yen: implementation prospects // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 39–49. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/39-49>.

Введение

В настоящее время большое внимание уделяется дискуссиям о цифровых деньгах и о цифровых валютах центральных банков – CBDC. По мнению экспертов, развитие цифровых валют – одна из важнейших тенденций в монетарной сфере, которая радикально изменит финансовую систему в ближайшее десятилетие.

По данным БМР, по состоянию на январь 2020 г. исследованиями и разработками в области CBDC занимались более 80% центробанков [1]. Пандемия коронавируса лишь ускорила разработки в этом направлении.

CBDC (Central Bank Digital Currency) – цифровая валюта центрального банка. Это электронное обязательство центрального банка, выраженное в национальной счетной единице и выступающее как средство платежа и средство сбережения [2].

Центробанки уже практикуют виртуальную эмиссию валюты, значительная доля платежей и переводов происходит в безналичной форме.

В развитых экономиках центральные банки рассматривают цифровую валюту как средство повышения безопасности и отказоустойчивости, а также эффективности внутренних платежей и достижения финансовой стабильности. Для центральных банков развивающихся экономик важным фактором является достижение финансовой инклюзивности.

Единой общепринятой классификации CBDC не существует. Ключевыми параметрами, по которым можно разделить их на типы, являются: архитектура; инфраструктура; технология и условия доступа; уровень анонимности; возможность применения для внутренних и/или трансграничных платежей [3].

Цифровая иена

В конце июля 2020 г. Банком Японии было объявлено о формировании рабочей группы для углубленного изучения цифровой валюты центрального банка. Ранее Банк Японии уже рассматривал такие вопросы, как использование CBDC для розничной торговли и правовые вопросы выпуска цифровой иены. Банк также сотрудничал в рамках многолетнего исследования CBDC с Европейским центральным банком, а в начале 2020 г. присоединился к группе из пяти других центральных банков – Канады, Европы, Англии, Швеции и Швейцарии – для обмена полученными данными.

Банк Японии занимал позицию отсутствия планов выпуска CBDC в ближайшем будущем, но при этом высказывал намерения продолжать исследования в области CBDC. Данная позиция Банка Японии обусловлена рядом причин, для выявления которых необходимо охарактеризовать текущие тенденции в сфере розничных платежей и степень прогресса в направлении безналичного оборота в Японии.

Согласно результатам исследования, проведенного Банком Японии [4], отношение наличных платежей к безналичным платежам физических лиц в расходах на частное потребление составляет почти один к одному.

Это увеличение количества банкнот высокого достоинства в обращении, включая банкноты 10 000 иен, отражает растущий спрос на наличные деньги как средство сбережения, то есть сбережения, хранящиеся в виде наличных денег «под матрасом». Среда с более низкими процентными ставками снизила альтернативные издержки хранения денежных средств.

Исходя из этих фактов, безналичные платежи, по-видимому, все более распространяются на мелкие платежи, где размен накапливается, но наличные деньги по-прежнему широко используются в качестве средства платежа. В 2018 г. вырос интерес общества к безналичным расчетам; однако, несмотря на общее впечатление, произведенное средствами массовой информации, темпы перехода от наличных платежей к безналичным расчетам представляются умеренными.

Причины умеренного перехода на безналичный расчет в Японии кроются как в спросе, так и в предложении наличных платежей.

Считается, что спрос на наличные платежи связан с восприятием людьми наличных денег: меньшее беспокойство по поводу бесполезной траты денег, чем при использовании инструментов безналичной оплаты; безопасная среда, в которой деньги редко крадут и даже часто возвращают, когда люди теряют свои бумажники или кошельки; общественное доверие к высоким уровням защиты японских банкнот от подделки, в результате чего поддельные банкноты имеют очень низкий тираж. Продолжительная среда с низкими процентными ставками, возможно, также подтолкнула к росту спроса на наличные деньги.

Что касается предложения наличных платежей, важны сети наличных платежей, поддерживаемые отделениями финансовых учреждений и банкоматами. Считается, что высокое отношение наличных денег в обращении к номинальному ВВП в Японии связано с налаженной удобной и недорогой цепочкой поставок наличных денег, примером которой является концентрация отделений финансовых учреждений и банкоматов на небольшой территории страны.

Полагаем, что эти структурные факторы спроса и предложения наличных платежей замедлили переход к безналичным платежам. Тем не менее, если количество новых пользователей и продавцов безналичных платежей возрастет до определенного уровня, использование безналичных платежей может резко расшириться.

Феномен удивительно устойчивого спроса на наличные деньги и продолжающегося увеличения отношения наличных денег в обращении к номинальному ВВП наблюдается не только в Японии, но и во многих странах. Тем не менее в долгосрочной перспективе количество безналичных платежей, вероятно, увеличится во многих странах.

Есть мнение, что причиной выпуска CBDC является устранение концентрации безналичных платежных инструментов и унификация всех платежных инструментов. Из-за большого количества доступных в настоящее время инструментов безналичной оплаты потребители часто не знают, какой из них использовать. Если центральные банки выпускают CBDC и многие потребители начнут ими пользоваться, безусловно, существует вероятность того, что это приведет к решению проблемы сосредоточения инструментов безналичных платежей.

Рынок розничных платежей сейчас находится в стадии, когда финтех-компании и финансовые организации конкурируют друг с другом в области платежных инноваций. Банк Японии считает, что сейчас важно продвигать инновации в частном секторе, поскольку он обладает сильными возможностями в области информационных технологий. Если нынешнее сосредоточение инструментов безналичной оплаты сохранится навсегда, это снизит экономическое благосостояние потребителей, но такая ситуация, вероятно, в конечном итоге разрешится в процессе конкуренции.

С другой стороны, предоставление конкуренции рынку может не привести к желаемым результатам в долгосрочной перспективе; это могло бы привести к «провалу рынка». Платежные и расчетные системы имеют «сетевые внешние эффекты»: чем шире сеть, тем больше преимуществ могут получить участники сети. По этой причине, если количество пользователей и продавцов в сети превысит определенный масштаб – «критическую массу», – масштаб платежной платформы значительно расширится, что приведет к олигополии или монополии на рынке розничных платежей. Если конкретные предприятия получают сильный контроль над рынком розничных платежей, это может исказить механизм ценообразования, снизить стимулы к инновациям или повысить системный риск при возникновении проблем.

В настоящее время на японском рынке розничных платежей нет олигополии или монополии. Однако снижение конкуренции на рынке розничных платежей в настоящее время является проблемой в некоторых странах, таких как Швеция, где денежное обращение быстро сокращается, а общество становится все более безналичным. Считается, что, если центральный банк создаст платформы для безналичных платежей, это поддержит давление на фирмы частного сектора, заставляющие их конкурировать друг с другом. По мнению Масаёси Амамия, заместителя управляющего Банка Японии, важная потенциальная роль цифровой йены заключается в обеспечении взаимодействия между частными платежными системами [5].

CBDC функционирует не только как средство платежа, но и как средство сбережения. В обычное время люди могут не осознавать разницу между деньгами центрального банка и частными деньгами (т. е. деньгами, выпущенными частным сектором); однако этого не происходит во время финансового кризиса или стихийного бедствия. Когда люди обеспокоены, предупредительный спрос на деньги центрального банка, свободные от кредитного риска, имеет тенденцию к увеличению. Когда в Японии произошло Великое землетрясение на востоке Японии, в районах стихийных бедствий значительно увеличился объем снятия наличных. Кроме того, когда банкротство Lehman Brothers привело к финансовому кризису в Исландии, спрос на наличные деньги взлетел настолько высоко, что запас банкнот Центрального банка Исландии был почти исчерпан. Эти факты показывают, что разумно сказать, что должна существовать основа для предоставления высоконадежных денег центрального банка, подходящих для цифровой эпохи.

Тем не менее, выпуск CBDC в обычное время с целью подготовки к кризису может создать новую проблему. Например, если CBDC начнет заменять банковские депозиты, это может ограничить кредитное посредничество банков и повлиять на реальную экономику. Также существует мнение, что CBDC, который функционирует как безопасное убежище во время стресса, скорее усилит стресс. Поскольку все, что для этого требуется, – это несколько щелчков мышью на компьютере или смартфоне, переход от банковских депозитов к CBDC будет происходить гораздо более радикально в цифро-

вую эпоху, чем при традиционном банковском изъятии, и, таким образом, может усугубить финансовый кризис. Это называется «запуском цифрового банка».

В рамках двухуровневой системы центральный банк исключительно снабжает население деньгами центрального банка, состоящими из наличных денег и депозитов центрального банка, а частные банки предоставляют депозиты путем создания кредитов на основе денег центрального банка. Двухуровневая система имеет различные преимущества в отношении обработки информации и распределения ресурсов. В то время как надежность валюты обеспечивается деньгами центрального банка, финансовые ресурсы эффективно распределяются через частные инициативы. В сфере платежных услуг широко используются инновации частного сектора.

Независимо от того, насколько безопасна и надежна CBDC как платежный инструмент, выгоды, полученные от двухуровневой системы, будут потеряны, если частные деньги будут заменены CBDC в значительных масштабах. При рассмотрении конструкции платежных и расчетных систем необходимо изучить способы улучшения общих функций и повышения надежности систем. При этом деньги центрального банка и частные деньги не следует рассматривать по отдельности, необходимо учитывать взаимосвязь между ними.

В цифровую эпоху важно подготовиться к кризисам с безопасными активами, и CBDC является важной возможностью. Однако также важно разработать структуру, которая повысит кредитоспособность частных денег независимо от выпуска CBDC. Если бы кредитный риск частных денег можно было минимизировать, а кредитный разрыв между частными деньгами и деньгами центрального банка можно было бы сократить, вопрос перехода от банковских депозитов к CBDC теоретически можно было бы облегчить.

В Японии, среди различных типов частных денег, система защиты банковских вкладов, обеспечиваемая страхованием вкладов, была прочно закреплена после кризиса конца 1990-х годов. Что касается электронных денег, выпущенных транспортными и дистрибьюторскими фирмами и финтех-компаниями, защита потребителей обеспечивается за счет защиты активов. Например, фирмы, выпускающие электронные деньги, конвертируемые в наличные, по закону обязаны обеспечивать средства, эквивалентные сумме, полученной от пользователей, или превышающей ее, путем внесения гарантийного депозита или другими способами.

Что касается зарубежных разработок, то в Китае фирмы BigTech, включая Alipay и WeChat Pay, которые предоставляют платежные услуги, обязаны вносить средства, эквивалентные сумме, полученной от их пользователей, на счета в Народном банке Китая. Это можно рассматривать как пример схемы, в которой фирмы BigTech выпускают частные цифровые валюты на основе доверия к центральному банку. С точки зрения функциональности, это очень похоже на узкую

банковскую систему, где центральному банку требуются полные резервы, и почти эквивалентен CBDC с точки зрения кредитоспособности.

Для обеспечения стабильности розничной платежной системы в целом важно разработать структуру, обеспечивающую кредитоспособность частных цифровых валют. Социальное воздействие будет возрастать по мере роста масштабов платформ безналичных платежей, эксплуатируемых частным сектором. Что касается платежных инструментов и услуг, властям необходимо создать адекватную нормативную базу, основанную на оценке рисков. Что касается фирм, эксплуатирующих платежные платформы, от них потребуются принять ответственные меры, включая принятие сложных процедур управления рисками и строгих мер по соблюдению нормативных требований.

Даже если кредитоспособность частных цифровых валют улучшится, это не означает, что они будут широко приняты в качестве денег. Например, продавцы, участвующие в различных платежных платформах, управляемых финтех-компаниями, не обязательно пересекаются. Это означает, что электронные деньги, выпущенные финтех-компанией, нельзя использовать в транзакциях с продавцами, участвующими в платежных платформах, управляемых различными финтех-фирмами. Более того, пользователи не могут осуществлять денежные переводы P2P на разных платежных платформах. Таким образом, электронные деньги, выпущенные финтех-компаниями, в настоящее время значительно уступают наличным деньгам с точки зрения общей приемлемости.

В зарубежной практике есть случаи, когда обеспечивается возможность взаимодействия между поставщиками платежных услуг. Например, в Гонконге крупные банки и небанковские поставщики платежных услуг (объекты для магазинов), такие как Alipay и WeChat Pay, присоединились к Faster Payment System – системе денежных переводов в реальном времени, которая работает круглосуточно и без выходных. Это позволило пользователям указанных поставщиков услуг осуществлять денежные переводы P2P. Пользователи могут даже переводить средства на банковские счета, используя электронные деньги, выпущенные этими небанковскими поставщиками платежных услуг. В той мере, в какой будет обеспечена функциональная совместимость, общая приемлемость электронных денег, выпущенных частным сектором, вероятно, возрастет.

Вопрос же о том, должен ли центральный банк разрешать новым небанковским поставщикам платежных услуг, таким как финтех-компаниям, открывать текущие счета в центральном банке, может стать предметом обсуждения. Если совместимость частных денег будет улучшена за счет безопасных и эффективных расчетов с использованием текущих счетов центрального банка, частные цифровые валюты могут напоминать CBDC с точки зрения общей приемлемости. Однако центральным банкам необходимо изучить понятие предоставления небанковским организациям доступа к текущим счетам всесторонне с различных аспектов, включая потенциальное

влияние на финансовые системы в дополнение к функциональной совместимости. Небанковские организации, стремящиеся получить доступ к платежным и расчетным системам через текущие счета в центральном банке, должны будут соответствовать строгим стандартам во многих областях, таким как финансовая устойчивость, информационная безопасность и управление рисками. За рубежом небанковским поставщикам платежных услуг теперь разрешено открывать текущие счета в центральных банках таких стран, как Великобритания и Австралия. Подобная инициатива в настоящее время рассматривается в Швейцарии и Сингапуре.

Представляется целесообразным коснуться вопроса «окончателности урегулирования». Окончателность означает, что урегулирование обязательства безотзывно. Деньги центрального банка не только свободны от кредитного риска, но и обеспечивают немедленную окончательность. Банкноты можно использовать для окончательного погашения обязательств 24 часа в сутки, 365 дней в году.

В Японии запуск системы Zengin More Time в октябре 2018 г. позволил пользователям отправлять средства в режиме реального времени 24 часа в сутки, 365 дней в году для переводов на сумму менее 100 миллионов иен за транзакцию (далее именуемые «розничные переводы»). Однако следует отметить, что транзакции между финансовыми учреждениями, сопровождающие эти розничные переводы между пользователями, рассчитываются на основе отложенных нетто-расчетов (DNS). В системе DNS платежные инструкции, полученные от финансовых учреждений, объединяются до определенного времени, а затем вычитаются валовые суммы входящих и исходящих средств. Расчет осуществляется только на чистую сумму. Хотя эффективное использование ликвидности, предоставляемой DNS, является преимуществом, он накапливает незавершенные позиции до назначенного времени. Это означает, что расчет не является окончательным до тех пор, пока не будет урегулирована чистая позиция. Таким образом, DNS несет в себе системный риск; если даже одно из участвующих финансовых институтов не выполнит свои обязательства, это потенциально может начать цепную реакцию, затрагивающую все другие институты.

Увеличение количества розничных переводов через депозитные счета в финансовых учреждениях по мере продвижения к безналичному расчету в обществе может привести к увеличению внутрисуточных непоплаченных позиций, тем самым накапливая риски в платежных и расчетных системах в целом. Чтобы решить эту проблему, одним из вариантов является снижение зависимости от расчетов через депозитные счета в финансовых учреждениях путем выпуска CBDC, который обеспечивает немедленную окончательность расчетов. Однако есть и другие варианты; методы расчетов розничных переводов между финансовыми учреждениями могут быть изменены с DNS на валовые расчеты в реальном времени (RTGS). RTGS предлагает простой способ расчета средств, при котором центральный банк немедленно выполняет платежные инструкции, полученные от финансовых учреждений.

В системе RTGS, поскольку каждый платеж завершается в реальном времени один за другим, системный риск в значительной степени может быть ограничен. Для расчетов по транзакциям RTGS 24 часа в сутки, 365 дней в году система центрального банка также должна работать в течение всего дня.

Между тем новые платформы RTGS, которые обеспечивают розничные переводы 24 часа в сутки, 365 дней в году, уже запущены в таких местах, как Австралия, Гонконг и Европа. В этих платформах обеспечивается окончательность расчетов, как и в случае с CBDC. Для каждой юрисдикции важно рассмотреть наиболее желательный способ расчетов по розничным переводам посредством анализа затрат и выгод, принимая во внимание изменения в платежах и расчетах в каждой стране.

Банк Японии в апреле 2021 г. начал первую фазу тестирования собственной цифровой валюты (CBDC), которая продлилась до марта 2022 г.

В рамках этой фазы регулятор протестировал основные функции CBDC в качестве платежного инструмента и оценил, могут ли основные транзакции, связанные с CBDC (выпуск, выплата, передача, принятие, погашение и т. д.), быть обработаны надлежащим образом.

Всего запланировано три стадии тестирования национальной цифровой валюты. Вторая фаза направлена на более подробное изучение CBDC, а во время третьей фазы к цифровой валюте получают доступ частные предприятия и обычные пользователи.

По мнению регулятора, решение о выпуске государственной криптовалюты пока еще не было принято окончательно, и будет зависеть от общественной поддержки. Руководитель исследований цифровой йены Казусиге Камияма считает, что Банк Японии не сможет продолжить работу над выпуском государственной криптовалюты, не получив «достаточной поддержки со стороны японской общественности».

По данным японского регулятора, целью появления цифровой валюты станет укрепление экосистемы транзакций и дополнение наличных и безналичных платежей, а не их замена. Таким образом, возможность запуска цифровой йены призвана обеспечить повышение эффективности платежной системы Японии.

Список источников

1. Auer R., Cornelli G., Frost J. Covid-19, cash, and the future of payments. URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull03.pdf>.
2. Кочергин Д. А. Современные модели систем цифровых валют центральных банков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2021. Т. 37, вып. 2. С. 205–240.
3. Анащенко Ф. Как и зачем центробанки создают цифровые валюты (CBDC). URL: <https://forklog.com/central-bank-digital-currencies-cbdc-china-dcep/>.
4. Masayoshi A. Should the Bank of Japan issue a digital currency? URL: https://www.boj.or.jp/en/announcements/press/koen_2019/data/ko190712a2.pdf.

5. Bank of Japan says central bank digital currency could help interoperability of private payment systems. URL: <https://www.ledgerinsights.com/bank-of-japan-central-bank-digital-currency-cbdc-interoperability>.

References

1. Auer R., Cornelli G., Frost J. Covid-19, cash, and the future of payments. URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull03.pdf>.

2. Kochergin D. A. Sovremennye modeli sistem tsifrovyykh valyut tsentral'nykh bankov [Modern models of digital currency systems of central banks]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, 2021, vol. 37, no. 2, pp. 205–240. (In Russ.).

3. Anashchenkov F. Kak i zachem tsentrobanksi sozdayut tsifrovyye valyuty [How and why central banks create digital currencies (CBDC)]. URL: <https://forklog.com/central-bank-digital-currencies-cbdc-china-dcep/>. (In Russ.).

4. Masayoshi A. Should the Bank of Japan issue a digital currency? URL: https://www.boj.or.jp/en/announcements/press/koen_2019/data/ko190712a2.pdf.

5. Bank of Japan says central bank digital currency could help interoperability of private payment systems. URL: <https://www.ledgerinsights.com/bank-of-japan-central-bank-digital-currency-cbdc-interoperability>.

Информация об авторе

М. Е. Горчакова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и финансовых институтов, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Information about the author

M. E. Gorchakova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance and Financial Institutions, Baikal State University, Irkutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.03.2023; одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 18.04.2023.

The article was submitted 18.03.2023; approved after reviewing 18.04.2023; accepted for publication 18.04.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 50–55.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 50–55.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 323.019.51:004

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/50-55>

УГРОЗЫ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ ПОДДЕРЖАНИЯ ДОВЕРИЯ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ

Юлия Сергеевна Матюк

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия,
5080mm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3195-2349>

Аннотация. В условиях нестабильности доверие к государственным институтам является ключевым фактором легитимации и властным ресурсом, необходимым для эффективного государственного управления. Непрерывное изменение и усложнение цифровой среды приводит к тому, что постоянно меняются условия взаимодействия государства и населения, что обуславливает формирование общественного согласия и влияет на доверие к государственным институтам.

С учетом специфических особенностей цифровой среды выделен ряд угроз для формирования и поддержания доверия к государственным институтам: контентные угрозы включают фейки, дезинформацию, эффект «белого шума»; когнитивные угрозы связаны с восприятием цифровой среды и информации; манипулятивные угрозы представляют собой способы скрытого влияния на формирование политических убеждений и доверия, например манипуляции с алгоритмами цифровой среды, симулякры и др.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая среда, цифровые технологии, государственные институты, доверие, манипуляция, угроза, интернет.

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-014.

Для цитирования: Матюк Ю. С. Угрозы цифровой среды в контексте поддержания доверия к государственным институтам // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 50–55.
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/50-55>.

POLITICS

Original article

THREATS TO THE DIGITAL ENVIRONMENT IN THE CONTEXT OF MAINTAINING TRUST IN STATE INSTITUTIONS

Yulia Sergeevna Matyuk

Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, 5080mm@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3195-2349>

Abstract. In conditions of instability, trust in state institutions is a key legitimation factor and a power resource necessary for effective public administration. The continuous change and complication of the digital environment leads to the fact that the conditions for interaction between the state and the population are constantly changing, which leads to the formation of public consent and affects the trust in state institutions.

Taking into account the specific features of the digital environment, a number of threats to the formation and maintenance of trust in state institutions have been identified: content threats include fakes, disinformation, the “white noise” effect; cognitive threats are associated with the perception of the digital environment and information; manipulative threats are ways of covert influence on the formation of political beliefs and, as a consequence, trust, for example, manipulation of digital environment algorithms, simulacra, etc.

Key words: digitalization, digital environment, digital technologies, state institutions, trust, manipulation, threat, Internet.

Financial Support. The work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research No. FZUG-2022-014

For citation: Matyuk Y. S. Threats to the digital environment in the context of maintaining trust in state institutions // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 50–55. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/50-55>.

Доверие является одной из ключевых категорий в вопросах устойчивости и легитимации государственной власти и ресурсом управленческого влияния, особенно в период кризисов, геополитических угроз и нестабильности. Однако с развитием цифровых технологий взаимодействие государства, населения и других политических акторов теперь разворачивается не только в реальном мире и пространстве, но и в новом, нетипичном пространстве цифровой среды. Соответственно меняются не только условия этого взаимодействия, но и условия формирования и поддержания доверия к государству и его институтам.

Можно выделить рискогенные факторы цифровой среды, такие ее аспекты, которые оказывают влияние на взаимодействие акторов внутри нее.

Динамический фактор показывает изменение цифровой среды, которое характеризуется сверхвысокой скоростью. Это вызвано обширным и быстрым взаимодействием между алгоритмами платформ и соцсетей, нормальными внутренними социальными тенденциями и интересами заинтересованных сторон [1]. *Фактор усложнения* предполагает, что цифровая среда является комплексным, многослойным и многогранным явлением, она непрерывно усложняется в своем растущем многообразии и разнообразии.

Сегодня существует стремительно углубляющийся разрыв между скоростью процессов цифровизации и скоростью осознания их обществом. При этом существенный разрыв между воспринимаемой и реальной глубиной изменений общественных отношений, частной и общественной жизни, госуправления имеет объективный характер. В реальности современная цифровая среда настолько сложна, что никто не может проконтролировать и обезопасить её полностью. Непредсказуемость динамики и направлений развития цифровой среды является ее объективной характеристикой [2].

Непрерывное изменение и усложнение цифровой среды приводит к тому, что перманентно меняются условия взаимодействия дихотомии власть–общество, формирующие общественное согласие и влияющие на доверие к публичным структурам и государству в целом.

Учитывая специфические особенности цифровой среды, можно выделить ряд угроз для формирования и поддержания доверия к государственным институтам.

Контентные угрозы

В современном обществе наблюдается тенденция снижения популярности традиционных СМИ (телевидение, радио, газеты и т. п.), ими пользуется около 14% населения [3]. В свою очередь источником информации, зачастую альтернативной, для подавляющего большинства граждан становится интернет (социальные сети, порталы, сайты и т.п.). Причем объем этой информации настолько огромен, что затрудняет ее адекватное восприятие. В таком бурном инфопотоке возникает эффект «белого шума», когда среди массы незначительных фактов и событий теряются действительно важные. Этот эффект активно применяется как способ воздействия на общественное сознание.

В данном контексте нельзя не отметить роль различных инфлюэнсеров, блогеров и сообществ, которые дают оценку политическим событиям, выдают готовые суждения, мнения и интерпретации, воздействуя таким образом на политические взгляды людей, модели их поведения.

Современное интернет-пространство наводнено фейками и дезинформацией, вред которых, пожалуй, очевиден. Однако особенно вредоносным является такой

вид ложной информации, как создание фейковых аккаунтов от лица известных политических деятелей. Здесь, помимо непосредственно репутационных рисков и дискредитации, стоит отметить, что даже после выявления фальшивости восстановить прежний уровень доверия становится делом весьма проблематичным.

Когнитивные угрозы

Когнитивные угрозы цифровой среды, учитывая ее специфику, связаны в первую очередь с сужением восприятия, ограничением внимания, отсутствием невербального общения. Принимая во внимание, что, с одной стороны, на пользователей обрушивается огромное количество информации, а с другой, чаще всего потребляется цифровой контент – легкий для восприятия, но имеющий низкую культурную ценность, а также реальное общение вытесняется виртуальным, формируется так называемое «клиповое» и «сериальное» сознание и «кликерное» поведение [4], что крайне негативно сказывается на способности распознавать информацию, достоверно понимать происходящие политические, социальные и экономические процессы, адекватно реагировать на них и, в конечном счете, принимать правильные решения относительно доверия. Если добавить сюда анонимность, отсутствие социального порицания, невозможность разоблачения подобной информации, то на выходе получаем свободу распространения деструктивного контента, а в перспективе политическую дестабилизацию.

Манипулятивные угрозы

Первая группа манипулятивных угроз связана с работой алгоритмов цифровой среды. Учитывая сбор данных и цифровых следов в сети, включая все «лайки», репосты и т. п., и количество времени, которое пользователь потратил на просмотр рекламы и/или контента, алгоритмы определенным образом подбирают дальнейший контент, рекламу и информацию для пользователя. Кроме того, избирательное воздействие источников новостей на пользователей может приводить к формированию поляризованных структур закрытых групп, например, так называемых «фильтрующих пузырей» и эхо-камер [5]. Таким образом, человек оказывается в среде, где господствуют однотипные политические взгляды и люди, не желающие прислушиваться к другим мнениям.

Вторая группа представляет собой манипулятивные технологии, используемые политическими акторами в цифровой среде.

Функционирующие интернет-ресурсы (особенно социальные медиа) либо активно используют киберсимулякры – виртуальные аккаунты, симулирующие репрезентацию реально существующих людей, либо подвергаются их атакам. Технически создание такого рода аккаунтов не представляет трудностей, в связи с чем огромное число подобных киберсимулякров используется для осуществления манипуляционного воздействия на реальных интернет-пользователей. Масштабы

применения этой технологии настолько велики, что в Интернете возник феномен так называемых «войн ботов», в рамках которых операторы, управляющие определенными киберсимулякрами, используют для продвижения своих идей, смыслов, ценностей исключительно симулированные, искусственно созданные аккаунты, вовлекая при этом в противостояние и реальных рядовых интернет-пользователей, не догадывающихся о том, что основные активности, за которыми они могут наблюдать и в которых могут даже участвовать, являются своего рода коммуникационной симуляцией. Широкомасштабное применение киберсимулякров при реализации информационно-коммуникационных политических кампаний наблюдается практически по всему миру [6].

Рассмотренный перечень угроз не является исчерпывающим, однако дает представление об особенностях формирования политических воззрений и убеждений, а также поддержания доверия к государственным институтам в условиях цифровой среды. Как можно заметить, политическая реальность подменяется в интернет-пространстве искусственно создаваемыми виртуальными моделями, в рамках которых формируются выгодные для субъектов информационного воздействия общественные представления, предпочтения, мнения, отношения и реакции по поводу конкретных событий, процессов, явлений, а также констатируется типовое поведение целевых групп, на которые оказывается манипулятивное информационное воздействие.

Список источников

1. Milano S., Taddeo M., Floridi L. Ethical aspects of multi-stakeholder recommendation systems. // *The Information Society*. 2021. Vol. 37. P. 35–45.
2. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. М., 2021. 124 с.
3. Ветренко И. А., Шамахов В. А. Доверие как необходимое условие эффективного управления государством // *Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ*. 2020. № 7 (750). С. 13–19.
4. Еремина Е. В., Мурзина И. А., Ретинская В. Н. Роль государства в формировании государственно-гражданской идентичности современной молодежи в условиях возрастания социализирующего воздействия информационных технологий // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 1. С. 35–38.
5. Пушкарева Г. В. Доверие в публичном пространстве государственного управления // *Государственное управление: электронный вестник*. 2019. № 76. С. 151–175.
6. Володенков С. В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2017. Т. 13, № 3. С. 57–69.

References

1. Milano S., Taddeo M., Floridi L. Ethical aspects of multi-stakeholder recommendation systems. *The Information Society*, 2021. vol. 37, pp. 35–45.
2. Tsifrovaya transformatsiya i zashchita prav grazhdan v tsifrovom prostranstve: doklad Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka. Moscow, 2021. 124 p. (In Russ.).
3. Vetrenko I. A., Shamakhov V. A. Doverie kak neobkhodimoe uslovie effektivnogo upravleniya gosudarstvom [Trust as a necessary condition for effective government]. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo sobraniya RF*, 2020, no. 7 (750), pp. 13–19. (In Russ.).
4. Eremina E. V., Murzina I. A., Retinskaya V. N. Rol' gosudarstva v formirovanii gosudarstvenno-grazhdanskoi identichnosti sovremennoi molodezhi v usloviyakh vozrastaniya sotsializiruyushchego vozdeistviya informatsionnykh tekhnologii [The role of the state in the formation of the state-civil identity of modern youth in the conditions of increasing socializing impact of information technologies]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2022, no. 1, pp. 35–38. (In Russ.).
5. Pushkareva G. V. Doverie v publichnom prostranstve gosudarstvennogo upravleniya [Trust in the public space of public administration]. *Gosudarstvennoe upravlenie: elektronnyi vestnik*, 2019, no. 76, pp. 151–175. (In Russ.).
6. Volodenkov S. V. Tekhnologii manipulirovaniya obshchestvennym soznaniem v internet-prostranstve kak instrument politicheskogo upravleniya [Technology manipulation of public consciousness in the internet space as a tool of political control]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 57–69. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. С. Матюк – аспирант, ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Институт права, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

Y. S. Matyuk – postgraduate student, Assistant of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Institute of Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023; одобрена после рецензирования 14.05.2023; принята к публикации 14.05.2023.

The article was submitted 23.04.2023; approved after reviewing 14.05.2023; accepted for publication 14.05.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 56–71.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 56–71.

Научная статья

УДК 314.7(571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/56-71>

ГОСУДАРСТВО КАК ПОВСЕДНЕВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: «НЕЛЕГАЛЬНОСТЬ» МИГРАЦИЙ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Татьяна Николаевна Журавская¹, Наталья Петровна Рыжова²

^{1, 2} Институт экономических исследований ДВО РАН, Приморская лаборатория
экономического развития и сотрудничества, Хабаровск, Россия

¹ wellshy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1147-1169>

² n.p.ryzhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7911-7364>

Аннотация. Статья посвящена исследованию миграционного поведения и миграционной политики в России на микроуровне. Авторы следуют антропологической традиции концептуальной демистификации государства как единого актора, имеющего монопольные права на социальную политику. Утверждается, что наряду с государственными служащими миграционная политика реализуется представителями «диаспор», работниками компаний, нанимающих иностранных рабочих, разными посредниками между «законом» и «обычным человеком». Авторы утверждают, несмотря на противоречивость и непоследовательность современной российской миграционной политики, дискриминационные практики «успешно» реализуются и «усваиваются» как теми, кто ее реализует, так и теми, кто управляет. Более того, не только представители власти производят дисциплинарное воздействие, производя «хорошего» мигранта. В этом напрямую принимает участие и бизнес, хотя основания дисциплинарных практик находятся в иной, рыночной плоскости. Посредники и представители диаспор также встраиваются в механизм, формирующий образ «хорошей» нации. И, наконец, сами мигранты не просто принимают правила игры, но и усваивают идею как о «хорошем» работнике, так и «хорошем» представителе «нации». Авторы используют фукондианский дискурс-анализ для исследования языковых практик, эмпирическую базу составляют экспертные и биографические интервью (2014–2016 гг., Амурская область и Красноярский край). Основной текст статьи состоит из описания методов и данных, концептуальной рамки исследования и трех разделов с последовательным представлением результатов.

Ключевые слова: миграционное поведение, повседневная миграционная политика, производство «нелегальности», Амурская область, Красноярский край.

Для цитирования: Журавская Т. Н., Рыжова Н. П. Государство как повседневное взаимодействие: «нелегальность» миграций и миграционная политика России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 56–71. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/56-71>.

Original article

THE STATE AS EVERYDAY INTERACTIONS: THE "ILLEGALITY" OF MIGRATION AND MIGRATION POLICY IN RUSSIA

Tatiana Nikolaevna Zhuravskaia¹, Natalia Petrovna Ryzhova²

^{1,2} Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹ wellshy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1147-1169>

² n.p.ryzhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7911-7364>

Abstract. This article examines migration behavior and migration policy in Russia at the micro-level of social interactions. The authors follow the anthropological tradition of the conceptual demystification of the state as a coherent actor with monopoly rights to violence and social policy. The authors state that in addition to government officials, migration policies are made by "diasporas", by employees hiring foreign workers, and by intermediaries between the "law" and the "common man". The article shows that despite the contradictory and non-coherent nature of contemporary Russian migration policy, discriminatory practices are "successfully" pursued and internalized by both those who implement it and those who are governed. Moreover, it is not only government officials who discipline the "good" migrant. Business is also directly involved, although the basis for disciplinary practices is on a different, market-based level. Intermediaries and representatives of "diasporas" are also embedded in the violence machine, shaping the image of the "good" nation. Finally, migrants themselves do not simply accept the rules of the game but internalize the idea of both the "good" worker and the "good" member of the "nation," implementing discriminatory practices in their everyday interactions. The authors use Foucauldian discourse analysis to investigate linguistic practices; the empirical base consists of expert and biographical interviews (2014-2016, Amur and Krasnoyarsk regions). The main text of the article consists of a description of the methods and data, the conceptual framework of the research and three sections with a sequential presentation of the results.

Keywords: migration behavior, everyday migration policy, production of "illegality", Amur region, Krasnoyarsk region.

For citation: Zhuravskaia T. N., Ryzhova N. P. The state as everyday interactions: the "illegality" of migration and migration policy in Russia // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 56–71. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/56-71>.

Несмотря на то, что миграция населения по определению относится к глобальной научной повестке, нельзя сказать, что сейчас в этой области происходят или ожидаются значительные фундаментальные открытия, рождаются принципиально новые теории. Скорее, можно наблюдать попытки междисциплинарного диалога [1], а также совершенствования подходов к решению ранее поставленных задач¹ [2]. При этом российские исследователи, сделавшие быстрый и качественный скачок по сравнению с началом 1990-х гг., все еще в малой степени обращаются к оптике изучения индивидуальных стратегий, предпочитая рассматривать политические или экономические конструкции, которые влияют на мигранта и его решение уехать [3].

Наше исследование стремится заполнить этот пробел, мы предлагаем рассмотреть как миграционное поведение, так и миграционную политику на микроуровне. Такой подход не является абсолютно новаторским [например: 4; 5; 6], он все чаще применяется для анализа разных социальных политик [например: 7; 8; 9], и в том числе миграционной. Его реализация предполагает концептуальную демистификацию государства: оно больше не рассматривается как единое целое, имеющее монопольные права на управление. Более того, ему «отказывают» и в монополии на реализацию социальной политики. В рамках этого подхода утверждается, что наряду с государственными служащими миграционная политика реализуется представителями «диаспор», работниками компаний, нанимающих иностранных рабочих, а также разными посредниками между «законом» и «обычным человеком».

В своей работе мы фокусируемся на производстве «нелегальных мигрантов», эмпирическая база исследования - экспертные и биографические лейтмотивные интервью, собранные в 2014–2016 гг. в Амурской области и Красноярском крае. Мы анализировали, прежде всего, личные суждения и представления тех, кто вовлечен в реализацию миграционной политики, тех, кто по долгу своей службы или в рамках своей работы управляет передвижением, работой, а иногда и личной жизнью приезжающих в Россию людей. Однако мы сознательно не выделили чиновников в отдельную категорию, поскольку представители государства – прямые проводники его политики; в нашем исследовании они составляют фон, контекст для анализа.

¹ Düvell F. Euroäische und internationale Migration. Geschichte, Theorie und Empirie. Münster: Lit. Цит. по: [2, с. 71–95].

Для демонстрации нашей идеи мы обратились к тому, как сами те, на кого направлено воздействие, рассуждают о себе, своей роли и своей «миграционной» повседневности. Представляется, что такой подход позволит по-новому взглянуть на неоднократно поднимавшуюся в литературе проблему «особенностей российского законодательства, подталкивающего мигрантов к работе вне легального поля» [10]. Мы утверждаем, что несмотря на противоречивость и непоследовательность российской миграционной политики, дискриминационные практики «успешно» реализуются и «усваиваются» как теми, кто ее реализует, так и теми, кто управляет.

Методы и данные

Амурская область и Красноярский край были выбраны нами в качестве объектов наблюдения как модельные регионы Сибири и Дальнего Востока. Мало кто станет спорить с тем, что даже проведение традиционной переписи постоянного населения в северных удаленных поселках Сибири, где низка транспортная доступность, задача не тривиальная и дорогостоящая. Как минимум эта сложность заставляет многих экспертов предполагать, что «нелегалам» проще спрятаться именно в этой «пустоте»¹. Амурская же область на социальной и экономической карте России заметна, прежде всего, своим приграничным положением: здесь проходит около 30% всей российско-китайской границы. О так называемых «проблемах» китайской миграции в Россию не слышал, наверное, только полностью исключенный из российского социума человек. Да и западному читателю рассуждения о массовом переселении китайцев в Сибирь и на Дальний Восток не кажутся бессмысленным мифом. Не случайно сразу после открытия российских границ в СМИ распространились «пугающие истории», основанные на околонуточных оценках, о том, что в необъятных сибирских лесах скрывается небывалое количество «нелегалов», особенно из Китая. Таким образом, свой выбор мы основывали на представлениях о российских просторах как о «пустоте», что, как мы считаем, провоцирует экспертов и политиков, государственных служащих и многих социальных исследователей производить знание, влияющее на модели реализуемой миграционной политики.

В общей сложности для проведения анализа в нашем распоряжении было 63 экспертных интервью и 59 миграционных историй (8 таких историй от глав «диаспор», которые также учтены в качестве экспертных). Среди наших информантов помимо тех, кого мы отнесли к категории «мигрант» оказались: представители Федеральной миграционной службы и региональных органов власти; сотрудники рекрутинговых компаний, помогающих предприятиям найти и оформить работников; сотрудники компаний, помогающих иностранным рабочим в легализации их

¹ См., например: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0161/lisa01.php>.

статуса; сотрудники компаний, нанимающих иностранных рабочих, и компаний, предоставляющих им площадки для ведения бизнеса (базаров, торговых центров); сотрудники языковых центров – как внутри университетов, так и вне их; наконец, представители религиозных учреждений и национально-культурных обществ («диаспор»).

Метод анализа интервью – фукондианский дискурс-анализ [11]. Это предполагает внимание к внешним (исключение, разделение и отбрасывание) и внутренним (комментарии, авторство, дисциплина) процедурам производства дискурса и дискурсивных сообществ (говорящих субъектов). В своей работе мы обращаемся к трем из них: представителям власти и бизнеса, напрямую производящих правила жизни для мигрантов, представителям формальных и неформальных объединений, выступающих «посредниками» между первыми и самими мигрантами, и, наконец, к трудовым мигрантам. Мы обращали особое внимание на то, как наши информанты «говорят от имени государства», как трактуют нормы права, как применяют иерархизирующие категории, например этничность и социальное положение, как объясняют (отсутствие) права на доступ к каким-то ресурсам. Результаты нашего анализа представлены в трех эмпирических разделах.

Антропологический подход к исследованиям миграционного поведения и политики

Антропологи, в отличие от многих других социальных ученых, прежде всего политологов и экономистов, рассматривают государство «за пределами государственных институтов» [12], в том числе как проводника любой, особенно социальной политики. Этот подход основан на критике государства как самодостаточного института или автономного актора, имеющего высочайшее право регулировать, управлять, применять насилие в отношении проживающего на определенной территории населения. Эта критика началась с работ Т. Митчела [13], Дж. Роуз [14] и П. Абрамса [15], которые призвали отказаться от дисциплинарных практик социальных наук. Особый интерес антропологов к деконструкции государства начался с работ А. Гупты, который утверждает, что изучение повседневных практик взаимодействия людей и мелких чиновников и, в еще большей степени, представлений людей о государстве позволяет антропологам внести значительный вклад в объяснение природы государственной власти [16].

В этой оптике политика представляется как повседневные действия множества акторов, отнюдь не только бюрократов. Исследования антропологов показали, что повседневная политика и повседневное сопротивление особенно важны как для понимания, так и для изменения политических процессов и результатов политических преобразований. В этой связи важны все формы повседневной политики [17]. Современные исследования дают основания утверждать, что повседневная политика

влияет на политические процессы как в лучшую, так и в худшую сторону. Так, Н. Элиасоф описывает, как американцы активно выбирают апатию за пределами близкой к себе сферы, избегая политических дискуссий [18]. А исследование аргентинского офиса Дж. Ауеро показало, как люди могут даже не осознавать, что их существование глубоко политизировано [19].

Миграционное поведение также интересует представителей разных дисциплин. В соответствии с гносеологическими принципами каждой из этих наук поведение и факторы, на него влияющие, выглядят более простыми в экономических моделях и более сложными в антропологических исследованиях. Вместе с тем путь, который проделали представители этих наук, в значительной степени сблизил не только их повестки, но и применяемые методы. В современном толковании миграционное поведение – это не только «совокупность действий и поступков, выраженных в процессах, непосредственно связанных с миграцией» [20, с. 8], но и мотивы, настроения, представления, которые могут никогда не привести к собственно мобильности [2]. Говоря о миграционном поведении, исследователи ведут речь также и об отношениях мигрантов с государством, которое устанавливает барьеры на пути свободного перемещения. На пике популярности находится требование отказа от дискриминирующих терминов по этическим основаниям. В связи с этим, хотя в русскоязычной литературе термин «нелегальный мигрант» все еще активно применяется [21; 22 и многие другие работы], в англоязычном даже формально-правовом пространстве преобладают термины «people with illegal status», «people with undocumented status» и т. п. Причина терминологической ревизии в том, что нелегальными могут быть действия, но не люди [23]. Делегализуя именно человека, представители государства и эксперты через политики исключения участвуют в формировании того, что Дж. Агамбен [24] назвал «bare life», то есть «голая жизнь», жизнь без прав. Применительно к изучаемому случаю под политическими отношениями подразумеваются отношения между человеком и государством, в рамках которых мигрант, называемый «нелегальным», исключается из действующих правил, моральных принципов и норм, предписывающих определенные стандарты человеческого поведения и социальных взаимодействий.

Следуя за антропологами, таким образом, мы заявляем, что граница между государством и обществом – всего лишь условность, которая на практике не может быть идентифицирована, она не видна [16]. Иными словами, мы предлагаем посмотреть на миграционную политику как повседневные взаимодействия, как практики общения человека в категории «мигранта» или «работодателя» с человеком в категории «бюрократ», «чиновник» и пр. Такой исследовательский подход фундаментально стоит на идеях Фуко об отношениях власти, которые непрерывны и распределены во взаимоотношениях не только между государством и гражданами [25]. В этой оптике государство как воображаемый конструкт представляется как последовательные действия многих акторов, то есть не представляет собой некий со-

гласованный механизм по угнетению или легитимации власти. Ниже мы сосредоточимся на систематическом изложении результатов нашего исследования языковых практик и повседневных взаимодействий, способных пролить свет на особенности жизни трудовых мигрантов в России.

«Хороший» мигрант – «хороший» работник

Первый в нашем списке – дискурс работодателей, поскольку тех, кто берет мигрантов на работу, СМИ и эксперты, как правило, обвиняют в оппортунизме как в случае обеспечения легального трудоустройства, так и при найме без оформления документов. В первом варианте бизнес как бы способствует тому, что россияне остаются без работы, ведь мигранты согласны работать за меньшие деньги. Во втором – стремятся сэкономить на соблюдении правил, не предоставляя мигрантам обещанные законом гарантии и тем самым подталкивая их к нарушению правил. То есть в любом случае стремление к получению прибыли при найме мигрантов означает это стремление любой ценой, без оглядки на какую-то социальную ответственность. Неудивительно, что наши информанты, так или иначе, обращались к оправдательной риторике. Эта необходимость оправдаться – стремление к установлению истины как одна из внешних процедур по Фуко, – ожидаемо обращается к рационализации, ища обоснование в законах рынка и распределения: «мы не благотворительная организация», «почему цены рыночные, а зарплата должна быть фиксированная», «не делали бы препоны, можно было бы разговаривать о цене» и пр. В результате либеральная идея о свободе рынка парадоксальным образом ведет к дискурсивно схожему с патерналистской идеей о заботе государства смыслу: центральная тема в обсуждении практик найма мигрантов – необходимость дисциплинирующего воздействия.

Обратимся к тому, как работодатели типизируют и категоризируют мигрантов, какие основания для классификации используют. На первом уровне это страна происхождения работника, и только потом возраст, пол и квалификация. Условные «таджики» и «узбеки» отличаются от условных «китайцев» и «корейцев», и все «иностранцы» – от условных «русских». Отличие «иностранцев» от русских очевидно: скромность в быту, работоспособность и дисциплина, более низкие притязания на оплату труда. Сравнение почти всегда не в пользу «русских», они почти всегда более неудобные работники: пьют, срывают сроки либо ожидают слишком высокой оплаты.

Объяснений различий в отношении к работе у работодателей всего два: «менталитет» и обстановка в родной стране. Рассуждения о «менталитете» оставим в стороне, поскольку это, как правило, повтор расхожих высказываний и, скорее, удобная формула, не требующая объяснений (например, одни и те же черты объясняли разное поведение). Остановимся на втором варианте. Все работодатели, рассуждая о мотивах приезда, обращались к известной риторике об «отсталых» постсоветских республиках, а потому предоставление работы – это почти благотвори-

тельность, для кого-то уже как сам факт, для других – как навязанная забота, чрезмерная опека со стороны государства. Сложная ситуация на родине, описание которой часто сконструировано из стереотипных высказываний, необходимость содержать большие семьи как основной мотив для повышенных заработков служат для обоснования того, почему повышенная нагрузка и напряженный график вполне оправданы для мигрантов, справедливы: «они приехали работать».

Безусловно, это дискурс ресурсов, люди в этой картине мира тем лучше, чем меньше у них потребностей – в сне и отдыхе, в еде, в общении с семьями. Хороший работник не создает проблем, как и хороший трудовой мигрант. В этой риторике цели государства и бизнеса совпадают, работодатели тем самым оказываются прямыми агентами, проводниками ожиданий политиков, хотя основания и кажутся разными. Важно, что и для тех, и для других, мигранты – это объект особого контроля, не способные сами о себе заботиться.

Однако желание соответствовать образу хорошего работодателя, который «правильно» заботиться о «своих мигрантах» натывается, как минимум, на два противоречия. Первое связано с необходимостью оправдания в предпочтениях мигрантов местным работникам. В описание «хороших» мигрантов и «плохих» местных не вписывается неодобрение их желания остаться, если таковое приписывается мигрантам. Как рационально объяснить, что работодатель вовсе не желает, чтобы приехавшие работать остались здесь навсегда, что сократило бы их расходы на содержание и соответствие правилам? Второе противоречие возникает в момент необходимости объяснения источника «нелегальности», в качестве которого, как правило, признаются непоследовательные действия государства и нестыковки в регламентах и законах. Для объяснения того, откуда берутся «нелегальные мигранты», при этом, требуется снова провести категоризацию, признать, что таковыми становятся какие-то «другие мигранты», другой категории, либо те, которым не удалось попасть на работу к «честному» предпринимателю.

Таким образом, участие в производстве «нелегальности» трудовой миграции со стороны работодателей выносится за скобки через проведение границы между «своими» мигрантами и «теми», которые не способны соблюдать требования государства. При этом подчеркивается как необходимость в привлечении иностранцев, так и оправданность более жестких условий труда и дисциплины. В такой ситуации нет оснований для солидарности между работодателями и трудовыми мигрантами, где решение проблем последних – ответственность первых.

Имидж нации

Можно поспорить, что хотя представители бизнеса также являются субъектами контроля со стороны государства, все же, могут быть отнесены к «элитам», в пользу которых или которыми и создаются правила игры. А потому вовсе не удивитель-

но, что идеологически разный дискурс встраивает мигрантов в схожие рамки. В ответ на это мы обращаемся к риторике иного дискурсивного сообщества – «диаспорам». К ним мы относим не только формально зарегистрированные объединения, но и неформальные сообщества и «этнических» посредников, вернее, тех, кто генерирует эти объединения и становится узлом переплетения социальных связей, тех, на кого нам указали в малых городах как на «главных» среди своих. Как правило, отнести объединения к какому-то одному профилю было невозможно, поскольку они работали и как национальные, культурные и религиозные НКО, и как посредники, и как те, кто помогает с адаптацией.

Первым вопросом к главам официальных объединений, с которыми мы разговаривали, касался создания организации и ее целей. Ответ всегда был ожидаем: информанты озвучивали те цели, что прописаны в уставе как готовая, уже привычная и заученная формула – «сохранить язык и культуру». А далее возникали мотивы «помощи» и «адаптации», которые, однако, включали в себя довольно широкий спектр практик, причем не обязательно бесплатных. В Красноярске мы встречали НКО, которые оказывали платные услуги мигрантам, а потому некоторые информанты непременно упоминали, что вот именно их организация занимается только бесплатной помощью, поддержанием и развитием культурных связей. Это попытка отстроиться неслучайна, она связана с идеей о поддержании «имиджа нации».

Члены диаспор – постоянные участники различных мероприятий. В основном это песни и танцы с этническим колоритом, национальные праздники, фестивали и ярмарки национальной кухни, спортивные мероприятия – стандартный набор, как и у казачьих обществ, и общин коренных малочисленных народов. Это своеобразный экспорт экзотики, направленный, прежде всего, на внешнего потребителя – местное население и местные власти. Чтобы «показывать себя с лучшей стороны», НКО занимаются благотворительностью: спонсируют детские дома, собирают гуманитарную помощь «подтопленным» и «погорельцам», помогают школам и детским садам, музеям и пр. Одна из диаспор несколько лет накрывает столы для ветеранов ВОВ в кафе с национальной кухней, подчеркивая общность истории народов бывшего СССР. В Красноярске одно НКО перешло в статус автономии, поменяв заодно и название с «Вместе» на «Родина», чтобы не было ассоциаций с оппозиционными организациями в стране выхода и за ее пределами. В уставах НКО в списке целей и задач также обязательно присутствуют фразы типа «содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами», а при регистрации новых членов одного из объединений кандидаты в числе прочего подписываются под заявлением «обязываюсь строго соблюдать все законы Российской Федерации, буду уважать культуру и народ Российской Федерации».

Все это работает на создание благоприятного образа и хорошей репутации не только самой организации, но и всех мигрантов в целом, и даже страны выхода.

Вторая сторона деятельности объединений «для своих» включает в себя помощь с обустройством, поиском и предоставлением жилья, оформлением документов, обеспечением доступности религиозных практик, помощь вдовам и сиротам, сбор средств на лечение, на отправку тел умерших на родину и пр. Часть этой «помощи» представляет собой платные услуги, часть также работает на поддержку имиджа. Всё это, таким образом, должно не просто уменьшать количество проблемных ситуаций, но и вписываться в логику одобряемого поведения.

В целом, мы не встретили в разговорах и намека на необходимость какого-то сопротивления действующим в стране правилам, хотя некоторое возмущение по поводу, например, малых сроков на оформление документов информанты высказывали. Однако такого рода «сложности» не вменялись государству вообще, скорее, апеллировали к личностям конкретных чиновников или к понятным сложностям властей с выстраиванием работающих механизмов в регионах. Не шла речь и о том, чтобы «диаспоры» могли вступить в переговоры с властью по поводу правил и их справедливости, наоборот, их усилия направлены на то, чтобы соблюдать нормы максимально точно. И все время доказывать свою лояльность и позитивный образ.

«В чужой монастырь»

Логика нашего анализа требует дальнейшего движения к дискурсу тех, кто является субъектом управления. Согласно Фуко, управленческая рациональность (governmentality) проникает как в телесные дисциплинарные практики, так и в сам способ мыслить и объяснять. Присвоена ли рациональность российской миграционной политики мигрантами? Для целей этого текста мы искусственно (как, впрочем, и в предыдущих двух случаях) выделили третье дискурсивное сообщество – «мигрантов». Эта категория крайне неустойчива и требует постоянного пересмотра границ категоризации во времени и пространстве. Однако такое отделение позволяет понять, как определение себя как «мигранта» ведет к присвоению дискурса.

Сложность и неустойчивость правил, неформальные барьеры со стороны силовых структур уже не раз обсуждались исследователями миграции в России. Нашим фокусом стало желание получения гражданства как стабильного правового статуса и момент перехода из категории «мигранта» к категории «гражданина».

В ходе полевой работы мы пытались выяснить, является ли получение гражданства гарантией долгосрочного пребывания, намерений выбора России как постоянного места жительства, а также какие трудности возникают при получении данного статуса. Намерение остаться в стране далеко не всегда было названо главной причиной получения гражданства (или вида на жительство). Важнее оказалось желание получить, не потерять работу или начать свой бизнес, поскольку работодатели предпочитают нанимать граждан (получая «хорошего» работника без необходимости навязанной заботы). Гражданство и другой стабильный правовой статус

существенно сокращают транспортные расходы (необходимость пересекать границу) и расходы на оформление документов, расширяют возможности для совместного проживания с семьями. При этом это вовсе не обязательно означает желание остаться в России на постоянное место жительства, а означает лишь желание жить вместе с членами семьи, пока здесь есть работа и возможность заработка.

Сложности в подготовке документов, отсутствие четких и понятных инструкций по заполнению необходимых форм и требований по оформлению копий и подлинников, длинные очереди при подаче документов, ошибки в оригиналах документов, отсутствие «правильных» оснований, плохое знание русского языка и дополнительные расходы – все это было озвучено информантами как условия, ограничивающие поток желающих получить гражданство.

Неформальные барьеры на пути к получению стабильного правового статуса также не раз были озвучены нашими информантами. В таком обсуждении под сомнением снова не закон, а компетенции чиновников и их личные качества. Особенности миграционного законодательства, как, впрочем, и любого другого, всегда оставляют возможности для свободы маневра чиновников, поэтому часто для получения гражданства мигранты собирают неформальные сведения о том, насколько благосклонны в этом смысле местные государственные подразделения. Так, для многих Амурская область стала лишь транзитным регионом на пути к получению желаемого статуса – шансы на получение РВП или участие в программе по переселению соотечественников оценивались информантами гораздо выше. Хотя это касается далеко не всех – важное значение, по мнению участников исследования, также имеет страна выхода и политические установки принимающих решение лиц. Так, для граждан Китая возможности получения любого стабильного правового статуса очень ограничены (для Амурской области, например, число граждан КНР, имеющих ВНЖ и РВП, долгое время остается неизменным).

Итак, идея о соответствии правилам страны, куда прибывают мигранты вполне вписывается в дискурс о «чужом доме» и «чужом монастыре». Характерным было нежелание разбираться в том, как устроены правила, даже убежденность, что это не только невозможно, но и вовсе бесполезно. Идея о сложности и невозможности победить систему, пройти формальным путем без какой-либо помощи распространяется и на другие значимые практики. Например, на необходимость сдавать комплексный экзамен. Довольно быстро идея языковой адаптации мигрантов превратилась в формальную процедуру по сдаче комплексного теста, где помимо демонстрации владения базовым уровнем русского языка необходимо показать «готовность к уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям народов» [26]. А это означает, что проводниками миграционной политики становятся и языковые центры, и центры помощи мигрантам, и российские вузы.

Представители общественных наук все больше соглашаются с тем, что миграционная политика не позволяет достигать поставленных целей. Неважно, касается ли политика привлечения временных рабочих («гастарбайтеров») или уменьшения количества людей с неурегулированным миграционным статусом. Наш анализ практик трех дискурсивных сообществ показывает, что несмотря на противоречивость мер миграционной политика, ее основания, дискурсивные идеи «усваиваются» и «присваиваются» и работодателями, и представителями объединений, и самими трудовыми мигрантами. Совместно они производят «хорошего» мигранта. Трудовые мигранты, тем самым, не просто принимают правила игры, но и усваивают идею как о «хорошем» работнике, так и «хорошем» представителе «нации», реализуя в повседневных взаимодействиях дискриминирующие их самих практики.

Список источников

1. Migration theory: talking across disciplines / eds. by C. V. Brettell, J. F. Hollifield. New York: Routledge, 2000. 239 p.
2. Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. 370 с.
3. Молодикова И. Западные подходы к исследованию миграции – возможности сравнений с российской исследовательской школой // Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. С. 9–30.
4. Абашин С. Н. Возвращение домой и циркулярная мобильность: как кризисы меняют антропологический взгляд на миграцию // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 5–15.
5. Бредникова О. Е. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 32–47.
6. Кондаков А. А. Возможности взаимодействия между акторами в миграционной политике России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 4. С. 174–186.
7. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006. 260 с.
8. Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 262–280.
9. Davé B. Keeping labour mobility informal: the lack of legality of Central Asian migrants in Kazakhstan // Central Asian Survey. 2014. Vol. 33, iss. 3. P. 346–359.

10. Tetrushvily E. How did we become illegal? Impacts of Post-Soviet shifting migration politics on Labor Migration Law in Russia // *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2012. Vol. 1, no. 1. P. 53–73.
11. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.
12. The anthropology of the state: a reader / ed. by A. Sharma, A. Gupta. Malden: Blackwell Publishing, 2007. 410 p.
13. Mitchell T. The limits of the state: beyond statist approaches and their critics // *American Political Science Review*. 1991. Vol. 85, no. 1. P. 77–96.
14. Rose J. States of fantasy. Oxford: Clarendon Press, 1998. 200 p.
15. Abrams P. Notes on the difficulty of studying the state (1977) // *Journal of Historical Sociology*. 1988. Vol. 1, no. 1. P. 58–89.
16. Gupta A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, and the imagined state // *American Ethnologist*. 1995. Vol. 22, no. 2. P. 375–402.
17. Scott J. C. Weapons of the weak: everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1987. 392 p.
18. Eliasoph N. «Close to home»: the work of avoiding politics // *Theory and Society*. 1997. Vol. 26, no. 5. P. 605–647.
19. Auyero J. Patients of the state: an ethnographic account of poor people's waiting // *Latin American Research Review*. 2011. Vol. 46, no. 1. P. 5–29.
20. Хомра А. У. Миграция населения: вопросы теории, методики исследования. Киев: Наукова думка, 1979. 144 с.
21. Григорьев М., Осинников А. Нелегальные мигранты в Москве. М.: Европа, 2009. 160 с.
22. Понкратова Л. А., Красинец Е. С., Царевская Е. А. Мигранты в контактной зоне России и Китая: направления деятельности и факторы нелегальной занятости // *Россия и Китай: новый вектор развития социально-экономического сотрудничества (материалы конференции)* / под ред. Л. А. Понкратовой, А. А. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2014. Т. 2. С. 122–134.
23. Гулина О. Р. Семантика миграционных терминов // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14, № 3. С. 331–346.
24. Agamben G. Homo Sacer: sovereign power and bare life. Stanford: Stanford University Press, 1998. 202 p.
25. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
26. Концепция экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства для трудящихся мигрантов – различных категорий граждан стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья». 2013. РУДНю URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/88/b8/88b84086-ae9f-49f2-8ffb-544f66267f68/concept.pdf.

References

1. Brettell C. B., Hollifield J. F. (eds.). *Migration theory: talking across disciplines*. New York: Routledge, 2000. 239 p.
2. Zajonchkovskaia Zh., Molodikova I., Mukomel' V. (eds.). *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov: mezhdistsiplinarnoe uchebnoe posobie* [Methodology and methods of studying migration processes. interdisciplinary textbook]. Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniy Publ., 2007. 370 p. (In Russ.).
3. Molodikova I. Zapadnye podkhody k issledovaniyu migratsii – vozmozhnosti sravnenii s rossiiskoi issledovatel'skoi shkoloj [Western approaches to the study of migration – possibilities of comparisons with the Russian Research School]. In: Zajonchkovskaia Zh., Molodikova I., Mukomel' V. (eds.). *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov: mezhdistsiplinarnoe uchebnoe posobie* [Methodology and methods of studying migration processes. interdisciplinary textbook]. Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniy Publ., 2007, pp. 9–30 (In Russ.).
4. Abashin S. N. Vozvrashchenie domoi i tsirkulyarnaya mobil'nost': kak krizisy menyayut antropologicheskii vzglyad na migratsiyu [Return home and circular mobility: how crises change anthropological views of migration]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 3, pp. 5–15. (In Russ.).
5. Brednikova O. E. (Ne)vozvrashchenie: mogut li migranty stat' byvshimi? [(Non)return: can migrants become ex-migrants?]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 3, p. 32–47. (In Russ.).
6. Kondakov A. A. *Vozmozhnosti vzaimodeistviya mezhdru aktorami v migratsionnoi politike Rossii* [Possibilities of interaction between migration policy actors in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2015, vol. 18, no. 4, pp. 174–186. (In Russ.).
7. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. *Politika invalidnosti: sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoi Rossii* [The politics of disability: social citizenship of persons with disabilities in modern Russia]. Saratov: Nauchnaya kniga Publ., 2006. 260 p. (In Russ.).
8. Rivz M. Po tu storonu ekonomicheskogo determinizma: mikrodinamika migratsii iz sel'skogo Kyrgyzstana [On the other side of economic determinism: the micro-dynamics of migration from rural Kyrgyzstan]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2009, no. 4, pp. 262–280. (In Russ.).
9. Davé B. Keeping labour mobility informal: the lack of legality of Central Asian migrants in Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 2014, vol. 33, iss. 3, pp. 346–359.
10. Tetrushvily E. How did we become illegal? Impacts of Post-Soviet shifting migration politics on Labor Migration Law in Russia. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 53–73.
11. Fuko M. Poryadok diskursa [The order of discourse]. In: Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth:

Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works from Various Years]. Moscow: Kastal' Publ., 1996, pp. 47–96. (In Russ.).

12. Sharma A., Gupta A. (eds.). The anthropology of the state: a reader. Malden: Blackwell Publishing, 2007. 410 p.

13. Mitchell T. The limits of the state: beyond statist approaches and their critics. *American Political Science Review*, 1991, vol. 85, no. 1, pp. 77–96.

14. Rose J. States of fantasy. Oxford: Clarendon Press, 1998. 200 p.

15. Abrams P. Notes on the difficulty of studying the state (1977). *Journal of Historical Sociology*, 1988, vol. 1, no. 1, pp. 58–89.

16. Gupta A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, and the imagined state. *American Ethnologist*, 1995, vol. 22, no. 2, pp. 375–402.

17. Scott J. C. Weapons of the weak: everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1987. 392 p.

18. Eliasoph N. «Close to home»: the work of avoiding politics. *Theory and Society*, 1997, vol. 26, no. 5, pp. 605–647.

19. Auyero J. Patients of the state: an ethnographic account of poor people's waiting. *Latin American Research Review*, 2011, vol. 46, no. 1, pp. 5–29.

20. Homra A. U. Migratsiya naseleniya: voprosy teorii, metodiki issledovaniya. [Population migration: theory and research methodology]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1979. 144 p. (In Russ.).

21. Grigoryev M., Osinnikov A. Nelegal'nye migranty v Moskve [Illegal migrants in Moscow]. Moscow: Evropa Publ., 2009. 160 p. (In Russ.).

22. Ponkratova L. A. Krasinec E. S., Carevskaya E. A. Migranty v kontaktnoi zone Rossii i Kitaya: napravleniya deyatelnosti i faktory nelegal'noi zanyatosti [Migrants in the contact zone of Russia and China: areas of activity and factors of illegal employment]. In: Ponkratova L. A., Zabiako A. A. (eds.). *Rossiya i Kitai: novyi vektor razvitiya sotsial'no-ekonomicheskogo sotrudnichestva (materialy konferentsii)* [Russia and China: a new vector of socio-economic cooperation development (conference materials)]. Blagoveshchensk: Amur state university Publ., 2014, vol. 2, pp. 122–134. (In Russ.).

23. Gulina O. R. Semantika migratsionnykh terminov [Exploring the semantics of migration terminology]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 2016, vol. 14, no. 3, pp. 331–346. (In Russ.).

24. Agamben G. Homo Sacer: sovereign power and bare life. Stanford: Stanford University Press, 1998. 202 p.

25. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [To discipline and punish. The birth of prison]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1999. 480 p. (In Russ.).

26. The concept of the exam in the Russian language, the history of Russia and the basics of legislation for migrant workers – various categories of citizens of the CIS, Baltic States and far abroad", 2013. RUDN. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/88/b8/88b84086-ae9f-49f2-8ffb-544f66267f68/concept.pdf (In Russ.).

Информация об авторах

Т.Н. Журавская – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Приморской лаборатории экономического развития и сотрудничества, Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Н.П. Рыжова – доктор экономических наук, заведующей Приморской лаборатории экономического развития и сотрудничества, Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Information about the authors

T.N. Zhuravskaia – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation.

N.P. Ryzhova – Doctor of Economics, Laboratory Head, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 11.05.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 11.05.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 72–82.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 72–82.

Научная статья

УДК 351.751.5(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/72-82>

**ИНСТИТУТ ЦЕНЗУРЫ В ЛИБЕРАЛЬНОМ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ РОССИИ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.**

Карэн Мартинович Паронян

Таганрогский институт (филиал) им. А.П. Чехова Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог, Россия, kmparonyan88@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется роль института цензуры и элементов цензурной государственной политики в становлении и функционировании либерального государственно-правового режима России в конце XX – начале XXI вв. Анализируются научные позиции относительно перспектив развития указанной модели государственно-правового режима, а также соотношения конституционного запрета цензуры и применения элементов цензурной политики в политико-правовом пространстве России. Сформулирован вывод о том, что российский политико-правовой режим представляет собой сложный состав методов и приемов властвования, где основу составляют авторитарные принципы (применяемые в периоды нестабильности, а значит почти постоянно), в дополнение к которым весьма успешно могут применяться либеральные подходы. Одним из неотъемлемых характеристик этого режима является институт цензуры, диалектически выстроенный и функционирующий в российской политической системе.

Ключевые слова: цензура, институт цензуры, политическая система общества, политико-правовой режим, государственно-правовой режим, методы властвования, цифровизация, информатизация.

Для цитирования: Паронян К. М. Институт цензуры в либеральном государственно-правовом режиме России конца XX – начала XXI вв. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 72–82. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/72-82>.

Original article

THE INSTITUTE OF CENSORSHIP IN THE LIBERAL STATE-LEGAL REGIME OF RUSSIA IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

Karen Martinovich Paronyan

Taganrog Institute (branch) named after V.I. A.P. Chekhov, Rostov State University
of Economics (RINH), Taganrog, Russia, kmparonyan88@mail.ru

Abstract. The article examines the role of the institution of censorship and the elements of censorship state policy in the formation and functioning of the liberal state-legal regime in Russia in the late 20th and early 21st centuries. Scientific positions are analyzed regarding the prospects for the development of this model of the state-legal regime, as well as the relationship between the constitutional prohibition of censorship and the application of elements of censorship policy in the political and legal space of Russia. The conclusion is drawn that the Russian political and legal regime is a complex set of methods and techniques of ruling, based on authoritarian principles (used in periods of instability, and therefore almost constantly), in addition to which liberal approaches can be very successfully applied. One of the essential characteristics of this regime is the institution of censorship, which is dialectically built and functions in the Russian political system.

Keywords: censorship, institution of censorship, political system of society, political and legal regime, state-legal regime, methods of ruling, digitalization, informatization.

For citation: Paronyan K. M. The institute of censorship in the liberal state-legal regime of Russia in the late XX - early XXI centuries // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 72–82. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/72-82>.

Ни в юридическом, ни в политологическом научном сообществе не вызывает вопросов и сомнений утверждение о том, что в России за последние десятилетия произошли коренные изменения во всех сферах общественной жизни, связанные с разрушением существовавшей на протяжении семи десятилетий советской системы государственного управления и активными попытками построения совершенно нового типа государства, в основе которого лежат либерально-демократические ценности, присущие передовым странам западного мира. Однако, как показала практика, высокая степень ожидания позитивных перемен и фактические реалии в значительной степени не оправдали возложенных надежд на либеральные преобразования.

В настоящей статье рассмотрены особенности правовой регламентации и фактической реализации элементов института цензуры в рамках либерального государственно-правового режима России на рубеже XX–XXI вв. Указанная проблема-

тика приобретает особую актуальность сегодня, в период общей геополитической нестабильности в мире, а также в связи с развивающимися событиями в нашей стране, когда в процессе проведения Специальной военной операции подвергаются пересмотру традиционные теоретико-правовые основы, признаки демократического режима, по-новому воспринимаются задачи информационной политики государства, обретает конкретные проявления институт цензуры.

Собственно, цензура как значимый политико-правовой институт обычно ассоциируется с недемократическими проявлениями режимов, однако в период гибридных войн, противостояния информационным атакам, подрывающим основы национальной безопасности российского государства, именно эффективное использование цензурных элементов может способствовать стабилизации деятельности государственно-правовых институтов, структур гражданского общества. Кроме того, отечественная специфика властвования также обязывает к вдумчивому анализу соотношения демократического политико-правового (государственно-правового) режима и института цензуры.

Говоря о способах и методах осуществления политической власти в конкретном обществе, следует иметь в виду, что политический режим «является составной частью политической системы и скорее связан с общей идеей власти и спецификой ее институционализации, то есть отражает содержательный момент государственно-правового развития, основную направленность публично-властного воздействия на социум, степень политико-правовой зрелости общества в национальном политико-правовом и социокультурном пространстве» [1, с. 143].

В контексте же настоящего исследования важно отдавать себе отчет в том, что в российском политико-правовом поле в полной мере активно реализуются процессы «информационно-цифровой тоталитаризации» политико-правового режима, что непосредственным образом активизирует угрозу вторжения современных информационных технологий в сферы частной жизни, в области неприкосновенности личного мира [1, с. 6].

Соответственно, несмотря на действие конституционного запрета цензуры, в России могут и должны применяться элементы цензурной политики, понимаемой в контексте ограничения информации, способной навредить или создать реальную угрозу национальному суверенитету, государственной безопасности, породить условия для полного или частичного нарушения прав и законных интересов личности и общества.

Вообще, либерализм (от лат. *liberalis* – свободный) представляет собой идейно-политическое движение, которое (в своей классической интерпретации) объединяет приверженцев буржуазно-парламентского строя. Другими словами, либерализм предоставляет широкие возможности каждому человеку, гражданину выражать свою волю и осуществлять свой выбор, правда, в рамках имеющего место правового поля. Одновременно с этим не допускается вмешательство государства в происходящие в

обществе процессы, возможное только в крайних случаях. Именно в конце прошлого века указанные тенденции стали преобладать в политике государства, однако отсутствие фундаментальных экономических основ и неготовность широких слоев общества привели к существенным просчетам в рамках проводимых реформ.

В целом же принципы либерализма весьма удачно сформулировал в начале 60-х гг. XIX в. Б. Н. Чичерин, называвший классический (в общем, русский) либерализм «охранительным либерализмом», в противовес «оппозиционному» и «уличному». Такими принципами являются сочетание либеральных мер и сильной государственной власти, гарантирование прав и свобод личности, равенство индивидов, строгое исполнение закона, государственное единство и др. [2, с. 51].

Однако уже к концу XIX – началу XX вв., как справедливо обращает внимание И.Ю. Козлихин, «извращение классического либерализма в Европе и Америке превратило прекрасные идеи и ценности в их противоположность» [3, с. 26]. Подобные тенденции, естественно, наблюдались и продолжают наблюдаться и в нашей стране, но, к счастью, не в том объеме, как это заметно на западе.

В настоящее время государство (не только российское, но и большинство западных), в противовес фундаментальным либеральным идеям, всеми силами пытается контролировать ключевые сферы общественной жизни, в том числе в информационной среде (и это у него с определенной долей успеха получается). В ряде стран наблюдается чрезмерная «зарегулированность» многих вопросов (большей частью за счет бюрократических процедур). В определенной степени это относится и к нашей государственности, а потому указанные обстоятельства не позволяют утверждать о доступности населению России возможностей осуществления полноценной реализации своих прав в рамках дозволенного типа правового регулирования (даже больше: российская модель правового государства зачастую функционирует не благодаря, а вопреки усилиям бюрократического аппарата, для которого органичным является не дозволенный, а разрешительный тип правового регулирования).

Большинство воззрений в 1990-х гг. было направлено на либеральные идеи, которые несли в себе различного рода ценностные установки, предполагающие быстрые позитивные изменения в процессе построения нового типа государства и общества на основе передовых достижений цивилизаций западного мира. При этом ряд представителей политической элиты современной России открыто заявлял о приверженности либеральным ценностям. Более того, даже Президент РФ В. В. Путин в 2014 г. в интервью российским и зарубежным журналистам в Красной Поляне однозначно высказывался, что является «настоящим либералом и придерживается либеральных взглядов» [4].

В то же время для российской государственности вопросы использования авторитарных приемов во власти порой являются вопросами существования самого государства, выживания народа. Хотя, с другой стороны, активное применение

собственно либеральных подходов также не является чуждым для России, весьма активно используется в периоды стабильности, нередко преследуя цель расширения возможностей реализации прав и свобод граждан, предоставления значительной экономической и политической самостоятельности населению (примечательно, что именно о политическом «взрослении» и самостоятельности российского общества говорил В. В. Путин в ходе послания Федеральному собранию 15 января 2020 г., хотя предложенные им конституционные изменения лишь с большой натяжкой можно назвать хотя бы отчасти либеральными).

Можно предположить, таким образом, что российский политико-правовой режим, как и вся российская государственность, представляют собой сложный состав методов и приемов властвования, где основу образуют авторитарные принципы (применяемые в периоды нестабильности, а значит почти постоянно), в дополнение к которым весьма успешно могут применяться либеральные подходы. Очевидно, что одним из неотъемлемых характеристик этого режима является институт цензуры, также диалектически выстроенный и функционирующий в российской политической системе. Диалектика здесь органично проявляется в конституционном запрете цензуры и одновременно с этим в практическом применении элементов цензурной политики государства в важнейших сферах жизнедеятельности общества.

Что касается цензуры в контексте существующего в России государственно-правового режима, то целесообразным представляется исходить из рассмотрения параметров её запрета, оценивая перспективы использования цензурной политики в современный период. Так, впервые за всю советскую историю на законодательном уровне *цензура запрещается* ч. 3 ст. 1 (Свобода печати) Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации», которая гласила: «Цензура массовой информации не допускается» [5], что стало поистине переломным моментом для всего общества и государства.

Уже в 1991 г. был принят Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» [6], в котором отдельная статья (ст. 3) была посвящена вопросам недопустимости цензуры. Осуществление цензуры при этом стало признаваться ущемлением свободы массовой информации (статья 58), за что устанавливалась юридическая ответственность.

Получившие новое развитие в 1990-е гг. либеральные идеи нашли свое отражение в нормативных положениях Конституции РФ 1993 г. [7]. Особенно примечательной здесь является конституционно-правовая норма части 5 статьи 29 Основного закона, установившая абсолютный, безусловный и однозначный запрет цензуры, что еще раз свидетельствует о довольно пристальном внимании к данному вопросу на общегосударственном уровне.

Согласимся с А. В. Головченко, что последующее распространение либерализма среди представителей западной и российской политической элиты ознаменовано по-

пытками (и нередко весьма успешными) реализовать в отечественном партийном и политическом пространстве принципы, положительно зарекомендовавшие себя в европейском и североамериканском политическом пространстве [8, с. 107]. При этом «пересборка» российского общества в начале 1990-х гг. хотя и имела перед собой яркий образ западного мира, но не в полной мере учитывала фактическое состояние национальной экономики, ее возможности для реализации либеральных идей в практической плоскости, перспективы перехода на соответствующие методы и способы государственного управления в разных сферах отечественного бытия.

Вообще, можно сказать, что краеугольной проблемой, препятствующей проявлению (расцвету) в полной мере либерального государственно-правового режима в России, является сама суть либерального подхода к реализации фундаментальных идей, невозможность их быстрой адаптации в российском политическом и государственно-правовом пространстве, значительные риски утери контроля над процессами преобразований и категорическим неприятием истинной сущности либеральных идей широкими слоями общества.

Несмотря на это, идеи классического либерализма, свободы и автономности личности давно и на разных уровнях восприняты и в какой-то степени реализованы в российском политико-правовом поле. Более того, Президент РФ В. В. Путин неоднократно положительно отзывался о либерализме и о либеральной идее, уточняя при этом, что «либеральная идея устарела, поскольку вступила в конфликт с интересами подавляющего большинства населения» [9]. При этом саму идею либерализма «не нужно уничтожать, ее даже следует в чем-то поддерживать. Но не надо думать, что у нее есть право быть абсолютно доминирующим фактором» [9].

Одновременно с этим стоит отметить, что либеральные тенденции, применительно к российской государственности, имеют свойство негативно отражаться и на государственной стабильности. Их реализация неизбежно приводила (чему есть масса примеров) к проявлениям сепаратистских настроений, была одной из основных причин возникновения вооруженного конфликта на территории Северного Кавказа, недовольства населением проводимыми реформ и категорическим неприятием либеральных идей как со стороны политических деятелей, так и представителей государственного аппарата.

Именно чиновничество, как устойчивая социальная группа, стало постепенно и довольно выборочно вводить ограничения на публикацию материалов, негативно влияющих на рейтинг власти, что приводило к планомерному, неспешному, но целенаправленному процессу цензурирования отдельных аспектов государственной политики, особенно связанных с просчетами и невыполнением взятых на себя обязательств. Однако и в этом плане не все так однозначно с либерализмом как стратегией, идеей для российской государственности. Собственно, как заметил В. В. Путин, «если под либерализмом понимается свобода мысли, свобода выбора, то в России всегда это было, есть и будет»

[10]. Поэтому к анализу либерализма и либерального государственно-правового режима в России нужно подходить с учетом всех сторон рассматриваемого явления.

Одной из основ либерального государственно-правовой режима является рыночная экономика, которая в нашей стране также имеет свою известную специфику. Прав в этом плане Г. Ромозер, говоря, что создание рыночной экономики есть в своей основе несбыточная надежда для России, ведь для становления такой системы требуется длительный процесс, продолжающийся на протяжении жизни нескольких поколений, который немислим для построения по плану в административном порядке [11, с. 155]. В какой-то мере это подтверждается и официальной позицией российского руководства относительно изменения структуры российской экономики и сокращения (пусть и очень медленного) доли доходов от продаж нефтегазового сектора (с одновременным увеличением доли промышленных доходов и доходов от высоких технологий). Поэтому понятно, что «у такой огромной страны, как Россия, конечно, этот процесс занимает десятилетия. Как минимум» [12].

Оценка цивилизационных, институциональных характеристик и перспектив либерального государственно-правового режима в России конца XX – начала XXI вв. предполагает, в той или иной степени, сравнение западных образцов и стандартов либерализма и их проявлений в российской правовой и политической системе. В этом смысле можно согласиться с позицией М.А. Пономаревой, что в 90-е гг. XX в. российский либерализм постепенно дистанцируется от простого копирования западноевропейских либеральных образцов (этот принцип воспринят и на самом высшем уровне в России: по словам Президента РФ, если либерализм понимать так, что мы должны обязательно кого-то копировать и «под либерализмом понимать только то, что, скажем, в каких-то странах под этим понимают, то это не самый лучший вариант» [10]). В итоге представители «нового» либерализма начинают осознавать чуждость иностранных подходов и необходимость использования существующей мощной интеллектуальной традиции русского либерального консерватизма и дореволюционного «нового» либерализма как теоретического фундамента для создания оптимального либерального модернизационного проекта, учитывающего исторические особенности развития России [13, с. 95].

Тенденции начала 2010-х гг., по мнению исследователей, свидетельствуют о том, что либерализм в России находился в стадии кризиса, так как его основополагающие принципы чужды подавляющему большинству населения. Причина этого видится в отсутствии в российском менталитете такого феномена, как «*либеральный архетип*». По большому счету свобода, демократия и личная ответственность не являются для большинства русских людей базовыми ценностями, в отличие от порядка, державности и государственного патернализма [14, с. 114].

Добавив к перечню Е. А. Ревякиной также соборность, как архетипическую ценность российского общества, получаем тупиковую перспективу и конечную невоз-

возможность выстраивания либерального государственно-правового режима в России по «западным» лекалам. Вместо этого российское общество стремится к активному поиску национального (русского, российского) пути развития, который учитывал бы позитивные мировые тенденции, но в то же время был бы направлен на защиту исконных исторических основ, ценностей, позволял бы обеспечить благосостояние каждого гражданина, предоставлял широкие возможности для развития.

В этом плане можно утверждать, что, начиная с 20-х гг. XXI в., происходит постепенное возрождение либеральных тенденций в отечественной государственно-правовой системе, но встроены в российскую «систему координат». В первую очередь – за счет предоставления широких возможностей институтам гражданского общества, налаживания тесных и открытых контактов власти и населения, учета взаимных потребностей, обеспечения широких возможностей экономического развития гражданам в различных сферах хозяйствования. Кризисные периоды, а также рискогенные факторы, которыми со всей очевидностью можно считать пандемию коронавируса COVID-19 и Специальную военную операцию на Украине, продемонстрировали потенциальные возможности гражданского общества (прежде всего, блогосферы, института военных корреспондентов и т. д.) активно взаимодействовать с государством в решении важнейших задач. А это является одной из ключевых характеристик либеральной концепции и всего либерального государственно-правового режима.

Поэтому утверждения о том, что политический режим современной России может быть охарактеризован как относительно демократический с устойчивыми авторитарно-олигархическими чертами и элементами политического корпоративизма, с сохраняющимися признаками тоталитарности [15, с. 1244], можно признать отчасти справедливыми. Вопросы возникают лишь в отношении признаков тоталитарности, которые при их консервации в политической системе России могли бы, как считает А. С. Пашенко, приводить к усилению авторитарных признаков режима [15, с. 1244]. Представляется, что в приведенной авторской позиции не до конца ясна граница между авторитарными и тоталитарными характеристиками политического режима.

Фактически имеет место качественное изменение государственно-правового режима в России в настоящее время, и хотя данные изменения еще не столь очевидны во всех сферах и уровнях государственного аппарата, тем не менее их развитие с каждым годом все отчетливее проявляется. И в этом смысле можно с уверенностью говорить об изменениях, которые показывают не «слепое» копирование зарубежных подходов, но элементы критического мышления, способного приводить к учету культурных, ментальных и институциональных особенностей российского общества.

Встречающиеся утверждения среди экспертного сообщества о том, что в России нет сильного гражданского общества, способного создать объединения, защищающие интересы разных групп общества [16, с. 153], и, как следствие, достигнуть со-

ответствующего уровня демократии по «западным стандартам», в последнее время утрачивают свою актуальность.

Широкие возможности в сфере осуществления предпринимательской деятельности, либерализация налогового законодательства, снижение административного давления и расширение сферы услуг, особенно в секторе цифровизации, создают все предпосылки для дальнейшей либерализации государственно-правовой системы управления. В то же время ограничение гласности путем цензурирования отдельных сторон общественной жизни, хотя по своей сути и чуждо либеральным подходам, однако в текущих условиях военно-политического противостояния России и коллективного Запада всецело отвечает запросам населения и поддерживается им.

Таким образом, российский политико-правовой режим, как и вся российская государственность, представляют собой сложный состав методов и приемов властвования, где основу образуют авторитарные принципы (применяемые в периоды нестабильности, а значит почти постоянно), в дополнение к которым весьма успешно могут применяться либеральные подходы. Одной из неотъемлемых характеристик этого режима является институт цензуры, также диалектически встроенный в российскую политическую систему, что проявляется в конституционном запрете цензуры и одновременно с этим в практическом применении элементов цензурной политики государства в важнейших сферах жизнедеятельности общества.

Список источников

1. Апольский Е. А., Мордовцев А. Ю., Хоменко С. М. Политико-правовой режим в сущностном и национальном измерении: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 160 с.
2. Чичерин Б. Н. Различные виды либерализма; Политический кризис в Пруссии. М., 1862. 61 с.
3. Козлихин И. Ю. Очерки сравнительного правоведения: учебное пособие для вузов. СПб.: Юридический центр, 2020. 204 с.
4. В. Путин подтвердил, что он «настоящий либерал». URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/01/2014/570416189a794761c0ce5bf4>.
5. О печати и других средствах массовой информации: Закон СССР от 12.06.1990 № 1552-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 26. Ст. 492.
6. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.
7. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. 1993. 25 декабря.
8. Головченко А. В. Политическая инверсия либерализма на западе и в постсоветской России // Известия Саратовского университета. 2013. № 4. С. 105–109.

9. Путин считает, что либеральная идея изжила себя. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4013468>.
10. Путин высказался о либерализме в России. URL: <https://iz.ru/1249629/2021-11-14/putin-vyskazalsia-o-liberalizme-v-rossii>.
11. Рормозер Г. Пути либерализма в России // Полис. 1993. № 1. С. 154–162.
12. Путин по своей натуре является абсолютным либералом, заявил Песков. URL: <https://ria.ru/20161221/1484252401.html>.
13. Пономарева М. А. Либеральные идеи в 90-е годы XX в.: основа концепции модернизации России // Система ценностей современного общества. 2011. № 18. С. 89–96.
14. Ревякина Е. А. Идеология либеральных партий в современной России: особенности, проблемы и перспективы развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 2. С. 113–117.
15. Пашенко А. С. Рискогенность полиморфных политических режимов // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12. С. 42–48.
16. Денисов С. А. Политический режим современной России // Политическая концептология. 2018. № 2. С. 146–156.

References

1. Apolsky E. A., Mordovtsev A. Yu., Khomenko S. M. Politiko-pravovoi rezhim v sushchnostnom i natsional'nom izmerenii [The political and legal regime in the essential and national dimension: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2021. 160 p. (In Russ.).
2. Chicherin B. N. Razlichnye vidy liberalizma; Politicheskii krizis v Prussii [Various types of liberalism; Political crisis in Prussia]. Moscow, 1862. 61 p. (In Russ.).
3. Kozlikhin I. Yu. Ocherki sravnitel'nogo pravovedeniya: uchebnoe posobie dlya vuzov [Essays of comparative jurisprudence: a textbook for universities]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Publ., 2020. 204 p. (In Russ.).
4. Vladimir Putin confirmed that he is a "real liberal". URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/01/2014/570416189a794761c0ce5bf4>. (In Russ.).
5. On the press and other mass media: USSR Law No. 1552-I of 12.06.1990. *Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR*, 1990, no. 26, art. 492. (In Russ.).
6. On Mass media: Law of the Russian Federation of 27.12.1991 No. 2124-I. *Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*, 1992, no. 7, art. 300. (In Russ.).
7. Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993. *Rossiyskaya Gazeta*, 1993, December 25. (In Russ.).
8. Golovchenko A. V. Politicheskaya inversiya liberalizma na zapade i v postsovetskoj Rossii [The political inversion of liberalism in the West and in post-Soviet Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 105–109. (In Russ.).

9. Putin believes that the liberal idea has outlived itself. URL: <https://www.kommer sant.ru/doc/4013468>. (In Russ.).
10. Putin spoke about liberalism in Russia. URL: <https://iz.ru/1249629/2021-11-14/putin-vyskazalsia-o-liberalizme-v-rossii>. (In Russ.).
11. Rormozer G. Puti liberalizma v Rossii [Ways of liberalism in Russia]. *Polis*, 1993, no. 1, pp. 154–162. (In Russ.).
12. Putin is by nature an absolute liberal, Peskov said. URL: <https://ria.ru/20161221/1484252401.html>. (In Russ.).
13. Ponomareva M. A. Liberal'nye idei v 90-e gody KhKh v.: osnova kontseptsii modernizatsii Rossii [Liberal ideas in the 90s of the twentieth century: the basis of the concept of modernization of Russia]. *Sistema tsennosti sovremennogo obshchestva*, 2011, no. 18, pp. 89–96. (In Russ.).
14. Revyakina E. A. Ideologiya liberal'nykh partii v sovremennoi Rossii: osobennosti, problemy i perspektivy razvitiya [Ideology of liberal parties in modern Russia: features, problems and prospects of development]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2013, no. 2, pp. 113–117. (In Russ.).
15. Pashchenko A. S. Riskogennost' polimorfnykh politicheskikh rezhimov [Riskogenicity of polymorphic political regimes]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2006, vol. 12, pp. 42–48. (In Russ.).
16. Denisov S. A. Politicheskii rezhim sovremennoi Rossii [The political regime of modern Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya*, 2018, no. 2, pp. 146–156. (In Russ.).

Информация об авторе

К. М. Паронян – кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института (филиала) им. А. П. Чехова Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г Таганрог.

Information about the author

K. M. Paronyan – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Branch Legal Disciplines of the Taganrog Institute (branch) named after A. P. Chekhov, Rostov State Economic University (RINH), Taganrog.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 83–94.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 83–94.

Научная статья

УДК 331.104.22(519.5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/83-94>

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ «ККОНДЭ» НА КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В КОРЕЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Гунвон Цой

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, gwchoi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8203-8461>

Аннотация. В статье исследуется феномен культуры «ккондэ» в корейском обществе (особенно на рабочем месте), которая подразумевает иерархическое и авторитарное отношение старших к младшим, что приводит к конфликту поколений и негативно влияет на отношения в трудовом коллективе. В статье рассматриваются три социально-психологических фактора (ошибки атрибуции, когнитивная ригидность и эгоцентрическая коммуникация) для определения места культуры "ккондэ" в организационной культуре и подчеркивается необходимость изучения влияния культуры "ккондэ" на конфликт поколений и определения политических рекомендаций для продвижения более инклюзивной и уважительной культуры на рабочем месте. Необходимы дальнейшие исследования для изучения факторов, способствующих возникновению и сохранению феномена "ккондэ" в различных социальных контекстах.

Ключевые слова: ккондэ, Южная Корея, организационная культура, межпоколенный конфликт, организационная психология.

Для цитирования: Цой Г. Влияние культуры «ккондэ» на конфликт поколений в корейской организации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 83–94. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/83-94>.

Original article

THE IMPACT OF KKONDAE CULTURE ON INTERGENERATIONAL CONFLICT IN KOREAN WORKPLACES

Keunwon Choi

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
gwchoi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8203-8461>

Abstract: This paper explores the phenomenon of "kkondae" culture in Korean society, especially in the workplace, which involves a hierarchical and authoritarian attitude of the older toward the younger, which leads to generational conflict and negatively affects workplace dynamics. The paper examines three socio-psychological factors (attribution errors, cognitive rigidity, and egocentric communication) to define "kkondae" culture in organizational culture and emphasizes the need to examine the impact of "kkondae" culture on generational conflict and identify policy recommendations to promote a more inclusive and respectful workplace culture. Further research is needed to explore the factors that contribute to the emergence and persistence of the "kkondae" phenomenon in different social contexts.

Keywords: kkondae, South Korea, organizational culture, intergenerational conflict, organizational psychology.

For citation: Choi K. The impact of kkondae culture on intergenerational conflict in Korean workplaces // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 26, no. 2. P. 83–94. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/83-94>.

Введение

В последние годы феномен культуры «ккондэ» привлек значительное внимание в Корее, особенно при его проявлении на рабочем месте. Культура «ккондэ» выражается в иерархическом и авторитарном отношении старших к младшим, которое часто воспринимается как форма издевательства или притеснения. Этот культурный феномен наблюдается в различных сферах корейского общества, включая рабочие места, где, как известно, он вызывает конфликт поколений и негативно влияет на динамику рабочего процесса.

Распространенность культуры «ккондэ» на рабочих местах в Корее вызывает серьезную озабоченность, поскольку она не только влияет на моральный дух сотрудников и производительность труда, но и влечет потенциальные негативные экономические и социальные последствия. Таким образом, необходимо изучить влияние культуры «ккондэ» на конфликт поколений на рабочих местах в Корее и

определить политические рекомендации, которые могут быть реализованы для продвижения более инклюзивной и уважительной культуры общения в трудовых коллективах.

Статья посвящена решению этой проблемы путем изучения распространенности культуры «ккондэ» на рабочих местах в Корее и выявления факторов, способствующих конфликту поколений. Целями работы является изучение распространенности культуры «ккондэ» на рабочих местах в Корее, определение факторов, способствующих конфликту поколений, и предоставление рекомендаций по продвижению более инклюзивной культуры на рабочих местах в Корее.

Конфликт поколений на рабочем месте

Теме конфликта поколений в трудовых коллективах уделяется повышенное внимание, поскольку демографические изменения и культурные различия способствовали возникновению напряженности между разными возрастными группами. По мнению исследователей, конфликт поколений – это напряженность и непонимание, возникающие между людьми разных поколений [1]. Этот конфликт может принимать различные формы, такие как различия в стилях работы, ценностях и предпочтениях в общении.

Одной из основных причин конфликта поколений является разница в опыте и ожиданиях между разными возрастными группами. Например, молодые работники могут быть более привычны к технологиям и больше заинтересованы в балансе между работой и личной жизнью, в то время как работники старшего возраста могут отдавать предпочтение гарантиям занятости и традиционной структуре работы [2]. Кроме того, конфликт поколений может возникнуть, когда стереотипы и предубеждения в отношении различных возрастных групп закрепляются и усиливаются, что приводит к непониманию и недовольству.

Последствия конфликта поколений могут быть значительными как для отдельных людей, так и для организаций. Исследования показывают, что конфликт поколений может привести к снижению удовлетворенности работой, снижению организационной приверженности и усилению намерений уйти с работы [1]. Кроме того, это может привести к снижению сотрудничества и инноваций, а также к снижению общей производительности.

В исследовании корейских ученых выявлено, что существуют значительные поколенческие различия в трудовых ценностях среди работников государственного сектора Кореи [3]. Исследование показало, что корейские бэби-бумеры отдают предпочтение командной работе и сотрудничеству, в то время как поколение Y отдают предпочтение индивидуальным достижениям и признанию. Эти различия как раз и приводят к конфликтам и недопониманию на рабочем месте, а также к трудностям в сотрудничестве и общении.

Культура «ккондэ» на рабочем месте

Учитывая потенциальные негативные последствия конфликта поколений, важно понять его причины и разработать стратегии по его устранению. В контексте корейских рабочих мест одним из культурных факторов, который был определен как способствующий конфликту поколений, является культура «ккондэ». Культура «ккондэ» относится к иерархическому и авторитарному стилю руководства, который часто демонстрируют пожилые люди в корейском обществе [4]. Эта культура может привести к напряженности и конфликтам между различными возрастными группами, поскольку более молодые работники могут чувствовать себя неуважаемыми и недооцененными.

Важно понимать, что культура «ккондэ» зародилась именно в азиатской или конфуцианской культуре. По последним исследованиям ученых, сегодняшняя азиатская молодежь (или поколение Y) придерживается таких ценностей, как индивидуализм, гибкость и стремление к балансу между работой и личной жизнью [5]. Именно традиционная конфуцианская ценность иерархии играет важную роль в конфликте поколений. Старшее поколение ожидает от молодых работников проявления почтения и уважения, однако молодое поколение часто оспаривает эту традицию и ожидает, что к ним будут относиться как к равному. Именно такое желание и поведение взрослого поколения, которое пытается сохранить давно укоренившуюся организационную культуру Азии, называют культурой «ккондэ».

Термин «ккондэ» – это жаргонизм, обозначающий пожилого человека, который постоянно считает себя правым и навязывает свое мнение другим. Происхождение термина неясно, но он может быть производным из диалекта Ённам (юго-восточная часть Республики Корея), обозначающего пожилого человека с морщинами, или из аристократического термина, подразумевающего графа во времена японского колониального господства [6]. Определение «ккондэ» постоянно меняется, но в целом оно относится к пожилому человеку, который навязывает свои идеи другим и отказывается выслушивать противоположные точки зрения.

По мнению корейских социологов, «ккондэ» – это человек, который упрямо требует, чтобы другие придерживались его стандартов и ценностей, независимо от воли или отношения других людей [7]. Характерными чертами «ккондэ» могут быть эгоцентричный образ мышления, ошибки атрибуции, когнитивная ригидность и плохие коммуникативные навыки.

Методы измерения культуры «ккондэ»

Термин «ккондэ» часто используется для описания культурного феномена в Корее, где от пожилых людей ожидается больший авторитет и уважение, чем от молодых поколений. Иерархическая природа корейского общества может способствовать распространению поведения «ккондэ», поскольку пожилые люди считают себя вправе навязывать

вать свои взгляды молодым поколениям. Однако этот термин можно использовать и в более широком смысле, чтобы описать любого человека, демонстрирующего подобное поведение, независимо от возраста или положения в обществе.

Для определения места культуры «ккондэ» в организационной культуре профессор Ли Джиён и коллеги предлагают учитывать три социально-психологических фактора: *ошибки атрибуции, когнитивную ригидность и эгоцентрическую коммуникацию* [6].

Термин *ошибки атрибуции* впервые был предложен Эдвардом Э. Джонсом и Виктором Харрисом в 1967 г. [8]. Теория относится к тенденции людей объяснять поведение других людей, переоценивая диспозиционные (внутренние) факторы и недооценивая ситуационные (внешние) факторы. Иными словами, люди склонны объяснять поведение других людей их личностным особенностям, а не обстоятельствам, окружающим поведение.

Атрибуция, которая представляет собой процесс вывода причины собственного или чужого поведения, является важным понятием в социальной психологии и психологии личности. При оценке поведения других людей может возникнуть фундаментальная ошибка атрибуции, которая заключается в тенденции недооценивать влияние внешних факторов, таких как обстоятельства, и переоценивать влияние внутренних факторов, таких как личность [9].

Эта тенденция более выражена у «ккондэ», которые склонны фокусироваться на особенностях личности человека, а не на ситуации или окружении. Они могут совершать базовые ошибки атрибуции, что является важной характеристикой «язвительного» человека, который не способен сопереживать другим и убежден в правоте собственного мнения. Это может привести к недостатку эмпатии и внимания к другим, а также к эгоцентричному мышлению, которое фокусируется на индивидуальных характеристиках, а не на ситуации или окружении.

В контексте организационной культуры ошибка атрибуции может проявляться по-разному. Например, менеджеры, склонные допускать такую ошибку, могут обвинять сотрудников в плохой работе без учета внешних факторов, таких как недостаток ресурсов или поддержки. Это может создать токсичную рабочую среду, в которой сотрудники чувствуют себя недооцененными и лишенными поддержки, что приводит к низкому моральному духу и высокой текучести кадров.

Аналогичным образом коллеги, склонные к подобной ошибке, могут судить своих коллег на основе их личностных качеств или предполагаемых недостатков характера, а не учитывать ситуационные факторы, которые влияют на их поведение. Это может привести к отсутствию доверия и сотрудничества в коллективе, а также к культуре вины и негатива.

Для борьбы с ошибкой атрибуции и формирования более позитивной организационной культуры важно поощрять эмпатию, открытое общение и фокусировку

на ситуационные факторы, а не на индивидуальные характеристики. Создавая среду, в которой сотрудники чувствуют, что их слышат, ценят и поддерживают, организации могут сформировать культуру сотрудничества и взаимного уважения, что приведет к лучшим результатам для всех участников.

Следующим фактором является *когнитивная ригидность*, которая означает отсутствие спонтанности в распознавании имеющихся альтернатив и адаптации к данной ситуации. Люди с высокой когнитивной ригидностью склонны разделять старые системы убеждений, имеют одностороннее мышление и придерживаются эгоцентрических убеждений, а не различных точек зрения. Они также более склонны к тревожности, подавлению импульсов и акценту на соперничестве в отношениях. Такие люди могут навязывать свою систему убеждений и не желают признавать их разнообразие. Когнитивная ригидность может привести к таким чертам, как ненаучное или антинаучное мышление, внушаемость, доверчивость и нереалистичное восприятие [10].

Эту когнитивную ригидность можно увидеть в авторитарной личности хулиганов, которые склонны обобщать и абсолютизировать свои собственные ситуации или идеи, а не сопереживать другим. Они не рассматривают альтернативные точки зрения, что приводит к проблемам адаптации. Лица с когнитивной ригидностью могут продуцировать эгоцентрические идеи, что приводит к неспособности адаптироваться к новым перспективам и трудностям в понимании новых поколений.

Пожилые работники могут быть более традиционными в своем подходе к работе, ценя иерархию и старшинство. Они также могут быть менее открыты для новых идей и перемен, предпочитая полагаться на свой многолетний опыт и устоявшиеся способы ведения дел. Более молодые работники, напротив, могут быть более ориентированы на инновации и творчество, их меньше волнует традиционная иерархия.

Указанные различия между поколениями могут привести к когнитивной ригидности с обеих сторон. Пожилые работники могут быть менее готовы адаптироваться к новым методам работы, что приводит к сопротивлению изменениям и отсутствию гибкости. Более молодые работники могут быть менее готовы учитывать перспективы и опыт своих старших коллег, что приводит к отсутствию сотрудничества и коммуникации.

Чтобы преодолеть когнитивную ригидность и уменьшить конфликт поколений на рабочем месте, организации должны предпринимать различные шаги. Один из подходов заключается в поощрении диалога и взаимопонимания между поколениями путем предоставления старшим и младшим работникам возможности поделиться своими взглядами и поучиться друг у друга. Организации также могут предоставлять программы обучения и развития, которые способствуют гибкости и адаптивности, помогая работникам развивать новые навыки и образ мышления.

Наконец, руководители могут моделировать гибкий и открытый подход к работе, поощряя культуру инноваций и постоянного совершенствования.

У корейских «ккондэ» когнитивная ригидность может быть значительным дезадаптивным фактором в социальной жизни. С недавним развитием информационных и коммуникационных технологий в обществе растет потребность в когнитивной гибкости – способности воспринимать разнообразную информацию и корректировать свои мнения, мысли и поведение, чтобы быстро адаптироваться к новым условиям. Однако людям с высокой когнитивной ригидностью может быть трудно адаптироваться к новым перспективам, придерживаясь старых систем убеждений, особенно когда речь идет о понимании перспектив новых поколений.

Это может приводить к напряжению и конфликтам на рабочем месте в Корее, а также в других социальных условиях. Старшие поколения чувствуют угрозу или дискомфорт от новых технологий, способов мышления и социальных норм, в то время как молодые поколения чувствуют разочарование или непонимание из-за предполагаемой ригидности старших.

Проблема когнитивной ригидности характерна не только для Кореи и России, это скорее глобальная проблема, поскольку технологический прогресс и изменения в обществе продолжают ускоряться. Поэтому для отдельных людей и организаций становится все более важным признать ценность когнитивной гибкости и предпринять шаги по ее развитию.

Один из подходов заключается в поощрении обучения на протяжении всей жизни и менталитета роста, в пропаганде идеи о том, что никогда не поздно освоить новые навыки и способы мышления. Кроме того, организации могут способствовать многообразию и инклюзивности, поощряя обмен идеями и взглядами между людьми разного возраста, происхождения и опыта. Целя когнитивную гибкость и создавая среду, которая ее поддерживает, люди и организации могут лучше адаптироваться к меняющемуся миру вокруг них, что приведет к большему успеху и самореализации в жизни и работе.

Последней важной составляющей, объясняющей феномен «ккондэ», является *эгоцентрическая коммуникация*. В нашем обществе более властным людям часто не хватает умения прислушиваться к мнению других, что приводит к трудностям в общении и конфликтам между ними. Активное слушание считается одним из самых фундаментальных элементов общения, а люди с властной личностью чаще проявляют пассивность или низкий интерес к чужому мнению, чем активно принимают и выслушивают его. Такое отсутствие интереса к чужому мнению может привести к конфликтам в отношениях между людьми [11].

Эгоцентрическая коммуникация впервые рассматривалась в работе швейцарского психолога Жана Пиаже, который изучал развитие когнитивных способностей детей [12]. По его мнению, эгоцентрическая коммуникация является типичной ха-

рактистикой детей на дооперациональной стадии когнитивного развития, которая длится примерно с 2 до 7 лет. На этой стадии дети не способны воспринимать точку зрения других людей и склонны смотреть на мир исключительно со своей собственной «колокольни». В результате они могут участвовать в эгоцентрической коммуникации, не принимая во внимание точку зрения слушателя. Эгоцентрическая коммуникация возникает потому, что у детей еще не развита способность выполнять умственные операции, такие как сохранение, обратимость и классификация. Эти умственные операции позволяют человеку понять точку зрения других людей и участвовать в совместном общении.

На рабочем месте эгоцентрическая коммуникация может проявляться в виде поведения людей, которые доминируют в дискуссиях и процессах принятия решений. Они могут решительно высказывать свои идеи и не учитывать мнения и точки зрения своих коллег. Это может привести к конфликтам и недовольству среди членов команды, что в конечном итоге сказывается на эффективности и производительности всего коллектива.

Кроме того, эгоцентрическая коммуникация может препятствовать сотрудничеству и инновациям на рабочем месте. Когда люди не готовы рассматривать альтернативные точки зрения или идеи, команда может упустить ценные предложения и взгляды, которые могли бы привести к новым решениям и подходам.

Эгоцентрическая коммуникация может иметь негативные последствия как в личных, так и в профессиональных отношениях, приводя к недопониманию, конфликтам и сбоям в общении. Чтобы преодолеть эгоцентрическую коммуникацию, люди обычно практикуют активное слушание, принимают во внимание перспективы и стремление к общению в совместной и инклюзивной манере.

Важно отметить также эмпатию. Эмпатия – еще один важнейший компонент эффективного общения и построения отношений. Отсутствие эмпатии является отличительной чертой хвастуна, который не способен сопереживать историям других людей и лишь продвигает свою повестку дня. Эмоциональная эмпатия подразумевает понимание чувств другого человека и проявление эмоционального сопереживания в ответ, а когнитивная эмпатия предполагает распознавание и сопереживание причинам, по которым другой человек может чувствовать себя так, как он чувствует. Низкий уровень эмоциональной и когнитивной эмпатии может привести к эгоцентричному общению, когда люди сосредотачиваются только на своей собственной истории и аргументах, не признавая и не пытаясь понять историю или эмоциональное состояние других.

Именно «ккондэ» находится под влиянием эгоцентрической коммуникации, когда люди отдают приоритет собственному мнению и не умеют активно слушать других или сопереживать их точкам зрения. Отсутствие эмпатии и активного слушания может привести к конфликтам и препятствовать эффективному общению и налаживанию отношений.

Одной из стратегий, применяемых для решения этой проблемы, являются программы обучения, направленные на улучшение навыков общения и разрешения конфликтов, подчеркивающие важность активного слушания и эмпатического общения. Другой подход заключается в поощрении разнообразия и инклюзивности на рабочем месте, участия людей из разных слоев общества и возрастных групп в формировании более открытой и инклюзивной рабочей культуры.

В целом, преодоление культуры «ккондэ» и связанного с ней эгоцентричного общения требует согласованных усилий как от отдельных людей, так и от организаций. Продвигая активное слушание, эмпатию и взаимное уважение, люди могут создать более гармоничную рабочую среду и построить более крепкие отношения со своими коллегами. В то же время организации должны предпринять шаги по созданию культуры инклюзивности, разнообразия и уважения, предоставляя необходимые ресурсы и поддержку для обеспечения эффективного общения и сотрудничества между представителями всех возрастных групп и должностей.

Заключение

Важно отметить, что феномен культуры «ккондэ», под которой понимается иерархическое и авторитарное отношение к младшим поколениям, не ограничивается Кореей, но может наблюдаться и в других частях света, включая Россию. В России молодые люди чаще всего называют этих людей «душлилой». Таким образом, сравнительный анализ между корейскими «ккондэ» и российскими «душлилами» и их организационной культурой может быть полезен для выявления сходств и различий.

По мере изменения геополитических ограничений, вполне вероятно, что русским и азиатам, включая корейцев, придется работать вместе более тесно и часто, что может привести к конфликтам на рабочем месте. Поэтому важно изучить все конфликтные ситуации, возникающие в России и Корее, и их возможные решения. Понимание и обмен информацией помогут нам больше узнать друг о друге и предотвратить культурный шок при работе в едином рабочем пространстве [13; 14].

Необходимы дальнейшие исследования для изучения влияния культуры «ккондэ» и ее вариантов на конфликт поколений и организационную культуру в различных контекстах, включая Россию и страны мира.

Список источников

1. Cennamo L., Gardner D. Generational differences in work values, outcomes and person-organisation values fit // *Journal of Managerial Psychology*. 2008. Vol. 23, no. 8. P. 891–906. <https://doi.org/10.1108/02683940810904385>.
2. Meister J. C., Willyerd K. *The 2020 workplace: How innovative companies attract, develop, and keep tomorrow's employees today*. New York: Harper Collins Publishers Inc, 2021. 294 p.

3. Park S., Park S. Generational differences in work values in the Korean Government sector // *European Journal of Training and Development*. 2022. Ahead-of-print. <https://doi.org/10.1108/EJTD-05-2022-0057>.
4. Bu H., Lee S. Y. A Study on Koreans' perception of the word kkondae // *SAGE Open*. 2021. Vol. 11, no. 4. Art. no. 21582440211056608. <https://doi.org/10.1177/21582440211056608>
5. Ryu K., Zheng Z., Han S. Confucianism and Generation Y: how do two contrary value sets influence the hotel industry and East Asian young employees // *Journal of Tourism and Cultural Change*. 2019. Vol. 17, no. 4. P. 394–415. <https://doi.org/10.1080/14766825.2019.1591685>.
6. Lee J., Ko D. W., Choi K. Development and validation of the kkondae scale = 꼰대 척도의 개발 및 타당화 // *The Journal of the Korea Contents Association*. 2021. Vol. 21, no. 9. P. 164–175. На кор. яз. <https://doi.org/10.5392/JKCA.2021.21.09.164>.
7. Kim S., Lee J., Chae Ch. «Kkondae»: A study for organizational culture in Korean companies = 꼰대, 한국기업 조직문화 차원의 탐구 // *Journal of Organization and Management*. 2021. Vol. 45, no. 2. P. 1–35. На кор. яз. <http://doi.org/10.36459/jom.2021.45.2.1>.
8. Jones E. E., Harris V. A. The attribution of attitudes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1967. Vol. 3, no. 1. P. 1–24.
9. Muschetto T., Siegel J. T. Bibliometric review of attribution theory: Document cocitation analysis // *Motivation Science*. 2021. Vol. 7, no. 4. P. 439–450. <https://doi.org/10.1037/mot0000253>.
10. Zmigrod L. The role of cognitive rigidity in political ideologies: theory, evidence, and future directions // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. P. 34–39. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.10.016>.
11. Listening competence in initial interactions I: Distinguishing between what listening is and what listeners do / G. D. Bodie [et al.] // *International Journal of Listening*. 2012. Vol. 26, no. 1. P. 1–28. <https://doi.org/10.1080/10904018.2012.639645>.
12. Piaget J. *Play, dreams and imitation in childhood*. [Б. м.]: Routledge, 2013. 308 p.
13. Цой Гунвон. Социальный капитал и адаптация южнокорейских мигрантов в России // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2018. Т. 11, № 1. С. 58–67.
14. Цой Гунвон, Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Взаимосвязь ценностей и социально-экономических представлений у корейских и российских студентов // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13, № 2. С. 310–322.

References

1. Cennamo L., Gardner D. Generational differences in work values, outcomes and person-organisation values fit. *Journal of Managerial Psychology*, 2008, vol. 23, no. 8, pp. 891–906. <https://doi.org/10.1108/02683940810904385>.

2. Meister J. C., Willyerd K. The 2020 workplace: How innovative companies attract, develop, and keep tomorrow's employees today. New York: Harper Collins Publishers Inc, 2021. 294 p.
3. Park S., Park S. Generational differences in work values in the Korean Government sector. *European Journal of Training and Development*, 2022. Ahead-of-print. <https://doi.org/10.1108/EJTD-05-2022-0057>.
4. Bu H., Lee S. Y. A Study on Koreans' perception of the word kkondae. *SAGE Open*, 2021, vol. 11, no. 4, art. no. 21582440211056608. <https://doi.org/10.1177/2158244021105660>.
5. Ryu K., Zheng Z., Han S. Confucianism and Generation Y: how do two contrary value sets influence the hotel industry and East Asian young employees. *Journal of Tourism and Cultural Change*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 394–415. <https://doi.org/10.1080/14766825.2019.1591685>.
6. Lee J., Ko D. W., Choi K. Development and validation of the kkondae scale. *The Journal of the Korea Contents Association*, 2021, vol. 21, no. 9, pp. 164–175. (In Kor.). <https://doi.org/10.5392/JKCA.2021.21.09.164>.
7. Kim S., Lee J., Chae Ch. “Kkondae”. A study for organizational culture in Korean companies. *Journal of Organization and Management*, 2021, vol. 45, no. 2, pp. 1–35. (In Kor.). <http://doi.org/10.36459/jom.2021.45.2.1>.
8. Jones E. E., Harris V. A. The attribution of attitudes. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1967, vol. 3, no. 1, pp. 1–24.
9. Muschetto T., Siegel J. T. Bibliometric review of attribution theory: Document cocitation analysis. *Motivation Science*, 2021, vol. 7, no. 4, pp. 439–450. <https://doi.org/10.1037/mot0000253>.
10. Zmigrod L. The role of cognitive rigidity in political ideologies: theory, evidence, and future directions. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020, vol. 34, pp. 34–39. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.10.016>.
11. Bodie G. D. (et al.). Listening competence in initial interactions I: Distinguishing between what listening is and what listeners do. *International Journal of Listening*, 2012, vol. 26, no. 1, pp. 1–28. <https://doi.org/10.1080/10904018.2012.639645>.
12. Piaget J. Play, dreams and imitation in childhood. Routledge, 2013. 308 p.
13. Choi Gong won. Sotsial'nyi kapital i adaptatsiya yuzhnokoreiskikh migrantov v Rossii [Social capital and adaptation of South Korean migrants in Russia]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 58–67.
14. Choi Gong won, Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Vzaimosvyaz' tsennostei i sotsial'no-ekonomicheskikh predstavlenii u koreiskikh i rossiiskikh studentov [The relationship of values and socio-economic ideas among Korean and Russian students]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*, 2016, vol. 13, no. 2, pp. 310–322.

Информация об авторе

Г. Цой – кандидат психологических наук, старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

K. Choi – Candidate of Psychology, Associate professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 13.05.2023; принята к публикации 13.05.2023.

The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 13.05.2023; accepted for publication 13.05.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 95–104.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 95–104.

ПРАВО

Научная статья

УДК 347.991(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/95-104>

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РАЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ ПЛЕНУМА И СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ)

Артур Меликович Галстян¹, Андрей Юрьевич Мордовцев²,
Евгений Александрович Апольский³

^{1, 3}Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия

¹galstian.a2011@yandex.ru

²Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия, aum.07@mail.ru

³apolski@mail.ru

Аннотация. В статье выявляются и исследуются факторы и тренды, обеспечивающие формирование единой правоприменительной (судебной) практики в правовой системе Российской Федерации, проводится изучение специфики юрисдикции Верховного Суда РФ, освещается проблематика иерархии интерпретационных актов в системе структуры органов Верховного Суда РФ, приводятся примеры, подтверждающие актуальность рассматриваемой проблематики. Авторы приходят к выводу о необходимости реформирования законодательства о судебной системе Российской Федерации в контексте оптимизации судебной правоинтерпретационной политики, что позволит добиться обоснованного использования теоретико-методологических основ современной отечественной системы права в правоприменительной практике.

Ключевые слова: судебная практика, Верховный Суд РФ, Пленум Верховного Суда РФ, Судебные коллегии Верховного Суда РФ, правоприменительная практи-

ка, толкование нормы, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, правовая доктрина, судебный прецедент.

Для цитирования: Галстян А. М., Мордовцев А. Ю., Апольский Е. А. Особенности и перспективы формирования единой правоприменительной практики в Российской Федерации (на примере разъяснительных актов Пленума и Судебных коллегий Верховного Суда РФ) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 95–104. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/95-104>.

LAW

Original article

FEATURES AND PROSPECTS FOR THE FORMATION OF A UNIFIED LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION (BY THE EXAMPLE OF EXPLANATORY ACTS OF THE PLENUM AND JUDICIAL BOARDS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

**Artur Melikovich Galstyan¹, Andrey Yurievich Mordovtsev²,
Evgeny Alexandrovich Apolsky³**

^{1,3}Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

¹galstian.a2011@yandex.ru

²Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the
Ministry of Justice of Russia), Rostov branch of the Russian State University of Justice,
Rostov-on-Don, Russia, aum.07@mail.ru

³apolski@mail.ru

Abstract. The article examines the role of judicial practice in the legal system of the Russian Federation, conducts a legal analysis of the powers of the bodies of the Supreme Court of the Russian Federation, highlights the lack of a hierarchy of interpretive acts in the structure of the bodies of the Supreme Court of the Russian Federation, provides examples that confirm the relevance of the issues under consideration. The authors come to the conclusion that it is necessary to reform the legislation on the judicial system of the Russian Federation in terms of fixing the impossibility of interpreting legislative acts by the courts in a sense that contradicts the explanations on judicial practice given in the acts

of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Such changes will make it possible to achieve a more reasonable use of the theoretical and methodological foundations of the current domestic system of law in law enforcement practice.

Keywords: jurisprudence, Supreme Court of the Russian Federation, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, Judicial Collegiums of the Supreme Court of the Russian Federation, law enforcement practice, interpretation of the norm, clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, legal doctrine, judicial precedent.

For citation: Galstyan A. M., Mordovtsev A. Y., Apolsky E. A. Features and prospects for the formation of a unified law enforcement practice in the Russian Federation (by the example of explanatory acts of the Plenum and Judicial boards of the Supreme Court of the Russian Federation) // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 95–104. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/95-104>.

В современной теории государства и права имеет место в той или иной мере обоснованная позиция, согласно которой отечественное право следует относить к романо-германской правовой семье [1]. Основным доводом в пользу такого мнения является то, что в российском государстве, собственно, единственным источником права признаётся нормативно-правовой акт. Конечно, сложно не согласиться с приведенным доводом, поскольку основными регуляторами правовых отношений для российского права являются Конституция, федеральные законы, нормативно-правовые акты органов исполнительной власти, законы и подзаконные НПА.

В то же время, даже учитывая вышеприведенный аргумент, нельзя однозначно утверждать, что в России полностью отсутствуют элементы системы прецедентного права, главным из которых является наличие и применение судебного прецедента.

Судебный прецедент, как известно, представляет собой решение суда по конкретному делу, которое имеет силу источника права. Такую преимущественную форму права, разумеется, можно встретить в государствах англо-саксонской правовой семьи. В качестве примеров можно назвать США, Великобританию, Канаду. Издавая судебные акты, такие органы, как Верховный Суд США, способны принимать, изменять или же вовсе отменять норму права.

С одной стороны, Российская Федерация, как и любое государство романо-германской правовой семьи, не относит решения судов к источникам права. Ни в Конституции РФ, ни в каких-либо других нормативных правовых актах официально судебным органам не делегируются полномочия правотворческой деятельности, что не позволяет позиционировать судебные решения в качестве источников права. Однако, с другой стороны, как, например, утверждает М. Н. Марченко, для государств романо-германской правовой семьи судебный прецедент может быть факти-

ческим источником права [2, с. 11]. В связи с этим представляется целесообразным более подробно рассмотреть влияние судебной практики на российское право.

Судебная практика в Российской Федерации играет далеко не последнюю роль, можно даже сказать, что эта роль часто бывает определяющей в формировании правоприменительной деятельности. Статья 126 Конституции РФ и статья 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации») представляют Верховный Суд Российской Федерации как высший судебный орган, обладающий функциями судебного надзора за судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а также наделяют его полномочием дачи разъяснений по вопросам судебной практики [3; 4]. Иными словами, законодатель наделяет Верховный Суд правомочием толкования норм права (т. е. правом «продуцировать» прецеденты их толкования) в случаях возникновения правовой неопределённости в практике нижестоящих судов.

Конечно, трудно спорить с тем, что толкование правовых норм всегда являлось трудной задачей и острой проблемой системы российского законодательства. В теоретическом измерении вопроса принимаемые законы и иные НПА должны быть однозначными и для понимания, и для применения. На практике же всё происходит иначе, что, в целом, обусловлено самой спецификой юридической герменевтики, особенностями и результатами этого процесса, замеченными в историческом прошлом не только отечественной, но и европейских правовых систем.

Отметим, что немало внимания уделяли проблеме толкования правовых норм, НПА представители российской правовой науки конца XIX – начала XX вв. Так, П. А. Сорокин писал: «Когда закон точен, ясен и вполне определен, тогда невозможны его различные толкования; тогда каждый может легко определить, чего хочет закон. Но издание такого закона, свободного от всякой неопределенности и неясности, дело очень трудное. Самые совершенные законы нередко вызывают различное толкование. В таком случае встает необходимость толкования закона, т. е. объяснения его точного смысла и содержания. Цель толкования – вскрыть точное содержание закона согласно его смыслу и букве» [5, с. 718].

Собственно, в таком же теоретическом ракурсе видел проблему толкования права и закона И. В. Михайловский, отмечая, что «долгое время существовало мнение, что толкование законов есть дело не только ненужное, но и вредное, так как толкователь легко может извратить истинный смысл закона под влиянием своего субъективного правосознания... И даже в 19 столетии были примеры запрещения толкования законов не только судьям, но даже профессорам права: когда в Баварии был издан уголовный кодекс 1813 г., король запретил писать какие бы то ни были комментарии к нему... С половины 19 столетия это воззрение заменилось ныне существующим, по которому суд не только имеет право, но и обязан толковать законы» [6, с. 701].

Видимо, не случайно то, что ввиду ограниченности языка и желания сделать так, чтобы закон охватывал не только как можно больше сфер правоотношений, но и работал на перспективу (что, в принципе, можно только приветствовать, поскольку нормативный правовой акт, опережающий, а не догоняющий сложившиеся правоотношения, изначально является результатом более качественной работы законодателя), законотворцы невольно придают большинству правовых норм возможность их истолкования в нескольких смыслах.

В связи с этим уже судам приходится сталкиваться с проблемой применения закона при вынесении решений по делу, не говоря уже о простых гражданах. В таком контексте Верховному Суду РФ отводится особо важная роль при формировании понимания смысла правового предписания.

Сам же Верховный Суд РФ представляет собой структурированный судебный орган, который в свою очередь состоит из Пленума, Президиума и Судебных коллегий. При этом полномочие дачи разъяснений имеется у каждого из его подразделений. В нашем случае мы обращаем внимание на Пленум Верховного Суда РФ (далее – Пленум ВС РФ) и его Судебные коллегии.

Исходя из положений ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», можно определить Пленум как совещательный орган, в который входят все судьи Верховного Суда РФ, в том числе и судебных коллегий. Будучи наделённым правомочием дачи правовых разъяснений, Пленум ВС РФ рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и даёт судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации.

Судебные коллегии, в свою очередь, по сравнению с Пленумом имеют ограниченный состав, в который входят заместители Председателя ВС РФ, председатели и судьи этих коллегий. Полномочие толкования права коллегий заключается в обобщении судебной практики.

Интересно также проследить роль Президиума ВС РФ в части разъяснения положений законодательных норм. В частности, Президиум ВС РФ утверждает обзоры судебной практики, в которых могут содержаться вопросы применения норм материального и процессуального права. Любопытным является то, что в данных обзорах приводятся конкретные примеры судебных дел, которые не всегда оканчиваются обращением в судебные коллегии ВС РФ. Иными словами, Президиум ВС РФ основывает свои выводы на решениях и доводах судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Де-факто это означает, что нижестоящие суды, обращаясь к обзорам судебной практики, должны следовать практике таких же нижестоящих судов, как и они, что само по себе является фактическим доказательством существования в России элементов прецедентного права.

Таким образом, через призму структуры и компетентности мы можем видеть, что Пленум ВС РФ по иерархии предположительно должен стоять выше всех подразделе-

ний, в том числе и судебных коллегий. Это подтверждается тем, что судебные коллегии, обобщая судебную практику, по своей сути создают тот самый материал, который позже Пленум рассматривает и на основе него формирует единую судебную практику по законодательству РФ, которую суды будут применять. Однако в законодательстве не содержится указания относительно какой-либо иерархии между подразделениями, не закрепляются также нормы по поводу подконтрольности рассматриваемых судебных инстанций. На первый взгляд, отсутствие данной иерархии не кажется существенной недоработкой законодательства, однако это становится проблемой в той ситуации, когда в правовых разъяснениях возникают смысловые противоречия.

В качестве примера таких противоречий можно привести определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 84-КГ20-1 от 10 марта 2020 г. Суть дела заключалась в следующем: Граждане Г. и Ш. договорились о купле-продаже дома, однако Ш. скончался до заключения сделки. Спустя какое-то время Г. заявила, что добросовестно, открыто и непрерывно владеет домовладением покойного как своим собственным и на основании этого посчитала, что может получить право собственности по приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ). Муниципальные органы её права не признавали, так как считали, что имущество покойного перешло в собственность к ним, ввиду отсутствия у прежнего собственника наследников, в результате чего возник спор. Нижестоящие суды в признании права собственности Г. отказывали, ссылаясь на недоказанность критериев добросовестности, открытости и непрерывности. Верховный Суд РФ, рассматривая дело в кассационном порядке, поддержал сторону гражданки Г., дав при этом неоднозначное толкование критерия добросовестности [7].

По мнению Коллегии Верховного Суда РФ по гражданским делам, давностное владение является добросовестным, если, приобретая вещь, лицо не знало и не должно было знать о неправомерности завладения ею, то есть в тех случаях, когда вещь приобретается внешне правомерными действиями, однако право собственности в силу тех или иных обстоятельств возникнуть не может [7].

Такое толкование нормы статьи 234 ГК РФ идёт вразрез с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – постановление Пленума 10/22) по следующим основаниям.

Во-первых, по пункту 15 постановления Пленума 10/22 добросовестностью является «объективное незнание» давностного владельца об отсутствии основания приобретения права собственности [8], тогда как Коллегия добросовестностью называет незнание неправомерности своих действий, при условии, что «внешне» они правомерны. Иными словами, в первом случае добросовестность завязана на объективной неосведомлённости отсутствия оснований приобретения права собственности, а во втором случае – на незнании неправомерности действий по завла-

дению собственностью. При втором подходе допускается, что владелец может знать, что у него отсутствуют основания на приобретение права собственности.

Во-вторых, подходы понимания давностного владения у Пленума и Коллегии ВС РФ не могут соотноситься как случаи общего и частного либо как равнозначные. Это подтверждается тем, что Г. сама указала на то, что получила во владение имущество до заключения сделки. То есть она знала, что у неё отсутствуют основания на приобретение права собственности, что исключает применение подхода Пленума ВС РФ к пониманию добросовестности.

Таким образом, Верховный Суд РФ принял решение, противоречащее разъяснениям своего Пленума, тем самым породив двойственное толкование нормы статьи 234 ГК РФ. Этому же мнению придерживается и Р. С. Бевзенко, говоря о том, что Коллегия ВС РФ по гражданским делам также, как и остальные суды, должна была придерживаться правовой позиции своего Пленума [9].

На рассмотренном выше примере видно, что отсутствие иерархии интерпретационных актов Верховного Суда может нарушить единообразное понимание законодательства РФ, что даёт основание считать назревшим законодательное закрепление верховенства разъяснений Пленума ВС РФ над актами толкования норм закона других судов. В то же время, по нашему мнению, давать исключительный приоритет разъяснениям Пленума ВС РФ все же нецелесообразно.

В судебной практике имеется и иной случай, когда отступление от правовой позиции Пленума ВС РФ не представляется как грубая ошибка. Так, рассматривая уголовное дело в отношении гражданина, нашедшего чужую платёжную карту и впоследствии потратившего денежную сумму, которая находилась на данной карте, суд первой и апелляционной инстанций квалифицировали данное преступление по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ. Кассационный суд, в свою очередь, переквалифицировал деяние на статью 159³ УК РФ, сославшись на положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее постановление Пленума ВС РФ № 48) [10]. Однако Коллегия ВС РФ по уголовным делам окончательно вернула прежнюю квалификацию, данную ранее судами первой и апелляционной инстанций, указав, что разъяснения постановления Пленума ВС РФ № 48 в части, касающейся квалификаций преступлений по статье 159³, устарели, так как уголовное законодательство с тех пор претерпело значительные изменения [11]. В данной ситуации Коллегия ВС РФ отступила от позиции Пленума вполне обосновано.

В связи с этим мы имеем два прецедентных случая. В первом правовая норма не изменялась (статическая норма) и разъяснения Пленума были приведены в соответствии с действующей редакцией закона. Во втором – норма подвергалась со стороны законодателя существенному редактированию (динамическая норма) и разъяснения Пленума на момент рассмотрения дела судами не были актуальными.

На основании вышеприведённых доводов предлагаем дополнить статью 5 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» частью 3.1 и изложить её в следующей формулировке: «Пленум Верховного Суда является высшим органом в структуре Верховного Суда Российской Федерации. Не допускается истолкование судами законодательных актов в смысле, противоречащим разъяснениям по вопросам судебной практики, данным в актах Пленума Верховного Суда Российской Федерации, за исключением случаев, когда разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не приведены в соответствии с действующей редакцией закона».

Данные нормативные изменения, на наш взгляд, будут способствовать совершенствованию единой правоприменительной практики в Российской Федерации, а также более обоснованному использованию теоретико-методологических основ действующей отечественной системы права российскими судьями.

Список источников

1. Синуков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1994. 496 с.

2. Марченко М. Н. Вторичные источники романо-германского права: прецедент, доктрина // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2000. № 4. С. 52–63.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

4. О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. 10 февраля, № 6. Ст. 550.

5. Сорокин П. А. Толкование закона // Хропанюк В. Н. Теория государства и права: хрестоматия. М., 1998. Раздел 1. С. 5–119.

6. Михайловский И. В. Толкование юридических норм // В. Н. Теория государства и права: хрестоматия. М., 1998. Раздел 1. С. 5–119.

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2020 № 84-КГ20-1 // СПС «КонсультантПлюс».

8. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. Июль, № 7.

9. Бевзенко Р. С. Почему судьи Гражданской коллегии Верховного Суда не знают законов своей страны? // Дело о приобретательной давности. URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/25/pochemu_sudi_grazhdanskoj_kollegii_verhovnogo_sud_a_ne_znayut_zakonov_svoej_strany__delo_o_priobretat.

10. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) // Российская газета. 2017. 11 декабря, № 280.

11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Sinyukov V. N. Rossiiskaya pravovaya sistema: vvedenie v obshchuyu teoriyu [The Russian legal system: an introduction to general theory]. Saratov: Poligrafist Publ., 1994. 496 p. (In Russ.).

2. Marchenko M. N. Vtorichnye istochniki romano-germanskogo prava: pretsedent, doktrina [Secondary sources of Romano-Germanic law: precedent, doctrine]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo*, 2000, no. 4, pp. 52–63. (In Russ.).

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). *Legal reference system «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

4. On the Supreme Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 3-FKZ dated 05.02.2014. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, February 10, no. 6, art. 550. (In Russ.).

5. Sorokin P. A. Tolkovanie zakona [Interpretation of the law]. In: Khropanyuk V. N. *Teoriya gosudarstva i prava: khrestomatiya* [Theory of State and law: textbook]. Moscow, 1998. Section 1. pp. 5–119. (In Russ.).

6. Mikhailovsky I. V. Tolkovanie yuridicheskikh norm [Interpretation of legal norms]. In: Khropanyuk V. N. *Teoriya gosudarstva i prava: khrestomatiya* [Theory of State and law: textbook]. Moscow, 1998. Section 1. pp. 5–119. (In Russ.).

7. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 84-KG20-1 dated 10.03.2020. *Legal reference system «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

8. On some issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other proprietary rights: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 22 of 29.04.2010 (ed. of 23.06.2015). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2010, July, No. 7. (In Russ.).

9. Bevzenko R. S. Pochemu sud'i Grazhdanskoi kollegii Verkhovnogo Suda ne znayut zakonov svoei strany? [Why do the judges of the Civil Collegium of the Supreme Court not know the laws of their country?]. In: *Delo o priobretatel'noi davnosti* [The case of the statute of limitations]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/25/pochemu_sudi_grazhdanskoy_kollegii_verhovnogo_suda_ne_znayut_zakonov_svoej_strany__delo_o_priobretat. (In Russ.).

10. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (ed. of 29.06.2021). *Rossiyskaya Gazeta*, 2017, December 11, no. 280. (In Russ.).

11. Determination of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/29/2020 No. 12-UDP20-5-K6. *Legal reference system «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

Информация об авторах

А. М. Галстян – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия.

А. Ю. Мордовцев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Е. А. Апольский – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия.

Information about the authors

A. M. Galstyan – Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia.

A. Y. Mordovtsev – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Department Theory and History of Law and State of the Rostov branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia.

E. A. Apolski – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia.

Статья поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 22.03.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 105–118.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 105–118.

Научная статья

УДК 343.37(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/105-118>

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ КОНКУРЕНЦИИ

Анна Владимировна Даниловская

Хабаровский государственный университет экономики и права, г. Хабаровск,
Россия, d_a_v@list.ru

Аннотация. Указы Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в качестве важнейших задач обеспечения государственной и общественной безопасности определили предотвращение картельных сговоров, пресечение монополистической деятельности и антиконкурентных соглашений, что ознаменовало переход государства на новый уровень уголовно-правового противодействия посягательствам на добросовестную конкуренцию. В то же время на фоне многолетних научных дискуссий о понятии уголовно-правовой политики (уголовной политики) и составляющих ее элементах как таковая уголовно-правовая политика в сфере охраны конкуренции еще не являлась предметом исследования. Между тем данное направление государственной политики имеет свои объект, предмет, принципы, цели и задачи, характеризуется разнообразием правовых форм и имеет свои перспективные направления, в частности, связанные с развитием уголовно-правового противодействия недобросовестной конкуренции, опасности которой для современной экономики пока не уделяется должного внимания. В статье перечисленным элементам уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции дана авторская интерпретация.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, охрана конкуренции, объект, предмет, принципы, цели, задачи уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, монополистическая деятельность, картель, недобросовестная конкуренция, антиконкурентная деятельность органов власти, Стратегия национальной безопасности, Стратегия экономической безопасности.

Для цитирования: Даниловская А. В. Правовые основы уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 105–118. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/105-118>.

Original article

LEGAL BASES OF CRIMINAL LAW POLICY IN THE SPHERE OF PROTECTION OF COMPETITION

Anna Vladimirovna Danilovskaia

Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia, d_a_v@list.ru

Abstract. Decrees of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 № 208 «On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period until 2030» and of July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» as the most important tasks for ensuring state and public security determined the prevention of cartel collusion, the suppression of monopolistic activities and anti-competitive agreements, which marked the transition of the state to a new level of criminal law counteraction to attacks on fair competition. At the same time against the background of many years of scientific discussions about the concept of criminal law policy (criminal policy) and its constituent elements, as such, criminal law policy in the field of competition protection has not yet been the subject of research. Meanwhile, this direction of state policy has its own object, subject, tasks, goals and principles, is characterized by a variety of legal forms, has its own promising areas, in particular, those related to the development of criminal law counteraction to unfair competition, the danger of which for the modern economy has not yet been given due attention. In the article, the author's interpretation of the listed elements of the criminal law policy in the field of competition protection is given.

Keywords: criminal law policy, protection of competition, object, subject, principles, goals, objectives of criminal law policy in the field of competition protection, monopolistic activity, cartel, unfair competition, anticompetitive activities of authorities, National Security Strategy, Economic Security Strategy.

For citation: Danilovskaia A. V. Legal bases of criminal law policy in the sphere of protection of competition // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 105–118. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/105-118>.

Становление в Российской Федерации уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции связано с переходом отечественной экономики к правилам рыночной экономической системы, неотъемлемым элементом которых является добросовестная конкуренция. Ее развитие нельзя назвать равномерным – начальный этап превентивной криминализации неисполнения требований антимонопольного органа сменился широкой криминализацией актов монополистической деятельности, а затем – декриминализацией большинства из них и установлением оснований освобождения от уголовной ответственности за картель.

Современные направления уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции предопределены Указами Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – указ Президента РФ № 208, Стратегия экономической безопасности РФ) и от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия национальной безопасности РФ), в которых картели объявлены одной из угроз экономической безопасности, а пресечение монополистической деятельности и антиконкурентных соглашений в целом обозначено в качестве одной из важнейших задач обеспечения государственной и общественной безопасности.

Тем временем, несмотря на бесспорность существования уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции как самостоятельного направления государственной деятельности, ее современную актуальность, следует отметить, что как таковая она еще не исследовалась в науке. В этой связи представляется своевременным изучение правовых основ уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, определение содержания и значения всех ее элементов.

Под правовыми основами в теории права понимается научно обоснованное моделирование прогрессивного развития общественных отношений, ориентированных на создание условий для наиболее полной жизненной самореализации и удовлетворения интересов общества, индивидов и их коллективных образований путем определения в системе правовых актов принципов, целей, правового воздействия, а также правовых средств, с помощью которых обеспечивается достижение прогнозируемого результата [1, с. 8–11]. Соответственно, к правовым основам уголовно-правовой политики следует относить ее правовые формы, объект, предмет, метод, цели, задачи и принципы.

В отечественной науке при обсуждении правовых основ уголовной политики зачастую акцент ставится на форме закрепления политических установок [2, с. 25], в качестве которых понимается система правовых источников, обеспечивающих деятельность государства по формированию и реализации стратегии воздействия на преступность, образующих правовые формы уголовной политики. Согласно предложенной Г. Ю. Лесниковым системе правовых форм уголовной политики [3, с. 166–167] правовые формы уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции можно представить в виде следующих актов.

1. Конституция РФ. Первой формой закрепления основ уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции стала Конституция РСФСР 1978 г., в частности, в виде измененной в 1990 г. ст. 17, в соответствии с которой государство впервые взяло на себя обязательства: обеспечить развитие рыночного механизма, не допускать монополизм, пресекать злоупотребления в хозяйственной деятельности.

Правовые основы развития и охраны конкуренции, заложенные в современной Конституции РФ, более детально выражены и содержатся в разных главах основного закона – об основах конституционного строя (гл. 1), о правах и свободах человека и гражданина (гл. 2), федеративном устройстве (гл. 3). Ими, в частности, являются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ст. 8), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, недопустимость осуществления экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ст. 34), запрет на установление каких-либо препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ст. 74).

Содержание ст. 34 и 74, а также ст. 45 и 46 Конституции РФ, в которых закреплены конституционные основы охраны как самой конкуренции, так и субъективного экономического права на конкуренцию, подразумевает разные формы и виды такой охраны, в числе которых и уголовно-правовые средства. Перечисленные положения Конституции РФ задают направления государственного воздействия на экономику в целях обеспечения ее эффективного функционирования, являясь ориентиром в законодательной и правоприменительной деятельности на всех уровнях, включая деятельности по осуществлению правосудия при рассмотрении споров, связанных с посягательствами на добросовестные конкурентные отношения.

2. Международные договоры. Являясь согласно ст. 15 Конституции РФ частью правовой системы Российской Федерации, международные договоры могут влиять на тенденции внутригосударственной охраны конкуренции. Их перечень довольно широк, так как Российская Федерация была и остается участницей многих международных организаций, в рамках которых приняты соответствующие правовые документы, имеющие прямое или косвенное значение для защиты конкуренции внутри страны – Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), ВТО, БРИКС, СНГ, ЕАЭС, Международной конкурентной сети (МКС), Форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Региональной ассоциации органов регулирования энергетики (ЭРРА) [4, с. 123–138].

3. Федеральные законы. Среди многочисленных актов, так или иначе воздействующих на конкуренцию, в рассматриваемой тематике необходимо выделить следующие. Федеральный закон «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) – основной документ, закладывающий критерии противодействия

посягательствам на конкуренцию. Содержащийся в нем охранный механизм имеет преимущественно административно-правовой характер, а также, в меньшей степени, гражданско-правовой. Сама по себе норма об ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, закрепленная в ст. 37 Закона о защите конкуренции, отсылает к законодательству Российской Федерации, не называя прямо уголовную ответственность как один из элементов такого механизма. Положения названного закона имеют важное правоприменительное значение в связи с бланкетностью уголовно-правовых норм, в частности, с толкованием понятия «картель», заключение которого, наряду с иными признаками, является единственным основанием уголовной ответственности по ст. 178 Уголовного кодекса РФ. Кроме того, отдельные положения Закона о защите конкуренции имеют предупредительное и пресекающее значение в отношении основных видов антиконкурентных нарушений, обладая признаками как общей, так и частной превенции. К таковым относятся предусмотренное ст. 25.7 предостережение о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства, установленный ст. 35 государственный контроль за ограничивающими конкуренцию соглашениями хозяйствующих субъектов, содержащееся в ст. 39.1 предупреждение о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства.

В первых двух случаях речь идет о предупредительных действиях антимонопольного органа при отсутствии факта нарушения. Согласно ст. 25.7, предостережение направляется должностному лицу хозяйствующего субъекта, публично заявившему о планируемом поведении на рынке, которое может привести к нарушению, или должностному лицу органа власти или управления, организации, участвующей в предоставлении государственных или муниципальных услуг, государственного внебюджетного фонда при наличии информации о планируемых этими лицами действиях (бездействии), способных также привести к нарушениям. Проводимый в соответствии со ст. 35 государственный контроль преследует цель выявить природу соглашения хозяйствующих субъектов, предотвратив заключение ими картеля – хозяйствующие субъекты имеют возможность обратиться в антимонопольный орган с заявлением о проведении проверки проекта такого соглашения. Третий случай касается пресекающих мер антимонопольных органов. Они реализуются в отношении наиболее опасных антиконкурентных деяний – злоупотребления доминирующим положением, недобросовестной конкуренции и актов органов власти и управления (ч. 2 ст. 39.1). Хозяйствующим субъектам и органам власти и управления антимонопольный орган выдает предупреждение 1) о прекращении антиконкурентных действий (бездействия), об отмене или изменении актов, содержащих признаки нарушения антимонопольного законодательства, либо 2) об устранении причин и условий, способствовавших их совершению, и о принятии мер по устранению последствий нарушения, либо 3) о ликвидации или принятии

мер по прекращению осуществления видов деятельности унитарного предприятия, которое создано или осуществляет деятельность с нарушением требований закона.

Уголовный кодекс РФ, будучи основным специальным федеральным законом – формой выражения положений уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, содержащим правила уголовно-правовой репрессии, включает: принципы уголовно-правового воздействия на противоправное поведение в указанной сфере; круг общественно опасных деяний, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, признаваемых преступными (криминализация деяний), с учетом их дифференциации; наказуемость общественно опасных деяний (пенализация деяний); применение иных мер уголовно-правового характера (в первую очередь конфискации и судебного штрафа); общие и специальные условия освобождения от уголовной ответственности и (или) от наказания (депенализация деяний).

4. Указы Президента РФ, которыми определяются ключевые стратегические направления деятельности государства по противодействию различным угрозам экономике страны, имеют принципиальное значение для формирования уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции. Первый такой документ - указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» – в рассматриваемом контексте содержал лишь общие критерии охраны конкуренции. В частности, антимонопольное регулирование и поддержка конкурентной политики в нем указаны как одно из направлений государственной социально-экономической политики для противодействия угрозам экономической безопасности (п. 61). Последующие акты Президента предусматривают более детальные положения как о направлениях уголовно-правовой политики, так и средствах ее реализации. Так, в Стратегии экономической безопасности РФ к основным вызовам и угрозам экономической безопасности отнесены недостаточно эффективное государственное управление; высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере; сохранение значительной доли теневой экономики (п. 12), а среди важных государственных задач наряду с борьбой с коррупцией, теневой и криминальной экономикой впервые установлено предотвращение картельных сговоров (п. 16).

В Стратегии национальной безопасности РФ для целей обеспечения государственной и общественной безопасности одной из задач определено предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа, а также возмещение ущерба, причиненного такими преступлениями, и повышение уровня ответственности за их совершение; совершенствование института ответственности должностных лиц за действия (бездействие), повлекшие за собой неэффективное

использование бюджетных средств и недостижение общественно значимых результатов национального развития. Согласно этому же документу, достижение целей обеспечения экономической безопасности осуществляется также путем решения задач по снижению доли теневого и криминального секторов экономики, уровня коррупции в предпринимательской среде; поддержке, развитию и защите конкуренции на российском рынке, пресечению монополистической деятельности и антиконкурентных соглашений.

В целях решения проблемы противодействия картелями 5 августа 2017 г. Президентом РФ был подписан Перечень поручений по осуществлению первоочередных мер, направленных на выявление и пресечение деятельности картелей, среди которых есть и принятие соответствующих законов, в том числе направленных на повышение эффективности выявления и пресечения ограничивающих конкуренцию соглашений и согласованных действий.

Стратегические аспекты уголовно-правовой политики в сфере защиты конкуренции обозначены и Указом Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (далее – Указ Президента РФ № 618), которым был утвержден Национальный план развития конкуренции на 2018–2020 гг. На основе данного документа определены как внешние, так и внутренние приоритеты по реализации основных направлений государственной политики по поддержке конкуренции. Указанный документ содержал перечень мероприятий, направленных на улучшение показателей соблюдения антимонопольного законодательства, а именно на уменьшение нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов власти всех уровней; планировалась организация координации деятельности органов власти по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию ограничивающих конкуренцию соглашений (картелей), запрещенных антимонопольным законодательством.

5. Акты Правительства РФ. Среди таких документов, имеющих значение для уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, следует выделить, во-первых, Программу развития конкуренции в Российской Федерации на 2009–2012 гг., утвержденную распоряжением Правительства РФ от 19 мая 2009 г., в которой помимо многочисленных элементов конкурентной политики и инструментов антимонопольного регулирования официально обозначены угрозы конкуренции и меры по ее защите, указано на необходимость выделения группы нарушений антимонопольного законодательства, которые напрямую связаны с ограничением конкуренции, наносят вред конкурентной среде отдельного рынка и затрагивают неограниченный круг лиц, ведущих хозяйственную деятельность на рынке, предложено предусмотреть уголовную ответственность за их совершение.

Во исполнение указов Президента РФ № 208 и 618, а также Перечня его поручений от 5 августа 2017 г. Правительством РФ разработана и 17 июня 2019 г.

утверждена Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 гг. Основные мероприятия программы представлены весьма широким перечнем и характеризуются организационным, правовым (включая уголовно-правовой), образовательным и международным компонентом. В его основе – нацеленность на совершенствование всей системы противодействия картелям и иным ограничивающим конкуренцию соглашениям, в том числе соглашения с участием органов государственной власти и местного самоуправления.

В Национальном плане развития конкуренции на 2021–2025 гг., утвержденном Правительством РФ 2 сентября 2021 г., основные направления государственной деятельности в сфере охраны конкуренции сохранены. Помимо этого, сделан акцент на сотрудничестве стран БРИКС по вопросам развития и защиты конкуренции, включающем восстановление условий конкуренции в Российской Федерации при нарушении антимонопольного законодательства, а также на обеспечении реализации мероприятий, направленных на принятие Международной конвенции о борьбе с картелями.

Следует отметить существенный вклад в развитие уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции ФАС России, которая, в сущности, является основным инициатором всех законодательных проектов, повышения уровня информированности, правовой культуры и образования в сфере конкурентного законодательства, а также межведомственного взаимодействия. В этой связи представляется целесообразным включение правовых актов ФАС стратегического характера в рассматриваемую систему источников уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции. Примером такого документа является Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная протоколом Президиума ФАС России от 3 июля 2019 г., отражающая, в частности, необходимость принятия оперативных мер уголовно-правового характера, среди которых ФАС называет ужесточение уголовной ответственности за заключение антиконкурентных соглашений, а также подготовку предложения по формированию совместно с МВД России единообразных подходов к проведению расследований органами внутренних дел Российской Федерации уголовных дел, возбужденных по ст. 178 Уголовного кодекса РФ, и применению правовых механизмов освобождения от уголовной ответственности лиц, содействовавших выявлению данных преступлений (п. 3.7).

Подводя итог описанию системы правовых форм уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, следует отметить, что в перечисленных актах не уделяется достаточно внимания недобросовестной конкуренции, обладающей общественной опасностью, соотносимой с опасностью монополистической деятельности [5, с. 101–103], являющейся одной из угроз экономической безопасности. К слову, лишь в Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования, раз-

работанной ФАС, отмечается необходимость противодействия не только монополистической деятельности, но и недобросовестной конкуренции (п. 3.7).

При определении основ уголовно-правовой политики в научной литературе выделяют ее предмет (объект) и метод, понимание которых носит дискуссионный характер. Их значение определено А. П. Кузнецовым не только как важное в теоретическом и практическом смысле, но и с позиции уголовно-правовой теории означающее включение их в определенный правоприменительный (правореализационный) режим [6, с. 282]. Предмет и метод уголовной политики характеризуются как признаки, которые показывают специфику правового регулирования в данной области [3, с. 51].

В результате проведенного исследования имеющихся в науке точек зрения на объект и предмет правовой политики, уголовной политики, уголовно-правовой политики сделан вывод о том, что эти понятия не тождественны. Применительно к уголовно-правовой политике в сфере охраны конкуренции под ее объектом следует понимать группу общественно опасных деяний, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, а в качестве предмета – деятельность соответствующих органов власти (законодательной, исполнительной и судебной), в результате которой осуществляется криминализация и декриминализация деяний против добросовестной конкуренции, их пенализация и депенализация, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности.

Что касается метода уголовно-правовой политики, то в науке этот правовой элемент как одна из теоретических основ уголовно-правовой политики мало освещается. Существующие позиции отражают относительно единодушное понимание методов как элементов содержания уголовно-правовой политики, относя к ним криминализацию, декриминализацию, пенализацию, депенализацию, дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности [7, с. 22].

Метод как категория, в самом общем значении, может быть определен как способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность [8, с. 258], более подробно метод – это совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности [9, с. 364]. Следовательно, криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности представляют собой не сам метод уголовно-правовой политики, под которым следует понимать общее направление, характеризующее ее содержание, а его способы, приемы, которые являются составляющими метода. Непосредственно метод уголовно-правовой политики отражает общую природу таких способов и приемов, являясь императивным, основанным на принуждении и средствах воздействия на лиц, совершивших противоправные деяния [6, с. 282].

В свою очередь в основе принуждения лежит уголовно-правовой запрет, образующий суть принципов уголовно-правовой политики. Принципы уголовно-

правовой политики, будучи ее важнейшей теоретической основой, системообразующими элементами, также являются одним из центров научных споров. Однако помимо того, что дискуссии развернулись вокруг понимания принципов, их перечня и содержания, невозможно не обратить внимание на исследования принципов уголовно-правовой политики в отдельных сферах охраняемых отношений. И если ранее выделение из уголовной политики ее направлений рассматривалось как условное [10, с. 44], то с появлением самостоятельных исследований различных направлений уголовно-правовой политики есть основания заявлять о тенденции формирования системы принципов уголовно-правовой политики с учетом ее видов.

Проведенный анализ многочисленных источников, образующих правовые формы уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, приводит к констатации вывода о следующих ее принципах:

1) принцип абсолютного запрета монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, вытекающий из п. 2 ст. 34 Конституции РФ. В рамках данного принципа выделяется отдельный, идейно важный для правоприменения аспект абсолютного запрета картеля как формы монополистической деятельности. Запрет картеля, отнесенного законодателем в ст. 11 Закона о защите конкуренции к ограничивающим конкуренцию соглашениям, является безусловным, не предполагающим каких-либо исключений. Принцип запрета картеля также означает, что для признания противоправности такого соглашения не требуется установления ограничения конкуренции – этот факт всегда будет присутствовать при заключении картеля, ибо ограничение конкуренции и есть суть картеля. Выделение данного запрета в качестве самостоятельного принципа имеет важное как стратегическое, так и тактическое значение для уголовно-правовой охраны конкуренции;

2) принцип запрета антиконкурентных действий должностных лиц органов власти, который конкретизирован в принципах: а) запрета на введение и (или) сохранение ограничений, создающих дискриминационные условия в отношении отдельных видов экономической деятельности, производства и оборота отдельных видов товаров, оказания отдельных видов услуг, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, правовыми актами Президента РФ, правовыми актами Правительства РФ, б) запрета на необоснованное вмешательство в свободное функционирование товарных рынков, издание актов, принятие решений, которые могут привести к недопущению, устранению конкуренции (отражен в Договоре о Евразийском Экономическом Союзе (Астана, 29 мая 2014 г.), Законе о защите конкуренции (в частности, в ст. 15, 16), Указе Президента РФ № 618);

3) принцип эффективности санкций за совершение антиконкурентных действий (Договор о Евразийском Экономическом Союзе);

4) принцип эффективного сотрудничества антимонопольных и правоохранительных органов и координация их деятельности (Указ Президента РФ № 618);

5) принцип определения преступности антиконкурентных деяний с учетом базовых запретов, установленных антимонопольным законодательством. Данный принцип выделяется из общего правила, предложенного Общественной палатой РФ в проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, согласно п. 10 которой преступность деяния должна определяться Уголовным кодексом РФ с учетом предписаний законодательства иных отраслей права [11]. Несмотря на то, что проект Концепции не получил дальнейшего развития, представляется, что только данное правило должно быть положено в основу криминализации деяний в сфере экономической деятельности в силу принципа связи, предложенного Л. Н. Кривоченко [12, с. 33–34].

Понятие цели уголовно-правовой политики является дискуссионным в науке. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, представляется наиболее оптимальным понятие цели, предложенное А. В. Пронниковым, как максимально возможное ограничение наиболее опасных проявлений преступности [7, с. 17]. Относительно преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, цель уголовно-правовой политики можно определить как эффективное обеспечение конкурентного правопорядка посредством максимального снижения количества преступлений, совершаемых против конкуренции и в ее сфере.

В литературе выделяется понятие «реалистичной конечной цели уголовной политики в сфере конкуренции», которая, по мнению его авторов, выражается в формировании массового неприятия (отрицания) уголовно наказуемых способов соперничества хозяйствующих субъектов ради получения прибыли, в том числе посредством создания картелей [13, с. 14]. Однако в силу того, что большинство нарушений антимонопольного законодательства в целом и картели в частности существуют как обычные экономические явления, сменяющие в процессе экономической эволюции конкуренцию, обладая при этом высокой латентностью, такая цель относится, скорее, к иному, выделяемому этими же авторами виду целей уголовной политики – идеальной цели в виде предупреждения 100% преступлений, совершаемых физическими лицами в связи с соперничеством хозяйствующих субъектов за получение скорейшей и наивысшей прибыли [13, с. 13]. На наш взгляд, фактическое уменьшение различного рода злоупотреблений доминирования (но не исключения нарушений в целом как таковых), в особенности картелей на всех уровнях и во всех секторах экономики, представляет собой вероятно достижимый результат уголовно-правовой политики при условии формирования эффективной конкурентной политики.

Задачи уголовно-правовой политики в доктрине также определяются разнообразно. Представляется, что с учетом имеющихся воззрений на характер задач уголовно-политики, к специальным задачам уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции следует относить:

- защиту добросовестной конкуренции и основанных на ней правомерных экономических публичных и частных интересов от преступных посягательств;
- исчерпывающую и обоснованную криминализацию антиконкурентных деяний;
- принятие актов стратегического характера, предусматривающих программы противодействия антиконкурентным деяниям, включая недобросовестную конкуренцию;
- повышение эффективности широкого взаимодействия антимонопольных и правоохранительных органов в противодействии антиконкурентным деяниям.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о сформированности самостоятельных правовых основ уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции в виде ее правовых форм, объекта, предмета, принципов, целей и задач. Представляется также возможным определить уголовно-правовую политику в сфере охраны конкуренции как закрепленное в правовых источниках стратегическое направление государственной деятельности в сфере охраны конкуренции, в рамках которой определяются принципы, цели, задачи и средства уголовно-правового воздействия на преступления, посягающие на добросовестные конкурентные отношения.

Список источников

1. Струсь К. А. Понятие и признаки правовых основ // Современное право. 2012. № 3. С. 8–11.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2019. 296 с.
3. Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 350 с.
4. Даниловская А. В. Международные основы уголовно-правовой охраны конкуренции // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 123–138. DOI: [org/10.24866/1813-3274/2021-2/123-138](https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/123-138).
5. Даниловская А. В. Экономическое обоснование уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции // Lex Russica. 2021. № 2. С. 93–107. DOI: [10.17803/1729-5920.2021.171.2.093-107](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.171.2.093-107).
6. Кузнецов А. П. Предмет и метод уголовной политики // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 281–282.
7. Пронников А. В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 259 с.
8. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991. 719 с.
9. Философский энциклопедический словарь / гл. ред: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

10. Панченко П. Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики (проблема формирования и реализации теоретической концепции уголовно-правовой борьбы с преступностью в СССР): дис. ... д-ра юрид. наук. Горький, 1990. 528 с.

11. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. Доступ с официального сайта Общественной палаты РФ. URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889>.

12. Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2000. 349 с.

13. Максимов С. В., Утаров К. А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности: монография / под ред. В. П. Заварухина. М.: ИПРАН РАН, 2018. 80 с.

References

1. Strus K. A. Ponyatie i priznaki pravovykh osnov [The concept and signs of legal foundations]. *Sovremennoe pravo*, 2012, no. 3, pp. 8–11. (In Russ.).

2. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Problemy rossiiskoi ugolovnoi politiki [Problems of Russian criminal policy]. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 296 p. (In Russ.).

3. Lesnikov G. Y. Ugolovnaya politika sovremennoi Rossii (metodologicheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy) [Criminal policy of modern Russia (methodological, legal and organizational foundations)]. Dr. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2005. 350 p. (In Russ.).

4. Danilovskaya A. V. Mezhdunarodnye osnovy ugolovno-pravovoi okhrany konkurentsii [International fundamentals of criminal law protection of competition]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo*, 2021, no. 2, pp. 123–138. DOI: [org/10.24866/1813-3274/2021-2/123-138](https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/123-138). (In Russ.).

5. Danilovskaya A. V. Ekonomicheskoe obosnovanie ugolovno-pravovoi politiki v sfere okhrany konkurentsii [Economic justification of criminal law policy in the field of competition protection]. *Lex Russica*, 2021, no. 2, pp. 93–107. DOI: [10.17803/1729-5920.2021.171.2.093-107](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.171.2.093-107). (In Russ.).

6. Kuznetsov A. P. Predmet i metod ugolovnoi politiki [The subject and method of criminal policy]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2008 no. 1, pp. 281–282. (In Russ.).

7. Pronnikov A. V. Ugolovno-pravovaya politika v sfere protivodeistviya ekonomicheskoi prestupnosti [Criminal law policy in the field of countering economic crime]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Omsk, 2008. 259 p. (In Russ.).

8. Frolov I. T. (ed.). *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, 1991. 719 p. (In Russ.).

9. Ilyichnev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 840 p. (In Russ.).

10. Panchenko P. N. Predmet i sistema nauchnykh osnov sovetskoj ugolovnoy politiki (problema formirovaniya i realizatsii teoreticheskoi kontseptsii ugolovno-pravovoi bor'by s prestupnost'yu v SSSR) [The subject and system of scientific foundations of Soviet criminal policy (the problem of formation and implementation of the theoretical concept of the criminal law fight against crime in the USSR)]. Dr. Diss. (Legal Sci.). Gorky, 1990. 528 p. (In Russ.).

11. The concept of criminal law policy of the Russian Federation. Access from the official website of the Public Chamber of the Russian Federation. URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889>. (In Russ.).

12. Kadnikov N. G. Klassifikatsiya prestuplenii po ugolovnomu pravu Rossii [Classification of crimes under the criminal law of Russia]. Dr. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2000. 349 p. (In Russ.).

13. Maksimov S. V., Utarov K. A. Ugolovnaya politika v sfere zashchity konkurentsii: tseli i vozmozhnosti: monografiya [Criminal policy in the field of competition protection: goals and opportunities: monograph]. Moscow: Institute of Problems of Science Development (IPRAN) of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018. 80 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Даниловская – кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Хабаровского государственного университета экономики и права, г. Хабаровск, Россия.

Information about the author

A. V. Danilovskaia – Candidate of Law, Associate Professor of the Faculty of Law, Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 119–129.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 119–129.

Научная статья

УДК 343.235.1

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/119-129>

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО РЕЦИДИВА

Татьяна Викторовна Филоненко

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, Россия, tanya.f-vlad@mail.ru

Аннотация. Автор исходит из тезиса о том, что при формировании научного аппарата криминологии важно учитывать цели использования термина, сферу его применения, а также его связь с доступными криминологическими методами исследования, при помощи которых будет содержательно наполняться изучаемый термин. Уточнение криминологического понятия рецидива имеет как научное, так и прикладное значение. Во-первых, при всей распространенности термина его трактовка в разных исследованиях весьма заметно отличается. Во-вторых, уточнение терминологии позволит сформулировать конкретные предложения по совершенствованию системы учета рецидива, в частности, в имеющихся формах статистической отчетности, чтобы сделать их более информативными. Проанализированы разные подходы к пониманию криминологического рецидива. Рассмотрена проблема недостаточной информативности имеющихся форм статистической отчетности по рецидиву преступлений. В заключение автор предлагает собственную терминологическую модель, позволяющую определить содержание термина «криминологический рецидив» и смежных с ним понятий.

Ключевые слова: криминологический рецидив, рецидив, фактический рецидив, латентный рецидив, постпенитенциарный рецидив, постпенитенциарная преступность, уголовно-правовой рецидив, система учета преступлений, механизм учета рецидива, система учета рецидива.

Для цитирования: Филоненко Т. В. К вопросу о понятии криминологического рецидива // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 119–129. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/119-129>.

Original article

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF CRIMINOLOGICAL RECURRENCE

Tatiana Victorovna Filonenko

Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Vladivostok, Russia, tanya.f-vlad@mail.ru

Abstract. The author proceeds from the thesis that when forming the scientific apparatus of criminology it is important to consider the purpose of the term, the scope of its application, as well as its relationship with the available criminological methods of research, by which the studied term will be meaningfully filled. Clarification of the criminological concept of recidivism has both scientific and applied significance. Firstly, despite the prevalence of the term, its interpretation varies greatly from one study to another. Secondly, the clarification of terminology will allow to formulate specific proposals to improve the system of recording of recidivism, in particular, the existing forms of statistical reporting to make them more informative. Different approaches to the understanding of criminological recidivism were analyzed. The problem of insufficient informativeness of the available forms of statistical reporting on recidivism of crimes is considered. In conclusion the author offers his own terminological model, allowing to define the content of the term "criminological recidivism" and related concepts.

Keywords: criminological recidivism, recidivism, actual recidivism, latent recidivism, post-penitentiary recidivism, post-penitentiary criminality, criminal recidivism, crime accounting system, recidivism accounting mechanism, recidivism accounting system.

For citation: Filonenko T. V. To the question of the concept of criminological recurrence // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 119–129. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/119-129>.

В российской юридической науке сложились два понятия рецидива: уголовно-правовое и криминологическое. Эти понятия сформулированы для разных целей, поэтому отличаются по ряду признаков.

Прежде всего рецидив – это уголовно-правовое понятие, введенное в доктрину для учета общественной опасности личности преступника, дифференциации уголовной ответственности, определения вида и тяжести уголовного наказания (в том числе для определения вида исправительного учреждения при назначении наказания судом).

Уголовно-правовое понятие рецидива сформулировано в ч. 1 ст. 18 УК РФ: рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом,

имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Рецидив является разновидностью множественности преступлений и определяется через его отличия от совокупности преступлений. В этом плане принципиально важны три признака рецидива:

- а) наличие судимости за ранее совершенное преступление (не погашенной и не снятой в установленном порядке на момент совершения повторного преступления);
- б) совершение повторного преступления;
- в) умышленный характер совершенного преступления.

Для уголовно-правовой характеристики рецидива принципиально важной является судимость лица. При этом закон предусматривает довольно широкий перечень судимостей, которые не учитываются при признании рецидива (ч. 4 ст. 18 УК РФ). Это преступления, совершенные несовершеннолетними; преступления небольшой тяжести; деяния, за которыми последовало условное осуждение или отсрочка исполнения приговора.

В уголовном законе (ст. 18 УК РФ) названы 3 вида рецидива: простой, опасный и особо опасный (в зависимости от квалифицирующих признаков). В теории уголовного права выделяют различные виды рецидива: общий (т. е. совершение преступления лицом, имеющим судимость); специальный (т. е. совершение преступления лицом, имеющим судимость за однородное или тождественное преступление); единичный или однократный (т. е. совершение преступления лицом, имеющим одну судимость); многократный (т. е. совершение преступления лицом, имеющим несколько судимостей); пенитенциарный (т. е. совершение преступления лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы) [1], криминологический и др. Правда, единообразия терминологии в части интересующих нас понятий нет и на догматическом уровне теории уголовного права. Так, в другом издании по уголовному праву говорится, что пенитенциарный рецидив характеризуется тем, что осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы не менее, чем во второй раз [2]. В некоторых публикациях различают фактический и легальный рецидив. При этом под фактическим рецидивом понимается простое повторение преступлений, а легальным считается рецидив преступлений, за который законом специально устанавливается особая ответственность [2, § «Рецидив преступлений»]. По мнению авторов цитируемого учебника, понятие «криминологический рецидив» совпадает с понятием «фактический рецидив».

Для криминологической характеристики рецидива погашение или снятие судимости не является принципиально важным, поэтому понятие криминологического рецидива гораздо шире его уголовно-правового «собрата». Для криминологической характеристики деяния важен факт повторного совершения преступления без учета уголовно-правовой квалификации деяния. Криминологическое понятие рецидива охватывает, помимо легального понятия, все «...случаи совершения преступления лицами, ранее совершавшими преступления, независимо: от наличия (отсутствия)

судимости за прежнее преступление; формы вины и категории предшествующего и последующего преступления; возраста, в котором лицо совершило преступление; меры уголовно-правового воздействия за ранее совершенное преступление» [3, с. 65].

При этом в современной криминологии сложилось 2 подхода к пониманию криминологического рецидива: узкий и широкий. Широкий подход понимает под криминологическим рецидивом все случаи повторения преступлений. Например, в одном из учеников по криминологии криминологический рецидив определяется как повторное совершение лицом преступления независимо от того, было ли оно вообще привлечено к уголовной ответственности за предыдущие преступные деяния, поскольку сам факт совершения преступления повторно характеризует личность субъекта и обуславливает необходимость принятия мер [4, с. 462–463]. Авторы одного из новых исследований по проблемам организованной преступности упоминают криминологический рецидив, говоря о латентной преступности, из чего можно сделать вывод о том, что под криминологическим рецидивом имеется в виду фактическое совершение повторного преступления независимо от того, выявлено ли оно государством и совершено ли оно в рамках срока судимости [5, гл. 3, § 4 «Самодетерминация организованной преступности»].

Узкий подход относит к криминологическому рецидиву те случаи повторного совершения преступлений, которые были зафиксированы государством и повлекли какие-либо уголовно-правовые меры. Единообразия среди авторов в критериях определения криминологического рецидива тоже нет. Например, авторы одного из известных учебников по криминологии к криминологическому рецидиву относят все преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления, если прежние преступления становились известными правоохранительным органам и имело место основанное на законе реагирование на них [6, с. 946]. С другой стороны, Е. В. Волконская считает, что в понятие криминологического рецидива не следует включать случаи совершения лицом нового преступления в период предварительного расследования или судебного разбирательства по предыдущему преступлению [7, с. 65]. Такая интерпретация обосновывается тем обстоятельством, что факт совершения лицом предыдущего преступления на момент совершения нового еще не признан в установленном законом порядке и целенаправленные меры специальной превенции к данному лицу еще не избирались и не применялись, поэтому деяния, совершенные в период предварительного расследования или судебного разбирательства по предыдущему преступлению, не подходят под общее определение криминологического рецидива.

О. В. Филиппова в противовес приведенному мнению считает, что повторное совершение преступления в период уголовного судопроизводства по ранее совершенному деянию нужно считать криминологическим рецидивом. По ее убеждению, криминологически значим сам факт возбуждения уголовного дела и начавшееся расследование по предыдущему преступлению [3, с. 65]. Похожая позиция изложена в трудах Н. А. Коломытцева, Н. В. Ольховика, Л. М. Прозументова и др. [8; 9, с. 32]

О. В. Филиппова формулирует следующее определение искомого понятия: криминологический рецидив – это все случаи совершения преступлений лицами, ранее совершавшими преступления, но освобожденными от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, а также преступления, совершенные лицами: судимость которых снята и погашена; судимость которых не снята и не погашена; освобожденными от ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия; отбывающими наказание; совершившими новое преступление в период предварительного расследования или судебного разбирательства уголовного дела о первом преступлении [3, с. 65]. Е. А. Тохова в своей диссертации пишет: «криминология имеет дело с так называемым фактическим рецидивом, который охватывает совершение преступления лицом, имеющим снятую и погашенную судимость; лицом, освобожденным от наказания и от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям; лицом, отбывающим наказание; лицом, в отношении которого ведется уголовное преследование; лицом, ранее уже совершившим преступление, которое не было раскрыто» [10, с. 17–18].

Классификация рецидива в криминологии еще более подробная, чем в уголовно-правовой науке. Например, в зависимости от интенсивности рецидива здесь выделяется ближайший рецидив и отдаленный рецидив. При этом под интенсивностью рецидива понимается промежуток времени, прошедшего после освобождения от наказания (отбытия наказания, исполнения наказания) и до совершения нового преступления. Е. А. Тохова считает полезным использовать годовые промежутки между освобождением от наказания и совершением нового преступления и выделять, таким образом, годичный, двухгодичный, трехгодичный рецидив и т. д. [10, с. 18]. Можно говорить о видах рецидива в зависимости от вида совершенных преступлений и их социальной направленности (рецидив корыстной направленности, насильственной направленности, корыстно-насильственной и т. д.).

По нашему мнению, при формировании научного аппарата криминологии важно учитывать цели использования термина, сферу его применения, а также его связь с доступными криминологическими методами исследования, при помощи которых будет содержательно наполняться изучаемый термин. С этих позиций максимально широкая трактовка криминологического рецидива представляется малоперспективной, так как в таком ракурсе понятие не может быть отражено в формах статистической отчетности и надлежащим образом проанализировано. Есть смысл говорить об учтенном криминологическом рецидиве (зафиксированном компетентными органами в установленном порядке) и фактическом латентном криминологическом рецидиве, то есть не учтенном государственными органами. С точки зрения периода, который учитывается при отнесении повторного преступления к криминологическому рецидиву, можно согласиться с той устоявшейся точкой зрения, согласно которой криминологическим рецидивом следует признавать как повторные преступления, совершенные в пределах срока судимости за

ранее совершенные преступления, так и преступления, совершенные за пределами срока судимости. В таком контексте терминология находит свое отражение в имеющихся статистических формах, как надежных источниках информации. Так, в статистике правоохранительных органов используются графы «лица, ранее совершавшие преступления», «из них – ранее судимые за преступления», «из них – совершившие преступления, признанные опасным или особо опасным рецидивом». Например, согласно Отчету МВД РФ о состоянии преступности в РФ за январь – ноябрь 2022 г., всего выявлено лиц, совершивших преступления – 754884, в том числе ранее совершавших преступления – 442128, из них ранее судимых за преступления – 231820, из них совершивших преступления, признанные опасным или особо опасным рецидивом – 15896 [11, с. 54]. В приведенном примере криминологическому рецидиву будет соответствовать графа «в том числе ранее совершавших преступления – 442128». С определенной натяжкой можно сказать, что уголовно-правовому понятию рецидива соответствует графа «из них ранее судимых за преступления – 231820». Однако это неточно, ведь не все преступления, совершенные ранее судимыми лицами, подпадают под характеристики уголовно-правового рецидива. В этом, кстати, и кроется одна из причин необходимости уточнения терминологии: система учета преступлений, в том числе и рецидивов, нуждается в совершенствовании, о чем говорят эксперты [12, с. 24; 3, с. 65, 66]. Уточнение терминологии позволит сформулировать конкретные предложения по изменению имеющихся форм статистической отчетности, чтобы сделать их более информативными.

В частности, серьезным недостатком существующей системы учета является отсутствие единообразия терминологии, используемой субъектами учета, например ГИАЦ МВД России и Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. В сборниках «Состояние преступности в России» [13], выпускаемых ГИАЦ МВД РФ, есть графы «число преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления» (куда входят как преступления ранее судимых лиц, так и преступления лиц, освобожденных от уголовной ответственности). В статистических отчетах Судебного департамента есть раздел «Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России» (за год и полугодие), в котором, в свою очередь, есть формы «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания», «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации», «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ» [14]. В последней форме (11.2) содержатся сведения о количестве осужденных, имеющих неснятые и непогашенные судимости на момент совершения повторного преступления, и сведения об осужденных, ранее юридически не судимых.

При этом данные статистики МВД, как указывают эксперты, не отражают сведения о количестве преступлений, признанных совершенными при рецидиве, что делает невозможным исследование масштабов уголовно-правового (легального) рецидива [3, с. 66].

Кроме этого, имеющиеся статистические формы не содержат данных, необходимых для анализа таких важных признаков постпенитенциарной преступности, как интенсивность рецидива и уровень рецидива [12, с. 24 и др.]. Под интенсивностью постпенитенциарного рецидива А. Д. Денисов понимает время пребывания освобожденного из исправительного учреждения на свободе до момента совершения нового преступления в определенный промежуток времени. Уровень постпенитенциарного рецидива – это количество повторных преступлений среди лиц, освобожденных из исправительных учреждений, за которые было назначено уголовное наказание, в определенный временной интервал [12, с. 24].

Еще один недостаток системы учета преступлений состоит в том, что отсутствует отдельная статистика по постпенитенциарному рецидиву, а это существенно снижает информативный потенциал, заложенный в явлении постпенитенциарного рецидива (то есть повторного преступления, совершенного лицом, освобожденным от отбывания наказания, связанного с изоляцией от общества). Существующие системы статистических показателей не позволяют в полной мере оценить постпенитенциарный рецидив как критерий эффективности деятельности УИС и (или) критерий эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы, хотя именно в таком качестве его принято рассматривать в криминологии.

Итак, доработка понятия криминологического рецидива позволит, с одной стороны, более результативно обрабатывать имеющиеся статистические данные, обеспечив единообразие трактовки показателей разных граф и строк отдельными исследователями. С другой стороны, это позволит сформулировать предложения по совершенствованию статистических форм и системы учета рецидивных преступлений в целом. Тезис о том, что рецидивная преступность является наиболее опасной, давно стал аксиомой в современной криминологии (и в уголовно-правовой науке). Однако имеющаяся система учета рецидива не позволяет дать исследователям многих нужных данных, что, в свою очередь, снижает эффективность всех вырабатываемых предложений по предотвращению рецидива преступлений.

Отдельным вопросом является проблема включения повторной преступности несовершеннолетних в понятие криминологического рецидива и, как следствие, в понятие пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива. В понятие уголовно-правового рецидива, как известно, преступность несовершеннолетних не входит. Но с криминологической точки зрения вопрос остается открытым. К тому же повторные преступления бывшие несовершеннолетние будут совершать уже в совершеннолетнем возрасте и, с точки зрения изучения факторов, способствующих преступности, будет неверным не включать в данные для анализа (в том числе статистические) факт первичного совершения преступления в несовершеннолетнем возрасте. В то же время, это непосредственно влияет и на вопрос о понятии постпенитенциарного рецидива: следует ли включать в указанное понятие по-

вторное совершение преступления лицами, ранее находившимися в воспитательных колониях, а также в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа (для несовершеннолетних, освобожденных судом от наказания в порядке ч. 2 ст. 92 УК РФ)? Статистика предлагает аргументы в пользу включения в понятия криминологического и постпенитенциарного рецидивов деяний, совершенных в несовершеннолетнем возрасте. Во-первых, исследователи в целом констатируют тенденцию к омоложению рецидивной преступности. Во-вторых, около 12% опрошенных при анкетировании осужденных совершили свое первое преступление в возрасте 14–16 лет, что является достаточно большой долей [15, с. 17–18]. При этом криминологи постоянно подчеркивают, что чем раньше несовершеннолетний становится на путь преступлений, тем интенсивнее и опаснее его рецидивизм впоследствии [16, с. 141].

Возвращаясь к понятию криминологического рецидива и смежных понятий, можно предложить следующую терминологическую модель:

а) самое широкое понятие – фактический рецидив (фактический криминологический рецидив), которое представляет собой любой факт совершения повторного преступления (независимо от сроков судимости и форм вины, с учетом преступлений, впервые совершенных в несовершеннолетнем возрасте, включая как учтенные [выявленные государством], так и неучтенные [невыявленные] преступления);

б) фактический рецидив подразделяется на криминологический рецидив и латентный криминологический рецидив;

в) криминологический рецидив – это совершение повторного преступления, зафиксированного государством (путем вынесения обвинительного приговора в отношении конкретного лица), независимо от формы вины и без привязки к срокам судимости за ранее совершенные преступления;

г) латентный криминологический рецидив – свершение повторного преступления, которое не было выявлено государством или за которым не последовало осуждение и уголовное наказание (при этом на латентный криминологический рецидив распространяются все иные признаки криминологического рецидива).

Такая терминологическая модель коррелирует с формами статистического учета преступности, следовательно, криминологический рецидив может быть изучен с выявлением его причин и влияющих на него факторов, а латентный криминологический рецидив может изучаться только в рамках латентной преступности с использованием соответствующих методов.

Список источников

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. Гл. 6, пар. 3 «Виды множественности преступлений» // Справ.-прав. система «Гарант».

2. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Д. И. Аминов, Л. Д. Гаухман, Ю. С. Жариков, М. П. Журавлев [и др.]; под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2016. 584 с.
3. Филиппова О. В. К вопросу об уголовно-правовом и криминологическом понятии рецидива преступлений // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 63–67.
4. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г. А. Аванесов [и др.]. 5-е изд. М.: Юнити-Дана, 2010. 575 с.
5. Королева М. В., Мацкевич И. М. Проблемы борьбы с организованной преступностью: учебное пособие / под общ. ред. И. М. Мацкевича; науч. ред. Т. В. Редникова. М.: Проспект, 2021. 520 с.
6. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 1008 с.
7. Волконская Е. В. Понятие криминологического рецидива преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 63–66.
8. Коломытцев Н. А. Особо опасный рецидив и борьба с ним. М., 1999. 218 с.
9. Ольховик Н. В., Прозументов Л. М. Преступность осужденных и ее предупреждение. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 160 с.
10. Тохова Е. А. Предупреждение постпенитенциарного рецидива преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 189 с.
11. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2022 года (официальная информация). Раздел «Характеристика лиц, совершивших преступления» / Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» // МВД РФ. URL: file:///C:/Users/HP/Downloads/Sbornik_22_11.pdf.
12. Денисов А. Д. Коэффициент постпенитенциарного рецидива как основной критерий оценки эффективности деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы России // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 1 (36). С. 22–26.
13. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года // МВД РФ. Раздел «Состояние преступности». URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>.
14. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2022 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069>.
15. Тугельбаева Б. Г., Тыныбеков Н. Т. Криминологический рецидив: особенности личности преступника // Союз криминалистов и кримиологов. 2018. № 2. С. 15–24.
16. Хикматзода Дж. У. Криминологическая характеристика рецидива преступления // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2016. № 3 (31). С. 138–144.

References

1. Brilliantov A. V. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik* [Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook]. 3rd ed., reprint and additional. Moscow: Prospekt Publ., 2021. Gl. 6, par. 3 «Vidy mnozhestvennosti prestuplenii» [Chapter 6, paragraph 3 «Types of multiple crimes»]. *Legal reference system «Garant»*. (In Russ.).
2. Aminov D. I., Gaukhman L. D., Zharikov Y. S., Zhuravlev M. P. (et al.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik* [Criminal law of Russia. General part: textbook]. Moscow: Yusticinform Publ., 2016. 584 p. (In Russ.).
3. Filippova O. V. K voprosu ob ugolovno-pravovom i kriminologicheskom ponyatii retsidiva prestuplenii [On the question of the criminal law and criminological concept of recidivism of crimes]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 2021, no. 1 (92), pp. 63–67. (In Russ.).
4. Avanesov G. A. (et al.). *Kriminologiya: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya»* [Criminology: textbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence»]. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 2010. 575 p. (In Russ.).
5. Koroleva M. V., Matskevich I. M. *Problemy bor'by s organizovannoi prestupnost'yu: uchebnoe posobie* [Problems of combating organized crime: a textbook]. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 520 p. (In Russ.).
6. Dolgova A. I. (ed.). *Kriminologiya: uchebnik* [Criminology: textbook]. Moscow: Norma: Infra-M Publ., 2010. 1008 p. (In Russ.).
7. Volkonskaya E. V. *Ponyatie kriminologicheskogo retsidiva prestuplenii* [The concept of criminological recidivism of crimes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2015, no. 6, pp. 63–66. (In Russ.).
8. Kolomytsev N. A. *Osobo opasnyi retsidiv i bor'ba s nim* [Particularly dangerous relapse and the fight against it]. Moscow, 1999. 218 p. (In Russ.).
9. Olkhovik N. V., Prozumentov L. M. *Prestupnost' osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Crime of convicts and its prevention]. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 2009. 160 p. (In Russ.).
10. Tokhova E. A. *Preduprezhdenie postpenitentsiarnogo retsidiva prestuplenii* [Prevention of post-penitentiary recidivism of crimes]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Krasnodar, 2011. 189 p. (In Russ.).
11. The state of crime in Russia in January – November 2022 (official information). Section «Characteristics of persons who have committed crimes». Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, FKU «Main Information and Analytical Center». Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: file:///C:/Users/HP/Downloads/Sbornik_22_11.pdf. (In Russ.).
12. Denisov A. D. *Koeffitsient postpenitentsiarnogo retsidiva kak osnovnoi kriterii otsenki effektivnosti deyatelnosti uchrezhdenii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii*

[Coefficient of post-penitentiary relapse as the main criterion for evaluating the effectiveness of the activities of institutions of the penitentiary system of Russia]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii*, 2020, no. 1 (36), pp. 22–26. (In Russ.).

13. The state of crime in the Russian Federation for January – December 2021. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Section «State of crime»*. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>. (In Russ.).

14. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia for the 1st half of 2022. *Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069>. (In Russ.).

15. Tugelbaeva B. G., Tynybekov N. T. Kriminologicheskii retsidiv: osobennosti lichnosti prestupnika [Criminological relapse: features of the criminal's personality]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*, 2018, no. 2, pp. 15–24.

16. Hikmatzoda J. U. Kriminologicheskaya kharakteristika retsidiva prestupleniya [Criminological characteristics of recidivism]. *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan*, 2016, no. 3 (31), pp. 138–144.

Информация об авторе

Т. В. Филоненко – кандидат юридических наук, советник юстиции, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

T. V. Filonenko – Candidate of Law, Counselor of Justice, Dean of the Faculty of Professional Retraining and Advanced Training of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 29.04.2023.

The article was submitted 01.04.2023; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication 29.04.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 130–141.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 130–141.

Научная статья

УДК 343.222.1

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/130-141>

СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЭКССЕССА ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Арам Артурович Гюлбанкян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия,

aram.gyulbankyan@inbox.ru

Аннотация. На основании анализа нормативных и судебных правил квалификации совместной преступной деятельности, критического осмысления различных теоретических подходов, результатов социологических опросов в статье сформулированы рекомендации по вопросам уголовно-правовой оценки эксцесса исполнителя преступления.

В результате проведенного исследования автор констатирует, что единый умысел соучастников определяет рамки, в границах которых должен действовать (бездействовать) исполнитель. При этом договоренность соучастников о применении конкретного способа совершения преступления нельзя воспринимать в качестве некоего предельно четкого «технического задания», отклонение от которого разрушает единство умысла. Эта договоренность задает верхнюю границу, за которую не должен выходить исполнитель. В свою очередь нижняя граница единого умысла определяется целью совместных действий соучастников – допустим, похитить определенное имущество, убить конкретного потерпевшего, осуществить сбыт наркотиков. Выход исполнителя за эту границу, т. е. совершение им действий, идущих вразрез с совместной целью (например, уничтожение чужого имущества вместо его хищения, причинение потерпевшему побоев вместо его убийства), полностью разрушает соучастие.

Если же исполнитель реализует общую цель соучастников и не превышает при этом верхнюю границу согласованных с ними действий, то он не выходит за рамки единого умысла соучастников, даже когда модифицирует заранее оговоренный способ совершения преступления. В субъективной плоскости совместность как признак соучастия в преступлении предполагает, что все соучастники относятся к совместно совершаемому преступному деянию как к «своему». Применение испол-

нителем менее опасного способа совершения преступления, при условии, что общая цель соучастников была достигнута, не делает преступное деяние исполнителя «чужим» для остальных соучастников. Иными словами, в этом случае менее опасное деяние, фактически совершенное исполнителем, остается в границах единого умысла, не выходит за его рамки, что исключает эксцесс исполнителя.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя преступления, количественный эксцесс исполнителя, эксцесс в меньшую сторону, соучастие в преступлении, единство умысла соучастников.

Для цитирования: Гюлбанкян А. А. Сложные вопросы квалификации эксцесса исполнителя преступления // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 130–141. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/130-141>.

Original article

DIFFICULT QUALIFICATION ISSUES OF EXCESS OF THE PERFORMER OF THE CRIME

Aram Arturovich Gyulbankyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia, aram.gyulbankyan@inbox.ru

Abstract. Based on the analysis of the normative and judicial rules for the qualification of joint criminal activity, critical reflection on various theoretical approaches, and the results of sociological surveys, the article formulates recommendations on the criminal law assessment of the kurtosis of the perpetrator of the crime.

As a result of the study, the author states that the common intent of the accomplices determines the framework within which the perpetrator must act (inaction). At the same time, the agreement of the accomplices on the use of a specific method of committing a crime cannot be perceived as some kind of extremely clear "technical task", the deviation from which destroys the unity of intent. This agreement sets an upper limit beyond which the performer must not go. In turn, the lower limit of a single intent is determined by the purpose of the joint actions of the accomplices - for example, to steal certain property, kill a specific victim, or sell drugs. The exit of the performer beyond this border, i.e. the commission by him of actions that are contrary to the joint goal (for example, the destruction of someone else's property instead of stealing it, inflicting beatings on the victim instead of killing him), completely destroys complicity.

If the performer realizes the common goal of the accomplices and does not exceed the upper limit of the actions agreed with them, then he does not go beyond the common

intent of the accomplices, even if he modifies the predetermined method of committing the crime. In the subjective plane, jointness as a sign of complicity in a crime suggests that all accomplices treat the jointly committed criminal act as "their own". The use by the perpetrator of a less dangerous method of committing a crime, provided that the common goal of the accomplices has been achieved, does not make the criminal act of the perpetrator "alien" for the other co-participants. In other words, in this case, the less dangerous act, actually committed by the performer, remains within the boundaries of a single intent, does not go beyond it, which excludes the excess of the performer.

Key words: kurtosis of the executor of the crime, quantitative kurtosis of the executor, kurtosis in a smaller direction, complicity in a crime, unity of intent of accomplices.

For citation: Gyulbankyan A. A. Difficult qualification issues of excess of the performer of the crime // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. С. 130–141. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/130-141>.

В теории уголовного права принято разграничивать количественный и качественный эксцесс исполнителя преступления. В основу этой классификации положен критерий однородности (неоднородности) фактически совершенного эксцессного преступления с тем преступлением, которое было изначально задумано соучастниками преступления и охватывалось их умыслом. При количественном эксцессе исполнитель совершает однородное преступление, которое не охватывалось умыслом иных соучастников, а при качественном эксцессе – неоднородное преступное деяние, выходящее за пределы изначального преступного сговора.

Как правило, количественный эксцесс выражается в совершении исполнителем более тяжкого преступления, чем первоначально запланированное соучастниками. Исходя из этого, некоторые специалисты категорично заявляют, что количественный эксцесс заключается «в совершении более тяжкого однородного преступления», в сравнении с тем, что охватывалось преступным умыслом остальных соучастников. «При количественном эксцессе, – пишет Н. В. Толстопятова, – исполнитель совершает, как правило, однородное с задуманным всеми соучастниками деяние, но усугубляет его более опасным способом или другими обстоятельствами, наличие которых вызывает более опасные последствия, значительно повышает общественную опасность совершенного» [1, с. 8, 19].

С этой точки зрения, количественный эксцесс выражается в превышении исполнителем пределов того преступного результата, к которому стремились соучастники. Иными словами, в такой трактовке количественный эксцесс – это всегда эксцесс «в большую сторону», т. е. в направлении повышения общественной опасности.

Однако такой подход разделяется далеко не всеми представителями уголовно-правовой доктрины. Так, О. С. Капинус и К. В. Ображиев не без оснований указы-

вают, что «исполнитель может по своей инициативе совершить менее тяжкое преступное посягательство на тот же объект уголовно-правовой охраны. Например, исполнитель, имея предварительную договоренность с иными соучастниками о хищении чужого имущества путем разбойного нападения с применением оружия, воспользовался непродолжительным отсутствием собственника и совершил тайное хищение этого имущества. Или при наличии совместного конкретизированного умысла соучастников на убийство общепасным способом (путем подрыва автомобиля потерпевшего) исполнитель убил потерпевшего иным способом, не относящимся к числу общепасных» [2, с. 47].

К такому же выводу приходит и А. Ю. Корчагина: «Понятием эксцесса исполнителя охватываются случаи совершения исполнителем не только более тяжкого преступления по отношению к планировавшемуся (в 54 % случаев), но и равной степени тяжести (24 %) и менее тяжкие (23 %). Это позволяет говорить, что в современном понимании понятие эксцесса не полностью соответствует своему буквальному значению и распространяется на случаи совершения преступлений более тяжких, менее тяжких и равной степени тяжести по отношению к изначально запланированному преступлению» [3, с. 18]. И хотя приведенные выше данные о процентном соотношении проявлений эксцесса исполнителя вызывают серьезные сомнения (анализ судебной практики показывает, что «эксцесс в меньшую сторону» – это довольно редкое явление, которое встречается лишь в единичных случаях), с самой возможностью так называемого «эксцесса в меньшую сторону» стоит согласиться.

Надо признать, что единый подход к квалификации «эксцесса в меньшую сторону» в уголовно-правовой науке не выработан. Консенсус достигнут лишь в части квалификации действий исполнителя, совершившего менее тяжкое однородное преступление: все специалисты солидарны в том, что он должен нести ответственность за фактически исполненное преступное деяние. Что же касается иных соучастников, которые планировали совершение более тяжкого преступления, то имеющиеся теоретические рекомендации по квалификации их действий крайне противоречивы. При этом в широкой палитре мнений относительно уголовно-правовой оценки их действий можно выделить следующие основные подходы.

1. Согласно первому из них, действия организатора, подстрекателя, пособника, имеющих умысел на совершение более тяжкого преступления, необходимо квалифицировать как *приготовление к этому более тяжкому преступлению*. Проецируя эти рекомендации в практическую плоскость, А. А. Арутюнов приводит такой пример: «Соучастники договорились совершить грабеж, а исполнитель нашел возможным обойтись без открытого похищения имущества и совершил кражу. ...В этих случаях исполнитель должен нести ответственность только за совершение кражи, поскольку в отношении грабежа имеет место добровольный отказ. Остальные соучастники несут ответственность за грабеж по правилам, предусмотренным для неоконченного пре-

ступления. ...Приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления (ч. 1 ст. 30 УК РФ) признаются приготовлением к преступлению» [4, с. 192–193].

2. Представители второго подхода полагают, что в случаях, когда исполнителем совершено менее тяжкое преступление, чем планировалось, действия организатора, подстрекателя, пособника необходимо квалифицировать как *соучастие в покушении на более тяжкое преступление* [5, с. 24–26]. В качестве примера реализации этого подхода приводится следующая ситуация: «Исполнитель совершает менее тяжкое однородное преступление, чем было предусмотрено соучастниками (например, тайное хищение чужого имущества вместо грабежа). В действиях исполнителя имеет место совершение кражи, так как произошла трансформация умысла в сознании исполнителя. В таком случае исполнитель привлекается к уголовной ответственности по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК). Действия других соучастников квалифицируются как покушение на грабеж» [6, с. 76–77].

3. Сторонники третьего подхода считают, что при эксцессе в меньшую сторону действия организатора, подстрекателя, пособника необходимо квалифицировать как *соучастие в оконченном более тяжком преступлении, которое было изначально запланировано соучастниками*. «Например, подстрекатель склонил исполнителя к разбою, а исполнитель совершил кражу. В этом случае первый несет ответственность за подстрекательство именно к разбою, а исполнитель – только за фактически совершенную кражу» [7, с. 32].

4. Четвертый подход сводится к тому, что действия иных соучастников нужно квалифицировать как *соучастие в том менее тяжком преступлении, которое фактически совершено исполнителем*. Обосновывая этот подход, его представители указывают, что «если соучастники сговорились совершить хищение определенного имущества у конкретного потерпевшего путем разбойного нападения с применением оружия, то хищение этого имущества менее опасным способом не выходит за пределы совместного умысла. Точно так же при наличии сговора на совершение убийства общепасным способом причинение смерти потерпевшему не квалифицированным способом "укладывается" в рамки совместного умысла соучастников». На этом основании делается вывод о том, что «квалификация действий иных соучастников ... является производной от квалификации исполнительских действий. Следовательно, в первом примере (совершение кражи вместо разбоя) иные соучастники должны нести ответственность за соучастие в краже, а во втором примере (совершение «простого» убийства вместо убийства общепасным способом) – за соучастие в убийстве без квалифицирующих признаков» [8, с. 47–48].

Не прослеживается единства мнений по рассматриваемому вопросу и среди опрошенных нами экспертов из числа сотрудников правоприменительных органов. В рамках проведенного нами социологического исследования для экспертной оценки были представлены две ситуации.

В первой ситуации подстрекатель склонил исполнителя к совершению убийства потерпевшего путем взрыва его автомобиля, т. е. к убийству общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), однако исполнитель вопреки предварительной договоренности подкараулил потерпевшего в туалете и убил его ножом, совершив «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Ответы респондентов на вопрос о квалификации действий подстрекателя распределились следующим образом:

- ч. 1 ст. 30, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. приготовление к убийству общеопасным способом (0 %);

- ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 30, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. подстрекательство к покушению на убийство общеопасным способом (0,8 %);

- ч. 4 ст. 33, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. подстрекательство к убийству общеопасным способом (59,1 %);

- ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. е. подстрекательство к «простому» убийству (38,8 %);

- затруднились с ответом 1,2 % опрошенных.

Во второй ситуации, предложенной для оценки экспертам, подстрекатель склонил исполнителя к совершению открытого хищения чужого имущества в крупном размере (п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ), однако исполнитель, воспользовавшись временным отсутствием потерпевшего, совершил тайное хищение этого же имущества (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Применительно к этой ситуации респонденты ответили на вопрос о квалификации действий подстрекателя следующим образом:

- ч. 1 ст. 30, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. приготовление к грабежу в крупном размере (0 %);

- ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 30, п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ, т. е. подстрекательство к покушению на грабеж в крупном размере (0,8 %);

- ч. 4 ст. 33, п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ, т. е. подстрекательство к грабежу в крупном размере (61,1 %);

- ч. 4 ст. 33, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, т. е. подстрекательство к краже в крупном размере (36,8 %);

- затруднились с ответом 1,2 % опрошенных.

Как показывают результаты проведенного опроса, практики категорически не поддерживают первый теоретический подход, согласно которому в рассматриваемых ситуациях имеет место приготовление к более тяжкому преступлению. В основу этого подхода, по всей видимости, положены правила квалификации неудавшегося соучастия (ч. 5 ст. 34 УК РФ), но в нашем случае они неприменимы, поскольку исполнитель, добровольно отказавшись от совершения более тяжкого преступления, изначально запланированного с соучастниками, тем не менее реализует единый умысел соучастников посредством совершения менее тяжкого преступного посягательства (убивает потерпевшего, похищает имущество). Следовательно, со-

участие в этих случаях все-таки имеется, а значит, основания для применения правил квалификации неудавшегося подстрекательства, зафиксированных в ч. 5 ст. 34 УК РФ, отсутствуют.

Не получил поддержки у правоприменителей и второй подход, с точки зрения которого содеянное следует квалифицировать как подстрекательство к покушению на более тяжкое преступление, о котором изначально договаривались соучастники. Причем позиция практиков представляется вполне оправданной, ведь по нормативным правилам квалификации преступлений, совершенных в соучастии, сложное соучастие в неоконченном преступлении вменяется при условии, что исполнитель не довел преступление до конца. Согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ, если исполнитель совершил покушение на преступление, то остальные соучастники несут уголовную ответственность за покушение на преступление, а точнее, за соучастие в покушении на преступление. В этом проявляются акцессорные начала ответственности соучастников, квалификационная зависимость организатора, подстрекателя, пособника от деяния исполнителя преступления [9, с. 29–34]. Но в нашем случае исполнитель не совершает покушения на более тяжкое преступление, которое изначально было предметом предварительного сговора с иными соучастниками. А значит, мы не можем вменять организатору, подстрекателю и пособнику соучастие в покушении на это преступление. Это противоречит предписаниям ч. 5 ст. 34 УК РФ.

Результаты проведенного нами опроса показывают, что большинство сотрудников правоприменительных органов склоняются к третьему варианту квалификации (соучастие в оконченном более тяжком преступлении, изначально запланированном соучастниками), который получил поддержку свыше 60 % опрошенных. В то же время значительная часть экспертов (чуть менее 40 %) поддерживает четвертый вариант уголовно-правовой оценки (соучастие в фактически совершенном менее тяжком преступлении). Причем принципиальное различие между этими подходами заключается в несовпадающем понимании эксцесса исполнителя – одни считают, что он в рассматриваемых кейсах есть, а другие его не усматривают.

Вступая в эту теоретико-прикладную дискуссию, отметим отправную точку – констатировать эксцесс исполнителя можно лишь тогда, когда фактически совершенное им преступление не охватывалось умыслом иных соучастников. В таком случае уголовно-правовая оценка обсуждаемых ситуаций зависит от ответа на ключевой вопрос – охватывается ли фактически совершенное исполнителем менее тяжкое преступление умыслом иных соучастников, которые договорились совершить более тяжкое преступление?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, нужно понимать, что единый умысел соучастников определяет рамки, в границах которых должен действовать (бездействовать) исполнитель (именно рамки, а не единственно возможную линию преступного поведения). Поэтому договоренность соучастников о применении конкретного

способа совершения преступления нельзя воспринимать в качестве некоего предельно четкого «технического задания», отклонение от которого разрушает единство умысла. Эта договоренность задает верхнюю границу, за которую не должен выходить исполнитель. И если исполнитель превышает этот верхний предел, применяя более опасный способ совершения преступления, то он, безусловно, выходит за рамки единого умысла соучастников, что позволяет констатировать эксцесс.

При этом нижняя граница единого умысла определяется целью совместных действий соучастников – допустим, похитить определенное имущество, убить конкретного потерпевшего, осуществить сбыт наркотиков. Выход исполнителя за эту границу, т. е. совершение им действий, идущих вразрез с совместной целью (например, уничтожение чужого имущества вместо его хищения, причинение потерпевшему побоев вместо его убийства), полностью разрушает соучастие.

Если же исполнитель реализует общую цель соучастников и не превышает при этом верхнюю границу согласованных с ними действий, то он не выходит за рамки единого умысла соучастников, даже если модифицирует заранее оговоренный способ совершения преступления. В субъективной плоскости совместность как признак соучастия в преступлении предполагает, что все соучастники относятся к совместно совершаемому преступному деянию как к «своему». Применение исполнителем менее опасного способа совершения преступления, при условии, что общая цель соучастников была достигнута, не делает преступное деяние исполнителя «чужим» для остальных соучастников. Иными словами, в этом случае менее опасное деяние, фактически совершенное исполнителем, остается в границах единого умысла, не выходит за его рамки, что исключает эксцесс исполнителя.

Проецируя вышеизложенные рассуждения к первому кейсу, необходимо признать, что фактически совершенное исполнителем «простое» убийство полностью охватывается умыслом подстрекателя, даже несмотря на то, что он склонял исполнителя к убийству общеопасным способом. Исполнитель совершил именно то преступление, к которому его склонял подстрекатель – убил того же самого потерпевшего, которого планировалось убить. Применение исполнителем менее опасного способа убийства не выводит фактически совершенное преступление за рамки единого умысла соучастников. А значит, эксцесс исполнителя отсутствует, в связи с чем подстрекатель должен нести ответственность за подстрекательство к «простому» убийству.

Точно также и во втором кейсе умыслом подстрекателя полностью охватывается хищение чужого имущества, совершенное исполнителем, ведь он похитил именно то имущество, о хищении которого договаривался с подстрекателем, причем в том же размере. Следовательно, правила квалификации, предусмотренные ст. 36 УК РФ, здесь не применимы, в связи с чем действия подстрекателя необходимо квалифицировать как подстрекательство к фактически совершенной краже.

Дополнительным аргументом в пользу предложенной квалификации могут служить правила квалификации соучастия в неоконченном преступлении. Если исполнителю преступления по независящим от него обстоятельствам не удалось довести преступление до конца, то в силу ч. 5 ст. 34 УК РФ организатор, подстрекатель и пособник должны нести ответственность за соучастие в неоконченном преступлении. Например, исполнитель, реализуя единый с другими соучастниками умысел на убийство, выстрелил в потерпевшего из винтовки, но промахнулся. Действия пособника необходимо квалифицировать как пособничество в покушении на убийство (ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ), хотя они были нацелены на совершение оконченого убийства. В основу этого правила квалификации, имеющего выраженную акцессорную природу, положена уголовно-правовая презумпция, согласно которой оконченое преступление «поглощает» неоконченое, а умысел на совершение оконченого преступного деяния по умолчанию охватывает совершение неоконченного преступления. Иными словами, законодатель презюмирует, что умыслом соучастников охватывается не только оконченое преступление, но и неоконченое преступление. Поэтому «эксцесс в меньшую сторону» здесь не возникает, в связи с чем действия организатора, подстрекателя, пособника квалифицируются как соучастие в фактически совершенном исполнителем покушении на преступление.

На той же логике основана и квалификация рассматриваемых выше кейсов. Умысел соучастников на совершение запланированного преступления охватывает совершение исполнителем того же преступления, осуществленного менее опасным способом, что исключает эксцесс исполнителя.

Итак, в обсуждаемых ситуациях, когда исполнитель совершает согласованное с иными соучастниками преступление менее опасным способом, «эксцесс в меньшую сторону» усматривать нельзя. Такой эксцесс возможен лишь в крайне редких (если не сказать исключительных) случаях.

Например, А. и Б. совершали кражу чужого имущества (скажем, велосипеда) группой лиц по предварительному сговору, их действия были обнаружены собственником имущества, после чего А. убежал с места совершения преступления, а Б. продолжил противоправные действия – попытался скрыться с похищенным, однако сделать этого не сумел (упал с велосипедом, после чего бросил его и убежал).

По правилам уголовно-правовой оценки «перерастания» преступлений (пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое») действия Б. необходимо квалифицировать как покушение на единолично совершенный грабеж (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161 УК РФ), причем в силу предписаний ст. 36 УК РФ А. привлекать к ответственности за грабеж нельзя, поскольку Б. допустил эксцесс. При этом действия А. следует квалифицировать как покушение на групповую кражу (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ), ведь он выполнил часть объективной стороны кражи совместно с Б. [10, с. 6–7].

Но парадокс ситуации заключается в том, что санкция ч. 1 ст. 161 УК РФ является более мягкой, чем санкция ч. 2 ст. 158 УК РФ. А значит Б., допустивший эксцесс исполнителя, совершил менее тяжкое преступление, чем А. Возникает тот самый «эксцесс в меньшую сторону», причем появляется он парадоксальным образом вследствие применения соисполнителем более опасного способа совершения хищения.

Похожая ситуация может возникнуть при соучастии в хищении с распределением ролей. Подстрекатель склонил исполнителя к краже имущества с причинением значительного ущерба гражданину, а исполнитель похитил это имущество путем грабежа, т. е. допустил эксцесс. С учетом направленности умысла действия подстрекателя нужно квалифицировать по ч. 4 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а эксцессные действия исполнителя – по менее тяжкой ч. 1 ст. 161 УК РФ (напомним, что в ст. 161 УК РФ квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба гражданину» отсутствует).

Нетрудно заметить, что в приведенных примерах «эксцесс в меньшую сторону» возникает вследствие несогласованности квалифицирующих признаков, а также санкций ст. 158 и 161 УК РФ, при конструировании которых законодатель должным образом не учел различия в степени общественной опасности кражи и грабежа. Если устранить эти законодательные просчеты, «эксцесс в меньшую сторону» станет невозможным.

Список источников

1. Толстопятова Н. В. Эксцесс соучастников в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. 27 с.
2. Капинус О. С., Ображиев К. В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. № 2. С. 42–51.
3. Корчагина А. Ю. Эксцесс исполнителя преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 23 с.
4. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. 406 с.
5. Иванова Л. В. Особенности квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления // Российский следователь. 2013. № 7. С. 24–26.
6. Ситникова А. Квалификация действий соучастников преступления при эксцессе исполнителя // Уголовное право. 2009. № 5. С. 76–77.
7. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2000. 198 с.
8. Капинус О. С., Ображиев К. В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. № 2. С. 42–51.
9. Ображиев К. В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления // Законность. 2016. № 8 (982). С. 29–34.

10. Ображиев К. В. Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4. С. 4–13.

References

1. Tolstopyatova N. V. Ekstsess souchastnikov v ugolovnom prave [The excess of accomplices in criminal law]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Rostov-on-Don, 2004. 27 p. (In Russ.).

2. Kapinus O. S., Obrazhiev K. V. Ekstsess ispolnitelya i inykh so-uchastnikov prestupleniya: problemy kvalifikatsii [The excess of the perpetrator and other co-participants of the crime: problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. 2, pp. 42–51. (In Russ.).

3. Korchagina A. Yu. Ekstsess ispolnitelya prestupleniya [The excess of the perpetrator of the crime]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2005. 23 p. (In Russ.).

4. Arutyunov A. A. Souchastie v prestuplenii [Complicity in a crime]. Moscow: Statut Publ., 2013. 406 p. (In Russ.).

5. Ivanova L. V. Osobennosti kvalifikatsii deistvii souchastnikov pri ekstsesse ispolnitelya prestupleniya [Features of the qualification of the actions of accomplices in the excess of the perpetrator of the crime]. *Rossiiskii sledovatel'*, 2013, no. 7, pp. 24–26. (In Russ.).

6. Sitnikova A. Kvalifikatsiya deistvii souchastnikov prestupleniya pri ekstsesse ispolnitelya [Qualification of the actions of accomplices in the crime of the excess of the performer]. *Ugolovnoe pravo*, 2009, no. 5, pp. 76–77. (In Russ.).

7. Galiakbarov R.R. Bor'ba s gruppovymi prestupleniyami. Voprosy kvalifikatsii [Fight against group crimes. First of all, qualifications]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University Publ., 2000. 198 p. (In Russ.).

8. Kapinus O. S., Obrazhiev K. V. Ekstsess ispolnitelya i inykh souchastnikov prestupleniya: problemy kvalifikatsii [Excess of the perpetrator and other co-participants of the crime: problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. 2, pp. 42–51. (In Russ.).

9. Obrazhiev K. V. Vliyanie rezul'tatov ugolovno-pravovoi otsenki deistvii (bezdeistviya) ispolnitelya na kvalifikatsiyu deyanii inykh souchastnikov prestupleniya [Influence of the results of the criminal legal assessment of the actions (inaction) of the performer on the qualification of the acts of other co-participants in the crime]. *Zakonnost'*, 2016, no. 8 (982), pp. 29–34. (In Russ.).

10. Obrazhiev K. V. Problemy ustanovleniya formy souchastiya pri kvalifikatsii gruppovykh prestuplenii [Problems of establishing the form of complicity in the qualification of group crimes]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2017, no. 4, pp. 4–13. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Гюлбанкян – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия.

Information about the author

A. A. Gyulbankyan – postgraduate student, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 18.05.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 18.05.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 142–154.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 142–154.

Научная статья

УДК 347.1:336.743-029.003.26(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/142-154>

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫХ ТОКЕНОВ (NFT): СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анна Петровна Рабец¹, Кирилл Дмитриевич Найденов²

^{1, 2}Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа,
Владивосток, Россия

¹rabets.ap@dvfu.ru

²naidenov.kd@students.dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся гражданско-правового режима невзаимозаменяемых токенов (NFT). Отмечено, что невзаимозаменяемые токены, несмотря на широкое распространение на цифровом рынке, до сих пор легально не включены в число объектов гражданских прав. Сделана попытка уточнения правовой природы NFT и определения места невзаимозаменяемых токенов в системе объектов гражданских прав. В исследовании проведён анализ специфических свойств NFT, к которым отнесены уникальность, невзаимозаменяемость, способность удостоверения права держателя на конкретный объект записью в распределённом реестре, а также общих признаков, характерных для материальных благ (экономическая ценность, оборотоспособность). Авторы пришли к выводу, что NFT – это уникальный невоспроизводимый цифровой код, обладатель которого имеет право, удостоверенное записью в распределённом реестре, на оригинальный цифровой объект, привязанный к определённому невзаимозаменяемому токenu. Рассмотрение специфических признаков невзаимозаменяемых токенов позволяет отграничить NFT от иных объектов гражданских прав: интеллектуальной собственности, бездокументарных ценных бумаг, цифровых прав. В статье рассмотрены превалирующие в доктрине подходы относительно правовой природы NFT и сделан вывод, что с позиций современного законодательства невзаимозаменяемые токены следует относить к категории «иное имущество». В исследовании рассмотрен вопрос об объёме прав, получаемых об-

ладателями невзаимозаменяемых токенов, а также сделаны предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере. В частности, предложено включить NFT в статью 128 Гражданского кодекса РФ как категорию, относящуюся к иному имуществу, отграничив указанный объект от бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав по ключевому признаку невзаимозаменяемости. Кроме того, важно законодательно урегулировать тесно взаимосвязанные с NFT сферы, ибо на настоящий момент отсутствует легальное определение токена в целом, а также определение понятий блокчейн, виртуальное имущество.

Ключевые слова: невзаимозаменяемые токены, NFT, объект гражданских прав, интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, цифровые права, цифровые финансовые активы, бездокументарные ценные бумаги, иное имущество, блокчейн.

Для цитирования: Рабец А. П., Найденов К. Д. Гражданско-правовой режим невзаимозаменяемых токенов (NFT): современное состояние и перспективы развития законодательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 142–154. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/142-154>.

Original article

CIVIL LEGAL REGIME OF NON-FUNGIBLE TOKENS (NFT): CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF LEGISLATION

Anna Petrovna Rabets¹, Kirill Dmitrievich Naydenov²

^{1,2}Far Eastern Federal University, School of Law, Vladivostok, Russia

¹rabets.ap@dvfu.ru

²naidenov.kd@students.dvfu.ru

Abstract. The article considers issues related to the civil law regime of non-fungible tokens (NFT). It is noted that non-fungible tokens, despite the wide distribution in the digital market, are still not legally included in the number of objects of civil rights. An attempt was made to clarify the legal nature of the NFT and determine the place of non-fungible tokens in the system of civil rights objects. The study analyzed the specific properties of NFT, which include uniqueness, non-interchangeability, the ability to certify the holder's right to a specific object by writing in a distributed register, as well as general features characteristic of material goods (economic value, turnover). The authors concluded that NFT is a unique non-reproducible digital code, the

owner of which has the right, certified by an entry in the distributed registry, to an original digital object tied to a certain non-fungible token. Consideration of specific features of non-fungible tokens allows you to delimit NFT from other objects of civil rights: intellectual property, non-documentary securities, and digital rights. The article considers the approaches prevailing in the doctrine regarding the legal nature of the NFT and concludes that from the standpoint of modern legislation, non-fungible tokens should be classified as "other property." The study considered the issue of the amount of rights received by owners of non-fungible tokens, as well as proposals were made to improve legislation in the field under consideration. In particular, it was proposed to include NFT in article 128 of the Civil Code of the Russian Federation as a category related to other property, delimiting the specified object from documentary securities and digital rights on the key basis of non-replace ability. In addition, it is important to legislatively regulate spheres closely interconnected with NFT, because at the moment there is no legal definition of the token as a whole, as well as the definition of the concepts of block chain, virtual property.

Keywords: non-fungible tokens, NFT, civil rights object, intellectual property, intellectual rights, digital rights, digital financial assets, non-documentary securities, other property, block chain.

For citation: Rabets A. P., Naydenov K. D. Civil legal regime of non-fungeable tokens (NFT): current state and prospects of development of legislation // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 142–154. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/142-154>.

В последние годы в условиях цифровизации экономики в мировом обороте резко вырос интерес к использованию такой перспективной технологии, как невзаимозаменяемые токены (non-fungible token; NFT). Согласно отчёту консалтинговой исследовательской компании VMR (Verified Market Research), ожидается, что общая стоимость рынка NFT к 2030 г. вырастет до 231 млрд долларов [1]. Достаточно успешно реализуются невзаимозаменяемые токены и в Российской Федерации. Так, Государственный Эрмитаж подготовил, а затем впервые продал на открытом аукционе лимитированную коллекцию музейных NFT [2]. Известны многочисленные случаи реализации NFT отечественными художниками и онлайн-галереями.

Вместе с тем невзаимозаменяемые токены, несмотря на широкое распространение на цифровом рынке, до сих пор никак не урегулированы законом. Хотя процесс цифровизации в России существенно повлиял на развитие законодательства в данной сфере (в частности, в 2020 г. был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], в том же году вступил в действие Феде-

ральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]), вопросы оборота невзаимозаменяемых токенов, защиты прав владельцев NFT, правового режима токенов все ещё не нашли правового разрешения. В этой связи в доктрине появились интересные научные исследования, в которых сделаны попытки определить правовую природу указанной категории и найти место невзаимозаменяемых токенов в системе объектов гражданских прав [5, с. 44–66; 6, с. 44–51]. В то же время по причине отсутствия специального правового регулирования в рассматриваемой сфере вопрос о гражданско-правовом режиме NFT всё ещё остается достаточно актуальным.

Как отмечалось, легального определения невзаимозаменяемых токенов в отечественном законодательстве нет. Учитывая, что токены представляют собой запись (цифровой код) в реестре, распределённую в блокчейне, можно согласиться с подходом Э. Рамоса, который определил NFT как «криптографические единицы данных, основанные на существующей технологии блокчейн и несущие уникальные метаданные» [7]. Попытки дать определение невзаимозаменяемым токенам можно найти в отечественной судебной практике. Например, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда NFT определяется как «уникальный цифровой объект, который олицетворяет нечто, имеющее ценность – персонажа в игре, изображение, доменное имя, твит, аудиозапись» [8]. Нетрудно убедиться, что правоприменитель сделал акцент на критерии экономической ценности NFT.

Полагаем, что сущность рассматриваемой категории можно определить путём анализа характерных признаков NFT. Следует отметить, что большинство исследователей акцентирует внимание на двух взаимосвязанных свойствах рассматриваемого объекта: уникальности и невзаимозаменяемости, что, безусловно, абсолютно оправданно. В NFT используются возможности технологии блокчейн, с помощью которых создаются уникальные цифровые файлы, куда записывается изображение, графический объект или видео [7]. Другой важной особенностью NFT является невзаимозаменяемость на другие цифровые активы. Данная черта означает невозможность замены одного токена на другой, что придает уникальность цифровому активу, к которому присоединен токен. Это обеспечивает оригинальность и особую ценность объектов цифрового искусства. Следовательно, именно в невозможности обмена единиц токена заключается отличие NFT от взаимозаменяемых токенов.

Далее, к специальным признакам невзаимозаменяемых токенов можно отнести то, что они удостоверяют права держателя на конкретный объект записью в распределённом реестре. Это связано с функцией любого токена, ибо «в большинстве систем блокчейна, применяемых для реализации коммерческих проектов, токен является способом фиксации определённых имущественных прав,

и его принадлежность конкретному лицу характеризует владельца как обладателя этого имущественного права» [9, с. 37].

Кроме указанных специальных признаков можно выделить общие критерии, т. е. характерные не только для невзаимозаменяемых токенов, но и для других материальных благ: экономическая ценность и способность перехода от одного субъекта к другому. Свойство оборотоспособности NFT неоднократно отмечено в доктринальных исследованиях. Так, согласно точке зрения Д. С. Емельянова и И. С. Емельянова, «NFT не запрещён к обороту на территории России, токен можно свободно покупать, дарить, обменивать, передавать в наследство, вносить в уставный капитал обществ, совершать иные сделки» [10, с. 74]. Полагаем, что сфера оборотоспособности невзаимозаменяемых токенов в данном случае неоправданно расширена за счёт «иных сделок». Заметим, что для определённых случаев распоряжения объектами гражданских прав установлены законодательные ограничения. В частности, статья 66.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «Вклады в имущество хозяйственного товарищества или общества» [11] чётко регламентирует те объекты, которые можно вносить в качестве вкладов в уставный (складочный) капитал, и перечень этот достаточно конкретен. Не исключено, что при появлении законодательного регулирования будут установлены и иные ограничения оборотоспособности NFT.

Помимо признаков невзаимозаменяемых токенов их специфика определяется и сферой применения. Наиболее распространённым является создание и продажа в виде NFT произведений цифрового искусства (NFT в отношении арт-объектов в цифровой форме: цифровых картин, музыки, видео, твитов и т.д.). Вместе с тем не исключено создание невзаимозаменяемых токенов в других областях, ибо понятие NFT охватывает все невзаимозаменяемые токены, которые можно выпустить в отношении любого имущественного объекта, обладающего индивидуальностью (например, здания). Таким образом, «цель создания NFT состоит в закреплении за правообладателем токена прав на конкретный цифровой актив или материальный предмет» [12, с. 36].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что NFT – это уникальный невозпроизводимый цифровой код, обладатель которого имеет право, удостоверенное записью в распределённом реестре, на оригинальный цифровой объект, привязанный к определённому невзаимозаменяемому токену.

О необходимости чёткого определения правового режима невзаимозаменяемых токенов и юридического закрепления статуса владельцев NFT говорят многочисленные факты продажи токенов, приобретенных без надлежащего разрешения, а также факты распоряжения NFT-коллекциями без согласия на то владельцев. Например, известный кинорежиссер Квентин Тарантино организовал продажи вырезанных сцен из своей работы «Криминальное чтиво» и рукописного сценария с

комментариями в виде NFT без согласования с компанией Miramax, вследствие чего последняя подала в суд на Тарантино [13]. Также широко известен случай с компаниями Nike и StockX. Компания StockX осуществляла несанкционированную продажу неавторизованных NFT-изображений кроссовок Nike, в результате чего состоялось судебное разбирательство, по итогам которого компанию StockX обязали возместить убытки, причиненные компании Nike, за незаконное использование исключительного права на товарный знак [14].

Без наличия конкретных правовых норм, определяющих режим NFT и статус его создателей и владельцев, каждый продавец (создатель) токенов устанавливает свои технические нормы, в которых оговариваются условия продажи, вследствие чего на сегодняшний день нет однозначного ответа на вопрос о том, какие права и (или) обязанности возникают у лиц в результате приобретения NFT, ибо все зависит от правил конкретной платформы [15]. При этом в некоторых странах предпринимаются попытки разрешить данную неопределенность. В частности, в постановлении суда Ханчжоу (КНР) по делу о продаже цифровых NFT-коллекций была изложена оригинальная правовая позиция относительно природы невзаимозаменяемых токенов. По мнению правоприменителя, последние обладают объективными характеристиками прав собственности (такими, как стоимость, редкость, управляемость, возможность продажи) [16]. Суд в данном деле счел нужным применить к NFT правила о «сетевой виртуальной собственности».

В России в условиях отсутствия правового регулирования и судебной практики в рассматриваемой сфере вопрос о месте NFT в системе объектов гражданских прав является дискуссионным. Многие специалисты полагают возможным применение к NFT режима «иногo имущества» [5, с. 64]. Другие авторы в качестве способа легализации невзаимозаменяемого токена допускают отнесение его к «категории цифровых прав» [10, с. 75]. Наконец, есть мнение, что NFT является объектом интеллектуальной собственности. Заметим, что указанные подходы к определению правовой природы NFT являются, по сути, полярными, ибо речь идёт об абсолютно разных группах объектов гражданских прав, закреплённых в статье 128 ГК РФ [11] (имущество относится к материальным благам, а интеллектуальная собственность – к духовным (идеальным) благам).

Наибольшей критике, несмотря на её относительную официальность, подверглась точка зрения, связанная с отнесением NFT к объектам интеллектуальной собственности» [12, с. 29–37]. Следует отметить, что 19 мая 2022 г. депутатами Государственной Думы РФ на рассмотрение был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов)» (далее – законопроект № 126586-8) [17]. В нем предлагалось включить в перечень охраняемых ре-

зультатов интеллектуальной собственности невзаимозаменяемые токены (NFT). Тем самым имела место попытка распространить на NFT правовой режим объектов интеллектуальной собственности. Однако законопроект не был принят по причине его недостаточной проработанности, с чем следует, бесспорно, согласиться.

Нецелесообразность включения NFT в число объектов интеллектуальной собственности детерминирована, в первую очередь, разной правовой природой указанных объектов, а также спецификой правовой охраны интеллектуальной собственности. Статья 1225 ГК РФ [18] содержит закрытый перечень результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. NFT же, как отмечалось, не является результатом интеллектуальной деятельности, а представляет собой запись с информацией о правах на определённый объект (не обязательно объект интеллектуальной собственности) в реестре блокчейн, подтверждающую права обладателя токена на владение уникальной версией цифрового объекта, связанного с конкретным невзаимозаменяемым токеном. «Объектами интеллектуальной собственности являются как раз те токенизированные произведения (например, изображение или исполнение музыки), право на обладание уникальной версией которых и выражено в NFT» [5, с. 58]. При этом у создателя невзаимозаменяемого токена при наличии правового основания появляется комплекс интеллектуальных прав на связанный с токеном результат интеллектуальной деятельности.

К сказанному можно добавить то, что пунктом 4 статьи 129 ГК РФ [11] установлен запрет на отчуждение результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, отчуждаться могут лишь исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. NFT же может отчуждаться от его создателя посредством купли-продажи и совершения иных отчуждательных сделок. Кроме того, в силу положений статьи 1227 ГК РФ [18] интеллектуальные права не зависят от прав на внешний (материальный) носитель, в чем выражается их самостоятельная ценность. NFT, в свою очередь, исключительно зависит от объекта, к которому он привязан и олицетворением которого он является. Также следует обратить внимание на особую правовую охрану объектов интеллектуальной собственности. У правообладателя в отношении указанных объектов возникает исключительное право, которое удостоверяется в большинстве случаев охраняемым документом и действует определённый срок (за некоторыми исключениями). Невзаимозаменяемые токены же сами по себе не влекут возникновение исключительных и иных интеллектуальных прав, а также их охрану со стороны государства.

Учитывая определённую связь NFT с объектами интеллектуальной собственности, возникает вопрос об объёме прав, получаемых обладателями невзаимозаменяемых токенов. Можно согласиться с мнением, высказанным в правовой литературе, что в NFT содержится «право, подтверждающее владение оригинальной вер-

сией объекта цифрового искусства... только для личных целей, а также право на перепродажу NFT» [5, с. 59]. В свою очередь вопросы, связанные с переходом к новому владельцу NFT интеллектуальных прав, регламентируются положениями части четвертой ГК РФ (Раздела VII) об объектах авторского права и смежных прав, а также о некоторых иных объектах интеллектуальной собственности (в частности, средствах индивидуализации). Следовательно, переход к приобретателю NFT исключительного права на объект интеллектуальной собственности (токенизированное произведение) должен осуществляться на основе соответствующих договоров: лицензионного договора или договора об отчуждении исключительного права. Полагаем, что не исключён переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, связанный с токеном, по наследству.

В правоприменительной практике о нарушении интеллектуальных прав в зарубежных странах невзаимозаменяемые токены также рассматриваются не как разновидность интеллектуальной собственности, а как специфический цифровой инструмент, с помощью которого возможно нарушение исключительного права на объект интеллектуальной собственности. Примером может служить нарушение права на товарный знак, послужившее основанием для рассмотрения спора между компаниями Nick и StockX [14].

Как отмечалось, NFT обладает рядом признаков объекта гражданских прав: он подлежит денежной оценке, является оборотоспособным. Следовательно, мы можем говорить о невзаимозаменяемых токенах как об объектах гражданско-правовых отношений, относящихся к категории материальных благ. Согласно ст. 128 ГК РФ [11], в перечень объектов гражданских прав входят, в частности, вещи (в том числе наличные деньги и документарные ценные бумаги), имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права) и иное имущество. Невзаимозаменяемые токены нельзя отнести к вещам в силу принадлежности последних к предметам материального мира. При этом такие свойства NFT, как уникальность и невзаимозаменяемость, схожи с признаками индивидуально-определённой вещи. Не относятся невзаимозаменяемые токены и к таким имущественным правам, как безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги, ибо не указаны в этом качестве в законе и имеют чёткое отличие от упомянутых объектов – невзаимозаменяемость.

NFT нельзя отнести и к категории цифровых прав, так как он представляет собой лишь способ удостоверения права владельца на цифровой актив, но сам по себе цифровым активом не является. В ст. 141.1 ГК РФ дается легальная дефиниция цифровых прав, под которыми понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей

установленным в законе признакам. NFT, с учётом критериев российского законодательства, отличается от поименованных в законе [3; 4] цифровых прав (цифровых финансовых активов и др.) и не может считаться их разновидностью.

Таким образом, на сегодняшний день, в условиях правового пробела, невзаимозаменяемые токены логичнее всего относить к иному имуществу, а к правообладателю применять термин «владелец NFT», широко используемый сейчас в научной литературе.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в качестве законодательного варианта решения проблемы определения правовой природы невзаимозаменяемых токенов было бы рационально включить NFT в статью 128 ГК РФ как категорию, относящуюся к иному имуществу, отграничив указанный объект от бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав по ключевому признаку невзаимозаменяемости. Тем более что в отечественной судебной практике уже имели место случаи, когда суды в своих решениях трактовали токены (правда, не относящихся к NFT) как разновидность иного имущества, которое, в частности, может быть включено в конкурсную массу [19]. Было бы разумно учитывать подобные правовые позиции и при решении рассматриваемых вопросов.

Во-вторых, важно законодательно урегулировать тесно взаимосвязанные с NFT сферы. В официальном отзыве Правительства РФ от 30 августа 2022 г. на законопроект №126586-8 было отмечено, что отсутствует легальное определение токена в целом, а не только NFT, а также не закреплены понятия блокчейна и цифрового контента [20]. Как справедливо было отмечено в Заключение Правового управления Государственной Думы РФ на указанный законопроект, при отсутствии законодательного регулирования в вышеуказанных сферах установление нового легального определения без закрепления тесно взаимосвязанных с ним понятий только усугубит ситуацию и создаст ряд проблем для правоприменителя [21].

В-третьих, потребуется уточнение способов защиты прав владельцев невзаимозаменяемых токенов. Было бы разумным применить способы защиты, сходные со способами защиты бездокументарных ценных бумаг, так как и на NFT, и на бездокументарные ценные бумаги не могут быть распространены вещно-правовые способы защиты. Кроме того, важно на законодательном уровне решить обусловленные природой NFT вопросы обязательственного права. В частности, необходимо уточнить специфику заключения сделок с NFT, форму сделок, особенности исполнения обязательств в указанной сфере. Заметим, что правовое регулирование в рассматриваемой области может осложниться тем обстоятельством, что NFT может выпускаться и реализовываться субъектами из разных юрисдикций.

Решение поставленных проблем на законодательном уровне будет способствовать развитию NFT и позволит в полной мере раскрыть преимущества рассмотренной перспективной цифровой технологии.

Список источников

1. Рынок NFT к 2031 году составит \$2030 млрд: Отчет VMR. URL: <https://www.forbesindia.com/article/crypto-made-easy/nft-market-worth-231-billion-by-2030-report/78191/1#:~:text=The%202022-page%20research%20report,in%20the%20next%20eight%20years.>
2. Теткин М. Эрмитаж продал NFT-токены картин из своей коллекции на 32 млн рублей. URL: [https://www.rbc.ru/crypto/news/61376bd99a7947185cd5d967?ysclid=ldo3kzuv673793283.](https://www.rbc.ru/crypto/news/61376bd99a7947185cd5d967?ysclid=ldo3kzuv673793283)
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
4. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Брисов Ю. В., Победкин А. А. Правовой режим NFT (non-fungible token) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? // Цифровое право. 2022. Т. 3. № 1. С. 44–66.
6. Кашеварова Н. А., Старикова И. С. Невзаимозаменяемый токен: перспективный цифровой инструмент для бизнеса // Вестник университета. 2022. № 3. С. 44–51.
7. Рамос Э. Метавселенная, NFT и права ИС: регулировать или не регулировать? // Журнал ВОИС. 2022. № 2. URL: [https://www.wipo.int/wipo_magazine/ru/2022/02/article_0002.html.](https://www.wipo.int/wipo_magazine/ru/2022/02/article_0002.html)
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 октября 2022 г. № 09АП-63742/2022 по делу № А40-56943/22 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
9. Новосёлова Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.
10. Емельянов Д. С., Емельянов И. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения. 2021. № 10 (241). С. 71–76.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
12. Рожкова М. А. NFT и иные токены: право на запись и право из записи // Журнал по интеллектуальным правам. 2022. Вып. 4 (38). С. 29–39.
13. Miramax Sues Quentin Tarantino Over ‘Pulp Fiction’ NFTs. URL: [https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-news/quentin-tarantino-sued-pulp-fiction-nft-1235048725/.](https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-news/quentin-tarantino-sued-pulp-fiction-nft-1235048725/)

14. Nike, Inc. v. StockX LLC, 1:22-CV-00983-VEC. URL: <https://www.leagle.com/decision/infdc020220415g54>.

15. Жибуртович Е. NFT: Правовые вопросы современного тренда. URL: <https://vc.ru/crypto/343524-nft-pravovye-voprosy-sovremennogo-trenda>.

16. Решение Интернет-суда провинции Ханчжоу от 29.11.2022 г. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/WWnZAxqiIVJ-dHO9eoBVw>.

17. О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): проект федерального закона от 19.05.2022 г. № 126586-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8#bh_histras.

18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

19. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

20. Официальный отзыв Правительства РФ на проект ФЗ № 126586-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8#bh_histras

21. Заключение Правового управления Государственной Думы РФ на проект ФЗ № 126586-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8#bh_histras.

References

1. The NFT market will amount to \$2030 billion by 2031: VMR Report. URL: [https://www.forbesindia.com/article/crypto-made-easy/nft-market-worth-231-billion-by-2030-report/78191/1#:~:text=The%20202-page%20research%20report,in%20the%20next%20eight%20years.\(In%20Russ.\)](https://www.forbesindia.com/article/crypto-made-easy/nft-market-worth-231-billion-by-2030-report/78191/1#:~:text=The%20202-page%20research%20report,in%20the%20next%20eight%20years.(In%20Russ.))

2. Tetkin M. Ermitazh prodal NFT-tokeny kartin iz svoei kolleksiis na 32 mln rublei [Hermitage sold NFT tokens of paintings from its collection for 32 million rubles]. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/61376bd99a7947185cd5d967?ysclid=ldo3kzuv673793283>. (In Russ.).

3. On digital Financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020 (ed. of 14.07.2022). *Legal Reference System «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

4. On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of 02.08.2019 (ed. of 14.07.2022). *Legal Reference System «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

5. Brisov Yu. V., Pobedkin A. A. Pravovoi rezhim NFT (non-fungible token) v Ros-sii: kak rabotat' v otsuststvie spetsial'nogo zakonodatel'nogo regulirovaniya? [The legal

regime of NFT (non-fungible token) in Russia: how to work in the absence of special legislative regulation?]. *Tsifrovoye pravo*, 2022, vol. 3, no. 1. pp. 44–66. (In Russ.).

6. Kashevarova N. A., Starikova I. S. Nevzaimozamenyaemyi token: perspektivnyi tsifrovoy instrument dlya biznesa [Non-interchangeable token: a promising digital tool for business]. *Vestnik universiteta*, 2022, no. 3, pp. 44–51. (In Russ.).

7. Ramos E. Metavseleonnaya, NFT i prava IS: regulirovat' ili ne regulirovat'? [Metaverse, NFT and IP rights: to regulate or not to regulate?]. *Zhurnal VOIS*, 2022, no. 2. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/ru/2022/02/article_0002.html. (In Russ.).

8. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of October 20, 2022 No. 09AP-63742/2022 in case No. A40-56943/22. *Legal Reference System «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

9. Novoselova L. A. «Tokenizatsiya» ob"ektov grazhdanskogo prava [«Tokenization» of objects of civil law]. *Khozyaistvo i pravo*, 2017, no. 12, pp. 29–44. (In Russ.).

10. Emelyanov D. S., Emelyanov I. S. Nevzaimozamenyaemye tokeny (NFT) kak samostoyatel'nyi ob"ekt pravovogo regulirovaniya [Non-interchangeable tokens (NFT) as an independent object of legal regulation]. *Imushchestvennye otnosheniya*, 2021, no. 10 (241), pp. 71–76. (In Russ.).

11. The Civil Code of the Russian Federation (Part one): Federal Law No. 51-FZ of 30.11.1994 (ed. of 16.04.2022). *Legal Reference System «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

12. Rozhkova M. A. NFT i inye tokeny: pravo na zapis' i pravo iz zapisi [NFT and other tokens: the right to record and the right to record]. *Zhurnal po intellektual'nyim pravam*, 2022, iss. 4 (38), pp. 29–39. (In Russ.).

13. Miramax Sues Quentin Tarantino Over 'Pulp Fiction' NFTs. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-news/quentin-tarantino-sued-pulp-fiction-nft-1235048725/>.

14. Nike, Inc. v. StockX LLC, 1:22-CV-00983-VEC. URL: <https://www.leagle.com/decision/infdc020220415g54>.

15. Zhiburtovich E. NFT: Pravovye voprosy sovremennogo trenda [NFT: Legal issues of the modern trend]. URL: <https://vc.ru/crypto/343524-nft-pravovye-voprosy-sovremennogo-trenda>. (In Russ.).

16. The decision of the Internet Court of Hangzhou Province dated 29.11.2022 URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/WWnZAxqiIVJ-dHO90eoBVw>. (In Russ.).

17. On Amendments to Article 1225 of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (regarding the expansion of the list of protected results of intellectual activity in the form of non-interchangeable tokens): draft Federal Law No. 126586-8 of 19.05.2022. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8#bh_histras. (In Russ.).

18. The Civil Code of the Russian Federation (Part four): Federal Law No. 230-FZ of 18.12.2006 (as amended on 05.12.2022). *Legal Reference System «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

19. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 15, 2018 No. 09AP-16416/2018 in case No. A40-124668/2017. *Legal Reference System «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

20. The official response of the Government of the Russian Federation to the draft Federal Law No. 126586-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8#bh_histras (In Russ.).

21. Conclusion of the Legal Department of the State Duma of the Russian Federation on the draft Federal Law No. 126586-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8#bh_histras. (In Russ.).

Информация об авторах

А. П. Рабец – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

К. Д. Найденов – студент 2-го курса бакалавриата, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Information about the authors

A. P. Rabets – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

K. D. Naydenov – 2nd year undergraduate student, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 16.04.2023; принята к публикации 16.04.2023.

The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 16.04.2023; accepted for publication 16.04.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 155–161.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 155–161.

Научная статья

УДК 343.851.5((470+571)+510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/155-161>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОПЫТ РОССИИ И КИТАЯ

Наталья Николаевна Коротких¹, Михаил Фузулиоглы Юнусов²

^{1, 2}Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа, Владивосток, Россия

¹korotkikh.nn@dvfu.ru

²iunusov.mf@students.dvfu.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ направлений и результатов проведения государственной политики в сфере противодействия преступности и иной антиобщественной деятельности несовершеннолетних на примере России и Китая. Состояние преступности в указанных странах вызывает особую тревогу. Количество насильственных преступлений и преступлений корыстной направленности, совершаемых несовершеннолетними в Китае и России, постоянно растет. Кроме того, свое распространение получает тенденция омоложения преступности несовершеннолетних, а также групповой преступности несовершеннолетних. Совершенствуются приемы и способы осуществления преступных посягательств несовершеннолетними. Для создания эффективной системы противодействия преступности несовершеннолетних требуется принятие целого комплекса мер, учитывающих криминологические, социологические аспекты их реализации, основы психологии и уголовного права. Обращение к практике правовой регламентации указанных отношений в КНР направлено на выявление положительного опыта противодействия преступности несовершеннолетних, профилактики вовлечения данных лиц в преступную и иную антиобщественную деятельность. В дальнейшем положительный опыт может быть использован отечественным законодателем при определении направлений государственной политики в сфере противодействия преступности несовершеннолетних, профилактики вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность.

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетний, антиобщественное деяние, преступность, ответственность, Россия, Китай.

Для цитирования: Коротких Н. Н., Юнусов М. Ф. Противодействие преступности несовершеннолетних: опыт России и Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 155–161. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/155-161>.

Original article

COUNTERING JUVENILE DELINQUENCY: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND CHINA

Natalia Nikolaevna Korotkikh¹, Mikail Fuzuliogli Yunusov²

^{1, 2}Far Eastern Federal University, School of Law, Vladivostok, Russia

¹korotkikh.nn@dvfu.ru

²iunusov.mf@students.dvfu.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of the directions and results of state policy in the field of combating crime and other antisocial activities of minors on the example of Russia and China. The state of crime in these countries is of particular concern. The number of violent and mercenary crimes committed by minors in China and Russia is constantly growing. In addition, the trend of rejuvenation of juvenile delinquency and group delinquency of minors is becoming widespread. Methods of committing criminal assaults by minors are also being improved. To create an effective system of countering juvenile delinquency requires the adoption of a whole range of measures that take into account the criminological, sociological aspects of their implementation, the basics of psychology and criminal law. The appeal to the practice of legal regulation of these relations in the PRC is aimed at identifying positive experience in countering juvenile delinquency, preventing the involvement of these persons in criminal and other antisocial activities. In turn, in the future, the positive experience can be used by the domestic legislator in determining the directions of the state policy in the field of combating juvenile delinquency, preventing the involvement of minors in criminal and other antisocial activities.

Keyword: crime, minor, antisocial act, criminality, responsibility, Russia, China.

For citation: Korotkikh N. N., Yunusov M. F. Countering juvenile delinquency: the experience of Russia and China // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 155–161. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/155-161>.

Преступность несовершеннолетних как негативное социальное явление вызывает серьезную озабоченность во многих странах мира. Согласно официальным стати-

стическим данным, в России ежегодно с участием несовершеннолетних совершается более 40 тыс. преступлений. В то же время количество преступных посягательств, совершаемых несовершеннолетними или при их соучастии, постепенно сокращается. Так, за январь-август 2022 г. отмечается снижение уровня преступности несовершеннолетних на 7,3 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [1].

Несмотря на наличие положительной тенденции к сокращению количества преступлений, уровень преступности несовершеннолетних остается достаточно высоким. В 2021 г. на территории Российской Федерации всего было совершено 848 320 преступления, из них 29 126 (3,43 %) преступления совершено несовершеннолетними. Значительная часть из них приходится на преступления против собственности (83 %), 8 % - против жизни и здоровья и чуть более 4 % – это преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков [2, с. 99].

Около двух третей несовершеннолетних, совершивших преступления в 2019 г., – это лица в возрасте 16–17 лет (63,7 %). Доля лиц в возрасте 14–15 лет – 36,3 %. Распределение несовершеннолетних преступников по полу близко к распределению взрослых – большинство из них мужского пола (в 2019 г. – 89,9 %).

По данным Верховной народной прокуратуры Китая, с 2014 по 2017 гг. количество арестов подростков снизилось с 56276 до 42213 за год, позднее выросло на 5,87 % и 7,51 % соответственно в 2018 и 2019 гг. В то же самое время количество случаев уголовного преследования несовершеннолетних выросло на 5,12 % в годовом исчислении за 2019 г. Самыми распространенными видами подростковых преступлений числятся кражи, грабежи, умышленное причинение вреда здоровью, организация беспорядков. Указанные преступления занимают 82,28 % от их общего числа [3].

В целях противодействия преступности несовершеннолетних в России принимается совокупность различных по своему содержанию и направленности мер. Примерами таких мер выступают, в частности, привлечение к уголовной ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий, проведение профилактической работы с несовершеннолетними, их родителями, иными законными представителями и др. [4, с. 134].

Вместе с тем уровень преступности несовершеннолетних показывает, что принимаемые отечественным законодателем меры по противодействию преступности несовершеннолетних являются недостаточно эффективными. При разработке новых мер профилактики и предупреждения преступности несовершеннолетних, совершенствовании применяемых в данной сфере мероприятий следует обратиться к опыту зарубежных стран (в частности, к опыту Китая).

В КНР охрана прав и законных интересов несовершеннолетних рассматривается в качестве одного из основных направлений проведения государственной политики. Одной из особенностей китайской уголовной политики в вопросе борьбы с преступностью несовершеннолетних является обеспечение приоритета воспитания и исправле-

ния перед карательными мерами [5, с. 397]. В этих целях разрабатываются и принимаются нормативно-правовые акты, регламентирующие указанные отношения. Однако, как показывает изучение судебно-следственной практики, зачастую на поведение подростков, способствуя их преступной активности, влияют взрослые преступники, вовлекая несовершеннолетних в совершение преступлений. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости принятия государством мер, направленных не только на борьбу с преступностью несовершеннолетних, но и на предупреждение фактов вовлечения их в преступную и иную антиобщественную деятельность.

Особое внимание законодателя уделяется вопросам установления уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на права и интересы несовершеннолетних.

Во исполнение ст. 17 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. [6], устанавливающей право на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред здоровью, духовному развитию ребенка, в уголовном законодательстве Китая были предусмотрены составы преступлений, посягающие на указанные блага.

По УК КНР [7] законодатель, не выделяя преступления против несовершеннолетних в самостоятельную главу, соответствующие составы преступлений группирует в рамках отдельных норм главы 4 УК КНР «Преступления против права граждан на жизнь и демократических прав граждан». Так, к числу таких преступлений законодателем отнесено склонение к бродяжничеству (ст. 262). Объективная сторона рассматриваемого состава преступления сводится к принуждению путем хитрости и обмана несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, к оставлению своей семьи или опекуна.

В свою очередь в нормах УК РФ находит свое отражение иной подход к определению содержания рассматриваемого состава преступления. Отечественный законодатель устанавливает уголовную ответственность за склонение к бродяжничеству, а не за принуждение к уходу несовершеннолетнего из семьи. Следует признать, что подход, изложенный в нормах УК РФ, в данной сфере является более совершенным, поскольку позволяет учесть многочисленные формы склонения к бродяжничеству (не только путем понуждения к уходу из дома). Соответственно, в УК РФ, на наш взгляд, обеспечивается больший объем правовой защиты, нежели по нормам УК КНР.

Также некоторые составы преступлений против несовершеннолетних можно встретить и в иных главах УК КНР. В частности, в ст. 347 главы 7 «Преступления против порядка общественного управления» устанавливается уголовная ответственность за использование, подстрекательство несовершеннолетних к контрабанде, продаже, транспортировке и изготовлению наркотиков или продаже наркотиков несовершеннолетним, а в ст. 353 – за вовлечение, обучение, привлечение обманным путем или принуждение несовершеннолетних к употреблению наркотиков [8, с. 74].

При этом законодатель устанавливает достаточно строгие санкции за совершение указанных видов преступных посягательств. Так, в ст. 347 УК КНР предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до восьми лет. Примечательно, что в данном случае речь идет лишь о склонении несовершеннолетних к занятию определенными видами преступной деятельности [9, с. 164]. В этой связи необходимо признать, что изложение аналогичного подхода в нормах отечественного уголовного законодательства позволило бы усилить уголовно-правовую охрану несовершеннолетних в Российской Федерации.

Отметим, что по ряду преступных деяний в УК КНР, до недавнего времени, не проводилось разграничения по возрасту потерпевшего. Так, «обучение способам преступной деятельности» в соответствии со ст. 295 УК КНР в зависимости от наличия и характераотягающих обстоятельств влечет лишение свободы на срок от пяти лет и вплоть до смертной казни независимо от возраста обучаемых лиц (правда, в ст. 29 Общей части УК КНР указывается, что «подстрекающий к преступлению лиц, моложе восемнадцати лет, должен нести более строгое наказание»). Похожая статья 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» предусматривает лишение свободы на срок до восьми лет, и пострадавшим по ней может являться только несовершеннолетний. Кроме того, формулировка ст. 150 УК РФ о вовлечении в совершение преступления представляется более предпочтительной, чем «обучение способам преступной деятельности», так как для наличия состава преступления не обязательно совершение самого преступления несовершеннолетним, то есть способ описания состава преступления, закрепленный в УК РФ, включает в себя и деяния, предусмотренные ст. 295 УК КНР.

Поправками № 11, принятыми 26 декабря 2020 г., внесён ряд изменений в Особенную часть УК Китая. В целом то, что отнесено к воздействию на несовершеннолетних, было дополнено нормами о преступлениях против половой неприкосновенности малолетнего (например, усилено наказание за изнасилование малолетней в возрасте до 10 лет; криминализовано совершение лицом полового сношения с девушкой-подростком, находящейся в зависимости от виновного; признаны преступными публичные развратные действия и др.).

Проведенный сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства России и Китая позволяет сделать вывод о едином стремлении законодателей двух государств решить проблему защиты несовершеннолетнего от негативного влияния на него взрослых лиц, предупредить случаи вовлечения несовершеннолетних в занятие преступной либо иной антиобщественной деятельностью. Усиление гарантий безопасности детства требует установления единых стандартов в области уголовно-правовой защиты несовершеннолетних.

Таким образом, на основании проведенного сравнительного исследования уголовного законодательства может быть сделан вывод о том, что современное обще-

ство стало осознавать, что преступления против несовершеннолетних – это не только проблема государственных органов, это, прежде всего, социальная проблема. Вчерашний несовершеннолетний уже сегодня становится полноправным гражданином своего государства, а его воспитание и оказанная ему поддержка со стороны правительства и социума будут являться той основой, которая скажется на его поведении и правосознании.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – август 2022 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/32515852/>.
2. Гармышев Я. В. Особенности уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий в законодательстве зарубежных стран // ГлаголЪ правосудия. 2016. № 1 (11). С. 96–104.
3. В Китае за последние два года начала вновь расти подростковая преступность. URL: <https://regnum.ru/news/2968977.html>.
4. Городинец Ф. М. Меры воздействия на несовершеннолетних с целью снижения их криминальной активности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 132–136.
5. Пан Дунмэй. Проблемы преступности несовершеннолетних и борьба с ней в КНР // Lex Russica. 2013. № 4. С. 391–400.
6. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989). URL: <https://base.garant.ru/2540422/>.
7. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 г. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus//rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>.
8. Михайлова Г. А. К вопросу о предупреждении детской преступности в Китае // Вестник Кузбасского института. 2012. № 1 (9). С. 71–79.
9. Иншаков С. М. Системы воздействия на преступность в Китае, Японии и других странах АТР // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 164–169.

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–August 2022. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/32515852>. (In Russ.).
2. Garmyshev Ya. V. Osobennosti ugovnoyi otvetstvennosti za вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий в законодательстве зарубежных стран [Features of criminal responsibility for involving minors in committing antisocial acts in the legislation of foreign countries]. *Glagol'"" pravosudiya*, 2016, no. 1 (11), pp. 96–104. (In Russ.).
3. In China, juvenile delinquency has begun to grow again over the past two years. URL: <https://regnum.ru/news/2968977.html>. (In Russ.).

4. Gorodinets F. M. Mery vozdeistviya na nesovershennoletnikh s tsel'yu snizheniya ikh kriminal'noi aktivnosti [Measures of influence on minors in order to reduce their criminal activity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2016, no. 3 (71), pp. 132–136. (In Russ.).

5. Pan Dongmei. Problemy prestupnosti nesovershennoletnikh i bor'ba s nei v KNR [Problems of juvenile delinquency and the fight against it in the PRC]. *Lex Russica*, 2013, no. 4, pp. 391–400. (In Russ.).

6. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 11/20/1989). URL: <https://base.garant.ru/2540422/>. (In Russ.).

7. Criminal Code of the People's Republic of China of March 14, 1997. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus//rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>. (In Russ.).

8. Mikhailova G. A. K voprosu o preduprezhdenii detskoï prestupnosti v Kitae [On the issue of preventing child crime in China]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2012, no. 1 (9), pp. 71–79. (In Russ.).

9. Inshakov S. M. Sistemy vozdeistviya na prestupnost' v Kitae, Yaponii i drugikh stranakh ATR [Systems of influence on crime in China, Japan and other countries of the Asia-Pacific region]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2016, no. 1, pp. 164–169. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. Н. Коротких – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

М. Ф. Юнусов – магистрант, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Information about the authors

N. N. Korotkikh – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

M. F. Yunusov – Master's degree student, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023; одобрена после рецензирования 14.05.2023; принята к публикации 14.05.2023.

The article was submitted 14.04.2023; approved after reviewing 14.05.2023; accepted for publication 14.05.2023.

Для заметок